

ЧАСТЬ I

Глава I

Это его мир. Мир Гагтунгра. В этом мире нет любви. И нет пощады. Бунтующий лиловый океан, раскинутый от горизонта до горизонта. А над ним владыка мрака и ночи. Черные крылья стремятся охватить весь ближний космос, в котором то вспыхивают, то гаснут звезды, проплывают газовые туманности и выбрасывают триллионы кубометров вещества протуберанцы.

Лицо его серое. Взор дьявола из тьмы обращен на маленькую хрупкую голубую планету, где идет вечная битва. Оттуда он черпает гаввах — энергию излучения человеческих страданий. И ждет того часа, когда на планете вспыхнет огонь последней битвы. Тогда она взорвется, разлетевшись на мелкие куски, выбросит в космос такую вспышку гавваха, которая даст ему силы устремиться ввысь к сердцу этой вселенной, чтобы вместе с Люцифером и другими демонами овладеть им.

* * *

Гигантский энергетический спрут со щупальцами, похожими на щупальца кальмаров, распростерся по всей поверхности планеты. Из космоса он похож на гигантского черного паука, оплевшего своими сетями всю Гею. Это ве-

ликий демон державности — уицраор Соединенных Штатов Америки — Стэбинг. Он господствует в этом мире, называемом Энрофом. А ведь еще каких-то два десятка лет назад ему казалось, что борьба с красным Жругром — третьим уицраором России будет вечной. Этот сверхнарод в двадцатом веке силою своего духа и ценой невероятных усилий породил такого монстра, перед которым падали ниц и уползали, бесшумно убирая щупальца, все другие демоны великодержавия.

Жругр питался благоговением перед государством, его мощью и силой, насаждал культ вождей, жгучую ненависть к врагам и мессианство. И русский сверхнарод питал его, пока было чем. Казалось, одолеть Жругра не сможет никто и никогда. Но третий великий уицраор России, уже втянувший под себя половину мира, погиб от собственной алчности. Надорвался в борьбе с демиургом сверхнарода. Поглотив все жизненные силы людей, Жругр рухнул вместе с той государственностью, которую должен был охранять. Рухнул и похоронил под обломками страну.

В ужасе наблюдал русский сверхнарод, как рушилась империя, управлявшая доброй половиной мира, как корчился в судорогах умирающий Жругр, родившийся еще в годы гражданской войны. А отпочковавшиеся от умирающего гиганта Жругриты, охватившись щупальцами, переплелись в смертельной схватке, в которой победитель получил в награду сердце третьего уицраора России.

Стэбинг довольно наблюдает за вверенной ему планетой. Иногда бывают и небольшие возмущения. Но в такие моменты спрут двигает щупальцами. И от присосок и бородавок, уродливо расположившихся на теле Земли, вылетают сверхзвуковые самолеты. Бомбят, наводят ужас на непокорное население.

И все стихает. Только поднимаются в космос новые излучения гаввах.

Задача Стэбинга сегодня проста и понятна. Он, в облике которого есть что-то от тигра, должен дожидаться, когда окончательно иссякнет психоизлучение человеческих масс. И тогда он завладеет оставшимся наследством умершего гиганта.

Впрочем, куда ему торопиться? Теперь, когда у сверхнарода нет защиты русского уицраора — он установил всемирную тиранию.

А игвы делают все, что надо.

Стэбинг, наслаждаясь картиной, наблюдает, как выползшие откуда-то из глубин шрастров игвы — черные и мутные, вместо того, чтобы питать уицраора России питательной росой, сами поглощают энергию, причитающуюся ему.

Русские сегодня уже разделены, рассеяны по нескольким государствам. Над их сознанием грядутся его помощники. Взращивают в людях ненависть, презрение к своему прошлому, возвеличивают предателей и продажных вождей. Скоро люди начнут массово отказываться от своей истории, идентичности, языка. Надо только ждать, когда колос созреет. А потом начинать жатву. Они уже дважды в этом веке наказали себя. Теперь предстоит последняя битва. Когда они сами начнут уничтожать друг друга.

Впрочем, уже сейчас сам Гагтунгр доволен Стэбингом. Гаввах идет хорошо. И не надо начинать кровавой бойни. Миллионы умирают и так — от создавшейся безысходности, страха, ненависти, которую сеют игвы.

Наследник — трехцветный четвертый жругрит, высосавший из сердца кровь своего отца, слаб. Игвы травят его, загоняют в угол. Его человекоорудие заражено ядом страха. И вряд ли когда посмеет выступить открыто против Стэбинга и Гагтунгра.

* * *

В черной крепости Друккарга томится Душа России Навна. Третий, красный жругр так замуровал ее в каменном мешке, что голос ее почти не слышен. Только чуть голубоватое свечение идет из-за циклопических стен. Навна выражала то, что объединяло русских в единую нацию. То, что звало их души ввысь, что созда-

вало искусство России, его неповторимое благоухание. Она когда-то была связана миллионами нитей с душой каждого русского. И эти души питали ее. Теперь большинство нитей разорвано, спутано. И только отдельные, истово верующие еще поддерживают жизнь общей русской соборной души. И напрасно ослабевший в битве с красным уицраором Демидург России Ярсвет призывает расколотый сверхнарод выполнить свою великую миссию. Дух народа, воля к борьбе иссякают. И впереди только бесславное существование на осколках распавшейся империи. Только безысходные попытки отнять у прожорливых порождений тьмы — игвы и раругов, богатства своей страны.

* * *

Немигающий взгляд Гагтунгра ищет, ищет на поверхности земли того, кто мог бы еще изменить ход событий. Это высокий дух, который спустился из небесной страны в Энроф для того, чтобы выволить из Друккарга Навну.

Но все пошло не так. Верные слуги Гагтунгра сбили его с пути, окутали словами как сетями, не дали раскрыться в нем цветку Розы. И теперь он, прельщенный, погибает в душевной атмосфере распада народного тела.

Сам Гагтунгр испытывает даже нечто вроде удовлетворения, когда видит эту высокую монаду, когда-то ускользнувшую от него, совершив великий подвиг духа.

Теперь игвы ведут ее к бесславному концу существования в Энрофе. Подталкивают, надеясь на то, что тот, кто способен подняться так высоко к небесам, теперь упадет также низко, на самое дно...

Глава II

Гигантским черно-белым айсбергом вырастает из тумана приплывший из какого-то другого мира корабль. Это американский круизный лайнер «Нью-Амстердам». Его черный корпус стальной глыбой возвышается над стеклянным зданием морского вокзала Петербурга. А похожая на ступенчатую пирамиду белая надстройка в двенадцать палуб теряется в белесом тумане. Картина сюрреалистическая и завораживающая.

Черный, полноприводный, тюнингованный «Мерседес» Олега Мирового с белыми кожаными сиденьями внутри подъезжает к КПП. У шлагбаума их останавливает бестолковый охранник в черной чоповской робе с синей надписью на спине и желтой биркой на груди. Он как елка обвешан «атрибутами власти». Рацией. Резиновой палкой на ремне. Связками ключей. Свистком. Наручниками. Мирового они всегда раздражают. Ну, понятное дело — пенсионеры. А это здоровенные мужики. Бездельники. Им бы землю пахать.

Пока Андрюха объясняется с быдлом, Мировой отстраненно сидит, не вступая в дискуссию. Считает ниже своего достоинства. «Ведь видел же, скот бессмысленный, на какой машине я приехал. А все равно кочевряжится. Русской свинье дай хоть самую мизерную власть, она тут же начинает строить из себя что-то важное. И хрюкать».

Так же молча он показывает им посадочный билет на теплоход. Проезжают. В морвокзале пока пусто. Он специально приехал пораньше, чтобы случайно не встретить никого из знакомых. Как говорится, береженого бог бережет.

Теперь надо пройти пограничный контроль.

Олег Мировой на ходу оглядывает кабинки — ищет пограничника мужика. В последние годы, когда на службу начали принимать баб, он имел с ними несколько неприятных инцидентов. В последний раз была прыщавая девка. Он подумал, что у нее должно быть что-то не в порядке с гормонами. А она, видимо, считала

его мысль. И курва, сучка крашенная мурыжила его на границе минут двадцать. Так и этак разглядывала его паспорт. Судя по всему, искала повод, чтобы прицепиться, задержать.

Почти такая же история приключилась с ним в Британии. Там он удивленно «не так» посмотрел на маленькую, похожую на морщинистую обезьяну, индуску. И история повторилась. Она с пристрастием начала задавать вопросы. Потом позвала начальника смены. Хорошо тот оказался белым. Англичанином.

Был случай и в Германии. Молодой белотелой немке-полицайке не понравилось, что он сразу выложил на стойку все необходимые для въезда бумажки. Потому что знал — сейчас она спросит обратный билет. Потом ваучер на гостиницу. Цель приезда. Ну и так далее. А он, как опытный путешественник, сразу ей все и выложил.

Женщины и власть — это опасное сочетание. Но с этим приходится считаться. Так что, вздохнув, он направляется к первой попавшейся кабине. Молча подаст документ. Безразлично здороваётся. И стараясь не проявлять на лице никаких эмоций, ждёт, когда роскошная блондинка отсканирует страницы его биометрического паспорта, считает на экране монитора нужные ей метки и, наконец, шлепнет печать.

Его всегда поражает бессмысленность того, чем занимаются эти люди. Все прекрасно знают, что у страны с девяносто первого года нет постоянно охраняемой границы. Тысячи километров бескрайних степей и гор предоставляют возможность любому желящкуну — преступнику, наркоторговцу, контрабандисту беспрепятственно проникнуть в Россию. Миллионы мигрантов без всяких на то прав и документов въезжают в страну. Но эти «роботы», сидящие в окошках, продолжают все так же тупо исполнять свою бессмысленную, бесполезную и никому на самом деле ненужную работу. «Представляю, как они нас ненавидят. Богатых, успешных, тех, кто путешествует на шикарных лайнерах. Впрочем, что ж говорить. Они нас не любят. А мы их презираем!» — думает он, шагая по длинному пирсу.

Лайнер изнутри — это словно обитая бархатом, полная ювелирных украшений, шкатулка.

Он шагает по коридорам следом за стюардом, который катит его чемодан. По ходу нащупывает в кармане купюру номиналом в пять евро. Это вечная проблема. Что дать холую. Сейчас все живут с кредитками, и наличных денег с собой обычно нет. Но бывают моменты — вот как сейчас. Поэтому перед каждой поездкой за границу верный водитель Андрюха едет в банк и там меняет крупную купюру.

А тем временем улыбчивый белозубый смуглолицый малаец прикладывает электронный ключ к замку. Открывает дверь. Заносит чемодан в каюту. Кладет его на специальную деревянную подставку.

Мировой протягивает ему денежку. Тот улыбается и, по-английски глотая звуки, произносит что-то вроде «всегда к вашим услугам». Олег проходит внутрь каюты и останавливается весьма довольный своим выбором. Он, конечно, давно уже знает, что почем. Знает и градацию кают на лайнерах премиум-класса. Чем выше находятся апартаменты, тем престижнее считается проживание в них. Его палуба десятая. Выше только еще одна. Имеет значение и класс каюты. Самые дешевые — внутренние, не имеющие окон и находящиеся внутри лайнера. Потом с окошками. Эти уже будут на сотню долларов дороже. Затем каюты с собственными балкончиками. А на лайнерах класса «люкс», как на этом, имеются и съюты. И также пентхаусы.

На этот раз он остановился на съюте с балконом, расположенном ближе к корме. Он еще раз прошелся по номеру, чтобы проверить — не накололи ли его давние

партнеры — продавцы туров из фирмы «Виа-Марина». Все в порядке. Двухспальная кровать сверкает идеально белыми простынями. Пять мягчайших (черт его знает, чем они их наполняют) подушек аккуратно, строго выставлены. Уютный диванчик. Фрукты, цветы и бутылка, судя по этикетке, качественного вина ждут гостя на столе. Он заглянул и в ванную комнату: сверкающие унитаз, биде, душ и ванна тоже успокоили его придиричивый взгляд.

Мировой, освоившись, постоял перед зеркалом в ванной комнате. Оттуда на него смотрел худощавый, по-мальчишески стройный мужчина лет сорока пяти. Без единой седой волосинки в роскошной копне светлых волос. Из-под черных взлетел бровей — признак породы — на него немигающе глянули синие, но строгие глаза. Лицо абсолютно правильное, слегка округлое. Губы пухлые, маленькие. Еще не успели властно опуститься вниз. Одет он просто, но одновременно элегантно. И главное — все вещи фирменные, самого высокого класса.

Постоял. И пошел переодеваться. Снял свои коричневато-красные дорожные ботинки. Достал из чемодана собственные шлепанцы, тоже украшенные фирменным лейблом. Одел их и, отодвинув стеклянную дверь, снова шагнул на свой балкон. И тут, как говорится, наконец, удивился. Как бывший моряк, он знает, что на каждом судне строго используется каждый сантиметр площади. А здесь прямо взлетная площадка, на которой стоят столик, два кресла и два больших черных пластмассовых лежака с мягкими матрасами.

Мировой стоит несколько минут, опершись на деревянный поручень. Смотрит, как внизу, через вокзал подтягивается народ. Идут с чемоданами на колесиках. Несут тяжелые сумки.

Это заходят на лайнер пассажиры из России.

Но ее пока нет. И он решает: «А чего сидеть тут в каюте? Пойду, прогуляюсь, осмотрюсь!»

Как человек систематический, Мировой решает осматривать корабль, начав с верхних палуб.

Он проходит по длинному коридору до шахты лифта.

Легкая мелодия извещает, что лифт прибыл. Двери открываются.

Олег с удовольствием обнаруживает, что лифт не только большой, но еще и зеркальный. А зеркала создают дополнительное ощущение увеличенного пространства. Для него это важно. Очень важно. Потому что он, такой спортивный, целеустремленный и одновременно современный человек — страдает от клаустрофобии. Заработал он ее в далеком прошлом, которое напоминает о себе таким экзотическим способом.

Он входит в кабину пустого лифта и нажимает кнопку самой верхней палубы.

Наверху просторно. Дек номер одиннадцать — это открытая палуба, с которой ему открывается панорама его родного Петербурга. Отсюда, с высоты двадцатиэтажного дома, видится набережная Невы. Величественные мосты. Бело-зеленый Зимний дворец.

«Люблю тебя, Петра творенье, твой величавый гордый вид, Невы державное течение — береговой ее гранит...» — шепчет Мировой про себя стихи великого Пушкина.

Он обходит верхнюю палубу лайнера. Здесь есть все, что надо для отдыха: крытый бассейн со сдвигающейся крышей на случай непогоды. Купели-джакузи. Легкие белые лежаки. Его внимание привлекает сиротливо лежащая на пустом лежаке книга. Старинная такая книга в красно-коричневом плотном кожаном переплете с двуглавым орлом и портретом впечатлительного юноши с печальным лицом и смешным хохолком на голове. Называется она «Александр I». Мировой берет ее в руки. И удивляется: «Как она сюда попала, эта книга? Кто ее принес? Зачем? Почему? И оставил на пустынной палубе...»

Он забирает ее с собой: «Почитаю».

Путешествие по «райскому острову» продолжается. Олег спускается на нижнюю палубу. И начинает обход с носа. Тут располагается корабельный концертный зал. С большой сценой в самом носу трюма. И зрительным амфитеатром из составленных рядами длинных диванов желто-золотистого цвета. Все здесь обито бархатом. И роскошные светильники на длинных держателях с потолка дополняют эту строгую гармонию.

Вообще, слово «роскошный» в наибольшей степени соответствует тому, что он видит в этом плавучем городе. Так он оценил и винтовую лестницу в центре корабля, которая пронизала этажи-палубы. И гигантские светильники из муранского стекла. Несколько, как ему показалось, нарушали гармонию то ли лепные, то ли сделанные из желтоватой пластмассы, похожие на бабочек, крылатые ангелочки, приклеившиеся на потолках гигантских внутренних помещений.

Осмотрел он и многочисленные бары, сменяющие один другой. И рестораны. Да, со времен знаменитого «Титаника» стремление к изысканной роскоши осталось неизменным. В конце осмотра он прогулялся по третьей палубе, над которой висят, как диковинные плоды, оранжевые спасательные боты. Дверь с электронным замком привычно прошуршала что-то свое. И он снова в своем жилище гурмана-отшельника.

Мировой садится к столику. И разглядывает подобранную книгу. Автор — некто Н.К. Шильдер. На плотной, красивой внутренней вкладке парадный портрет царя в полный рост. В мундире с золотым шитьем. Лосинах. Ботфортах. При шпаге. С прижатой к ноге роскошной треуголкой. С плюмажем.

«Красавец мужчина», — думает Олег. И наугад открывает этот фолиант. Глава восьмая. «Путешествие императора Александра в Англию...» Затем переводит взгляд на расположенную ниже литографию, изображающую группу всадников, едущих на прогулку в Гайд-парк... Читает: «Как только Александр и Фридрих Вильгельм вышли на берег и сели в приготовленные для них экипажи, народ отпряг лошадей и повез на себе обоих монархов в город...»

На двери жужжит жужелицей электронный звонок. Появляется давешний бой-малаец. Втаскивает большой черный, блестящий пластмассой, чемодан на колесиках. А следом в дверном проеме появляется стройная, худющая, но представительная фигура Затеякиной.

Мировой незамедлительно встает и устремляется навстречу. Смуглый малаец подобострастно-почтительно кладет чемодан на специальное прорезиненное покрытие на кровати. И почтительно останавливается у входа.

Мировой быстрым движением достает из кармана зеленую долларовую бумажку с масонскими символами. Сует ее малайцу в смуглую с тыльной стороны и белую изнутри ладонь. Тот бормочет «спасибо» и испаряется за дверью каюты.

А Олег, чтобы не терять разбега и «преодолеть дистанцию», приближает Марину Петровну. И пытается поцеловать. Но горячих объятий и длинного влюбленного поцелуя не получается. Женщина холодна. И невозмутима. Она только слегка подается под его напором. И, уклонившись от поцелуя, позволяет чмокнуть себя в щеку. Возникает даже какая-то легкая натянутая неловкость. Чтобы как-то преодолеть ее, Мировой принимается громко рассказывать о том, что увидел на теплоходе в ходе своего утреннего осмотра.

Марина открывает чемодан, достает из него вещи, развешивает их в шкафу, раскладывает по полочкам.

Слегка обескураженный таким холодным приемом, Мировой продолжает говорить, пока слова не иссякают. Наконец, он замолкает. И в каюте повисает неловкое молчание, во время которого Олег любителю на свое приобретение. Долго же он добивался, чтобы она оказалась здесь. С ним. Но дело не в любви. Мирового

прельщает трудность задачи. И Марина Петровна нужна ему для самоутверждения в собственных глазах.

Смолоду его тянуло к красивым, самостоятельным и самодостаточным женщинам. Чувствовал он какую-то робость и неуверенность в отношениях с ними. И ни легкие интрижки с молоденькими модельками, ни романы с домохозяйками не давали удовлетворения его тщеславию. Сейчас он хотел преодолеть этот комплекс. Чтоб можно было похвастаться самому себе. Вот я каков! Какую женщину покорил!

Что он еще знает о ней? Родом она из благословенного южного края нашей великой страны. Кажется, отец ее был начальником какого-то района еще в советские времена. Закончила текстильный институт. И подалась в Питер. Тут она поработала некоторое время мастером на фабрике. А потом, видимо, поняла, что сейчас востребованы другие ее данные. И оказалась в пресс-службе большого человека. Поговаривали, что воткнул ее туда муж. Парень такого авантюрного розлива, вольный художник, любитель свободных отношений с женщинами. Ну, а оказавшись у «тела», она не растерялась... И карьера ее пошла в гору стремительно.

Так что Мировому пришлось попотеть. Встречи как бы невзначай. Долгие разговоры на казенных фуршетах. Охи, вздохи. Рестораны. А главное — ему приходится рассказывать о своей любви. А что делать? Что делать? Женщина интеллигентная. И такую одним только «Вольво», подогнанным к подъезду, не возьмешь.

А пока она раскладывает свои вещи, Олег Павлович думает, что сложновато ему будет, судя по началу, прожить две недели в одной каюте. Почувствовав дрожь корпуса, Мировой вышел на балкон своей каюты и принялся наблюдать за тем, что происходит в порту. А там работяги в оранжевых касках и жилетах отдают швартовы — освобождают гиганта от пут, которыми он причален к бетонной стенке. А там бурлит, шипит водная гладь от работающих в унисон переднего и заднего винтов.

Путешествие начинается. Впереди у них Таллин. А потом Стокгольм. И все дальше, дальше, дальше... «Кажется, здесь ситуация такая, как рассказывала мне ее бывшая подруга Анна, — думает Олег, склонившись за перила. — Когда женщине проще дать, чем объяснять, почему не хочешь давать...»

* * *

Олег Павлович Мировой родился в городе Ленинграде — так назывался Петербург во времена правления так называемых коммунистов. Родился двадцать второго декабря одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года по новому стилю. (А по старому — соответственно двенадцатого декабря). В день зимнего солнцестояния, когда зима поворачивает на морозы, а солнце на весну.

Бабушка Олега — блокадница, пережившая в городе немецкую осаду. Ее дочкой эвакуировали из города на Неве в Узбекистан. Ее-то вывезли, а вся родня умерла от голода. После войны она вернулась в пустой дом. На насиженное место. Училась в институте. Где и встретила дедушку — бравого капитана-фронтовика. Вскре у них родился сын, которого назвали Павликом.

Жили, как все. Не тужили.

Бабушка — женщина красивая и волевая начала делать комсомольскую карьеру. А вот фронтовик-капитан Петр Федорович себя не проявил. Нравилось ему только играть на скрипке и попить водочку. Кончилось дело это печально. Допился он «до чертиков». И бабушка, которая в то время уже очень даже поднялась по партийной работе, отправила неудачника мужа в лечебно-трудовой профилакторий. Больной дедушка Петр оказался не слишком дисциплинированным пациентом. И частенько за нарушение режима попадал в изолятор, а если сказать

еще проще — в карцер. Что там случилось — никто толком не знает. Но во время одной из таких отсидок нашли его с проломленной головой. Другие сидельцы уверяли, что они тут не причем, а он поскользнулся и «сам упал, ударился головой об унитаз».

Дело это раздувать не стали. Списали на несчастный случай. Тем более что бабушка после этого случая пошла в гору по карьерной лестнице. И ей такой муж уж совсем был ни к чему. Благополучно избежав развода, что в советское время никак не приветствовалось, она в статусе вдовы «героя войны» заняла пост второго секретаря Ленинградского городского комитета КПСС. Отвечала за идеологию в городе.

Уже с момента своей работы в комсомоле она стала «номенклатурой». То есть вошла в правящий класс страны советов. Термин этот вышел на поверхность к нам из глубины веков. Судя по всему, произошел от латинского слова *nomen* — имя. Номенклатура — это список имен. Во время праздников и торжеств в Древнем Риме распорядитель, громко провозглашавший имена входящих на прием гостей, назывался «номенклатором».

В СССР номенклатура — это список должностей, назначение на которые утверждалось вышестоящими органами.

Олег Павлович Мировой как раз и был отпрыском этого правящего класса. Номенклатурная бабушка, не слишком любившая сына, была от внука «без ума». И Олег, «родившийся в рубашке», а если по-западному — «с золотой ложкой во рту», пользовался всеми радостями беззаботной и сытой юности. Еще маленьким ребенком он частенько бывал в Смольном. Белокуроый мальш смело шагал по длинным, чистым, словно вылизанным паркетным коридорам, устланным бордовыми дорожками. Разглядывал стандартные черные таблички на белых дверях. Забегал в приемную, где сидела секретарь секретаря горкома партии. И никто не смел остановить хорошенького мальчугана, когда он открывал дверь и забегал в кабинет к бабушке. Бабушка, конечно, притворно сердилась. Но сидевший у нее на приеме посетитель торопливо собирал свои бумаги и вылетал прочь.

Отец в это время успешно служил. То на Дальнем Востоке, то на Кавказе. Поэтому, чтобы «не таскать ребенка по гарнизонам», Олега оставляли в Петербурге. С отцом и матерью он виделся летом. И на каникулах.

Эти дни навсегда остались в памяти Олега, как самые лучшие. Конечно, он бывал в специальных лагерях для детей номенклатуры. Бывал и в «Орленке», и в «Артеке». Но все-таки больше ему нравилось «на свободе».

Мать его была родом из Ставрополя. Такая казачка из станицы, к которой прикипел сердцем петербургский интеллигент. И поэтому иногда его отпускали на побывку. Станица, где жила родня, называлась Апполоновской. И она входила в целую казачью страну, раскинувшуюся на юге России. Олег особенно запомнил свой первый приезд туда. Рано утром они с матерью вышли из самолета в аэропорту Минеральных Вод. Солнце только-только алым краешком высунулось из-за темной гряды Кавказского хребта. И Олег увидел прямо на горизонте, в ясном небе «висящие» горы.

В аэропорту их встретил на стареньком «Запорожце» дядя Иван, маленького роста, чернявый, чернородый казачок с легкой полуулыбкой на губах. По дороге он озвучивал Олегу названия остающихся по сторонам станиц. Странно звучали для его ленинградского уха старинные слова: Нагутская, Солдатская, Марьинская, Прохладная, Апполоновская.

А дядька объяснял, откуда это:

— Цари строили. Линиями. Одну станицу за другой.

Олег не удержался. Спросил:

— А почему так?

— Ну, просто туда дальше, ближе к горам, живут другие народы. Чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы. От их набегов и строили такие станицы. Закрепляли Россию на этой земле. Россия, она ведь расширялась толчками. Сначала было Московское княжество, а потом пошли. На Сибирь. На юг. В Крым. А кто шел? Мы, казаки!

И Олег услышал в дядькиных словах гордость за своих предков и за себя.

Олег гордости не чувствовал. Он не местный, а ленинградский. И только тоненькая ниточка родства связывает его с этими людьми.

Станица тоже удивила его. Он привык к тому, что российские деревеньки сплошь и рядом представляют из себя невнятное скопление домов и домишек, жмущихся к главной улице или проходящей через них дороге.

Апполоновская же его поразила с первых минут знакомства. Сверху, с холма, сразу было видно, что построена она по строгому плану. Улицы ровными рядами тянулись по степи одна за другою и не имели обычных названий. Назывались просто линиями: первая линия, вторая, третья...

Дома, выстроенные в ряды, обращены друг к другу. Ограждены заборишками, воротами. За заборами — цветочные клумбы. Перед домами, прямо на улице высажены плодовые деревья. Алычевые, абрикосовые, сливовые, яблочные.

Олегу, привыкшему к тому, что фрукты-ягоды надо покупать, это было очень удивительно... Удивительны были и дни, которые он провел в станице. Дни, полные жизни и свободы. Здесь можно было спать на улице. Есть немые фрукты и ягоды с грядки или с дерева. Ходить вместе со станичными чумазами ребятишками на речку. Ловить руками карасей в водяных зарослях.

Жили родственники в саманной избе, беленой снаружи, приземистой. Дядька Иван уже много лет подряд строил рядом дом. Но стройка двигалась туго. Колхоз денег не платил. Рассчитывался «палочками». Иногда зерном... Жили в основном с огорода. Он весь был засажен клубникой. И когда наступал сезон, все семейство, как муравьи, работало на этой плантации.

Казаки жили бедно, но дружно. И работали также. Так как в это время лошадей у народа давно уже не было, а необходимость в домашнем тягле оставалась, то все обзавелись мотоциклами. В каждом дворе — бедном или богатом — обязательно был мотоцикл с коляской или некое самодвижущееся средство, собранное из различных деталей.

У дядьки Ваньки тоже был симбиоз мотоцикла и телеги. Это трехколесное чудо ребятишки называли про себя «моторыльня». Вот на этой самой моторыльне они ездили за сеном. Они — это двое дядькиных сыновей. Серьезный такой, насупленный — старший, настоящий мужичок Колька. И младший — черный, сопливый и от этого гундосящий в нос — Ленька. Была еще Верка — крепкая, ядреная девка, круглолицая, с каменными юными грудями.

Дядька косил. Ребята собирали высушенное сено. Потом грузили в кузов повозки и катили обратно. Однажды они так увлеклись, что нагрузили целую копну.

Эту поездку Олег Мировой запомнил на всю жизнь. Потому что никогда еще не было ему так жутко и весело, как в тот раз. Дядька Иван посадил их наверх. Сам сел за руль. Они катили по проселочной дороге домой. Копну душистого сена мотало на дороге из стороны в сторону. Ребятишки вцепились в траву руками, ногами. И с высоты «гнезда» наблюдали за окружающей жизнью. Кончилось это тем, чем и должно было. На каком-то повороте, когда дорога уже начала спускаться в лог, к станице, копна сена поползла в сторону. Они дружно слетели прямо на дорогу и кубарем покатались, вывалившись в мельчайшей дорожной пыли. Упали, но не разбились, не ушиблись. Потому что маленькие, легкие. Сорванцы. Сено подобрали, скинули обратно в кузов. Но остаток пути прошли пешком, оживленно обсуждая происшествие.

В общем, о Кавказе остались у Мирowego самые яркие воспоминания. Там он чувствовал себя свободным. Там остались друзья — приятели. Там осталась двоюродная сестра, которую он подростком тискал за «каменные» упругие груди...

Ну, а дальше была жизнь по распорядку, по линейке, которая была уготована ему судьбой и любящей бабушкой.

* * *

После школы долго решали, куда? Было несколько вузов, где дети номенклатурных родителей могли не смешиваться с толпой обычных студентов, а оставаться в том же самом кругу. Среди своих. Это в первую очередь МГИМО, МГУ. Получив там высшее образование, можно было перейти в ряд закрытых учебных заведений — Высшей партийной школы при ЦК КПСС, Дипломатической академии, Академии внешней торговли, Высшей школы КГБ...

Но нашла коса на камень. Отец — уже генерал — хотел, чтобы сын занял достойное место в военной элите. Прочил ему такую карьеру. Бабушка же хотела, чтобы он делал партийную, потому что «наша партия — наш рулевой», и она могла обеспечить внуку блестящую судьбу — сначала в комсомоле, а потом в партийных организациях. Но тут подал голос и сам Олег. Парень неглупый, он очень хотел стать журналистом.

В конце концов, нашелся вариант, который удовлетворил всех: на семейном совете решили, что он будет учиться в ВВПУСА — Львовском высшем военно-политическом училище Советской Армии на отделении военной журналистики.

Кстати говоря, это отделение пользовалось чрезвычайной популярностью у детей высокопоставленных военных — генералов, адмиралов, маршалов. Работа не пыльная, интеллигентная. А выслуга лет, оклады, довольствие, надбавки, квартиры, форма, льготы и привилегии — военные. Опять же части наши и в Чехии, и в Венгрии, и в Германии. Еще много где стоят. Вплоть до Кубы. Можно мир посмотреть за казенные деньги. А так как училище политическое, то в любое время можно с таким образованием перевестись и в высшие школы при ЦК партии. Да мало ли куда можно устроиться и сделать карьеру при таких родственниках! Ну, опять же, ребенок чувствует призвание к журналистике. Пусть будет и ему приятно.

Так Олег оказался на Западной Украине в славном городе Львове. Тут почти как в другом мире жили так называемые «западенцы». Учиться ему понравилось. Тем более что преподаватели понимали, с каким контингентом имеют дело и особо не давили на привилегированных курсантов.

Как и многие курсанты, он к четвертому курсу что называется «забурел». Завел себе «гражданку», то есть гражданскую одежду. И тайком уходил вечером из казармы. Выбравшись за забор, он напрямик направлялся к знакомым. Там передевался. И бежал на свидание. К очередной девушке.

В тот раз банкет длился долго. Он подзадержался. И выпил немало. Да так немало, что забыл о том, что надо пойти переодеться. И отправился напрямик в часть в джинсах, кроссовках и рубашке в цветочек с большим воротником. Пробравшись в казарму, он аккуратно разделся, по уставу сложил на стуле перед кроватью свои штаны и рубашку. Выровнял строго носки кроссовок. И завалился спать.

Прервал его безмятежный утренний сон вопль дежурного по части майора Петухова. Открыв и протерев глаза, он увидел стоявшего напротив его кровати и подпрыгивающего от злости красного, как повязка на рукаве, и орущего благим матом майора:

— Что это?! Что это?! Что это?! — вопил майор, указывая на его кроссовки, торчащие белыми носами в длинном ряду черных, начищенных яловых курсантских сапог.

Рядом с майором стоял смущенный дежурный по роте, его закадычный друг-жок Эдик Воля и, виновато хлопая глазами, пожимал плечами, словно не понимая, как могло случиться такое — курсантские сапоги мистическим образом превратились в белые кроссовки...

Отсидев три дня на гауптвахте, Олег пришел к простому практическому выводу: если уж принял на грудь, то лучше из самохода не возвращаться, пока не протрезвешь. Можно будет потом что-нибудь придумать. А то и гражданки лишился. И на губу залетел...

На следующий год их уже распределяли по специализации. Он захотел пойти на флот. С третьего курса их группу переделали в форменные черные бушлаты. Выдали тельняшки и черные брюки, к которым Олег долго не мог привыкнуть. Потому что у морских брюк не было ширинки. И застегивались они крючками сбоку.

Но это неудобство со временем он преодолел. Привык. А в остальном все было прекрасно.

Выпустился на Черноморский флот.

* * *

В то время советский Черноморский флот, базировавшийся в Севастополе, насчитывал сто тысяч человек личного состава. И восемьсот кораблей. Это была могучая армада, полностью господствовавшая на Черном и Средиземном морях.

Молодой красивый лейтенант приступил к работе в многотиражной газете на флагмане Черноморского флота. А уже через год его талант был замечен, и он был переведен в штаб. В главную флотскую газету. Но тут началась перестройка, которая в тысяча девятьсот девяносто первом закончилась катастрофой. Старший лейтенант Мировой оказался на Северном флоте. А затем вернулся в славный город Петербург. Теперь уже Петербург. К любимой бабушке.

Балтийский флот тогда представлял из себя жалкое зрелище. Конечно, он не был самым главным и могучим и в советское время. Но он был старейшим, с традициями, восходящими к Петру. Имел свою базу в Кронштадте.

Однако общий упадок в стране особенно негативно отразился на флоте. Моряки месяцами не получали жалованье. Дисциплина упала, специалисты увольнялись тысячами. Но Мировому, как ни странно, нравилось служить. Нравилась морская форма. Нравилась работа. И он, в отличие от многих, не терял бодрости духа. Утешал себя тем, что все это временно.

Другое дело — бабушка. Понимая, что Советский Союз доживает последние дни, она не растерялась, не стала ныть и плакаться в жилетку, как многие тысячи бывших руководителей. Бабушка с головой «окунулась в рынок». Имея аппаратный вес — как-никак секретарь горкома партии — и огромные связи, она уже в ранний период создала несколько кооперативов, на которые поставила верных людей. Через эти структуры пожилая леди, понимая «куда дует ветер», накупила ваучеров. И не прогадала. Ее «золото партии» не растворилось незнамо где. Бабуля умело использовала возможности. Даже Олег Мировой поспособствовал ее многотрудному делу. Познакомил бабушку с несколькими старшими офицерами с Кронштадтской базы. И Екатерина Алексеевна учредила вместе с ними так называемый «Моряцкий банк». Она и здесь правильно рассчитала. Во-первых, через этот банк пошло денежное довольствие флотских экипажей. Во-вторых, в том зыбком, туманном экономическом климате, который господствовал в России, люди искали надежности, стабильности и порядочности. А так как среди учредителей банка были морские офицеры, то вкладчики валили валом. Кроме того, Екатерина Алексеевна постаралась, чтобы платежи многих учреждений жилищно-

к коммунального хозяйства, а также еще работавших предприятий города шли через счета «Моряцкого банка». Пока завлабы, юристы и разные примкнувшие к ним гэбисты и демократы охмурали народ и делили власть политическую, практичная бабушка со своими верными соратниками закладывала основы своего экономического процветания.

Получилось все очень удачно. Банковские филиалы появлялись по всей стране, как грибы после дождя. На ваучеры, скупленные за гроши у обнищавшего населения, приобретались на аукционах крупные фабрики и небольшие заводы. К концу своего правления Екатерина Алексеевна уже была владелицей контрольного пакета нескольких вполне приличных предприятий.

Но, как говорится, человек предполагает, а Господь Бог располагает. Олегу, который уже дослужился до звания капитана третьего ранга, тоже пришлось запрягаться в это миллионное дело, которое бабушка Екатерина делала с молодым, не по годам, азартом.

Время было тяжелое, смутное. Петербург, который всегда был культурной столицей СССР, стал бандитским гнездом. Случилось то, что тогда случалось сплошь и рядом. Рейдеры-конкуренты попытались захватить бабушкину швейную фабрику, на которой было поставлено новое оборудование. Во время захвата вспыхнул пожар. Фабрика сгорела. Погибли люди. Бабушку сразил тяжелейший обширный инфаркт.

Пятого ноября одна тысяча девятьсот девяносто шестого года, аккурат перед праздником революции, в темную петербургскую ночь, она скончалась.

* * *

Отец Олега Мирowego — генерал-майор — уходит в отставку и принимает дела управления бизнес-империей на себя. Не осознавая, что он находится в новой реальности, насаждает армейские порядки в структурированном к тому времени, как холдинг, бизнесе. Человек тяжелый и вспыльчивый, Павел Петрович начал свою деятельность с мелочных придирок. Без конца менял помощников, секретарей, начальников отделов. По любому, самому ничтожному поводу устраивал разносы директорам и даже членам совета директоров холдинга. Привыкнув в своей дивизии к единой и безраздельной власти, он также пытался управлять и холдингом. Результаты не замедлили сказаться. Постоянная кадровая чехарда, непрочитанные решения, «дружеские» кредиты пошатнули финансовое положение акционеров. Начал зреть заговор...

В это время капитан третьего ранга Мировой переживал очередной кризис идентичности. Он никак не мог определить для себя, куда двигаться дальше. Направление обозначилось, когда один из бабушкиных соратников, член совета директоров, человек уважаемый и известный, встретился с ним в бане. Элитная сауна, в которой голый человек чувствует себя открытым всем ветрам, склоняла к открытости. Там управленец и высказался по теме:

— Олег! Твой отец зашел слишком далеко! Он никого не хочет слушать. Пользуясь тем, что у него контрольный пакет, пытается всех нагнуть. Тянет нас на дно! Наши интересы не учитываются. Мы через неделю собираем совет директоров. Хотим ему предложить уйти. Если не согласится добровольно — будем настаивать на устранении его через судебные процедуры. Иначе он все развалит... Ты слышал, что он распорядился дать огромный кредит своему дружку-пьянице, который якобы строит ферму? Баранов мериносов. Какие мериносы у нас тут на северах? А деньги немалые — несколько миллиардов... Я предлагаю тебе возглавить наш холдинг! Согласен?!

Олег ничего не сказал. Против отца, от которого частенько доставалось и ему,

он иди не мог. Но и «нет» тоже не сказал. А дальше произошло вот что. Совет директоров состоялся. Но Павел Петрович заявил, что со своего поста не уйдет. Наорал на собравшихся. Хлопнув дверь, вылетел из кабинета. Напоследок пообещал разобраться с каждым...

Через три дня в его загородный дом залезли грабители. Вроде искали деньги. Подняли отца из кровати. Тот пытался сопротивляться. Его забили насмерть. Олег, узнав об этом, едва не упал в обморок. Теперь он клял себя за то, что не сказал «нет». К нему на службу приехал заместитель отца вице-адмирал Каплер. Они разговаривали, запершись в кабинете. И там Каплер по-военному четко предложил ему:

— Олег! Хватит сопли жевать! Берись за дело. Завтра внеочередное собрание акционеров. Тебе надо быть. Ты теперь держатель контрольного пакета. Я буду предлагать тебя председателем наблюдательного совета.

Так, двенадцатого марта две тысячи первого года он становится во главе дела. После избрания Мировой заявляет во всеуслышание, что все будет хорошо, все будет, как было при бабушке. Он будет советоваться с товарищами. И дело пойдет на лад.

Встав во главе холдинга, Олег, конечно, не мог сразу разобраться в абсолютно новом для него деле, и ему, естественно, нужен был человек, который бы помогал, объяснял, вводил в курс. И такой человек нашелся. Грубый и хитрый одновременно — Алексей Андреевич Карачеев. Верный, без лести директор крупного предприятия. Еще молодой, да ранний. Он окружает Олега Мирового такой заботой, что вскоре тому становится не по себе. Карачеев сагает его в кабинет напротив своего. Берет на себя все дела. Пытается вмешиваться даже в его личную жизнь. И в какой-то момент Мировой понимает, что попал в ловушку.

Как-то Карачеев предложил Мировому, чтобы его сопровождал водитель-охранник:

— Вы, Олег Павлович, большой человек! И теперь вам нельзя ездить одному. Надо чтобы с вами рядом был телохранитель!

Так рядом с Мировым появился бывший спецназовец Иван Толоков. Проработали они с год. И вроде бы нашли общий язык. В один прекрасный день Иван, выезжая со двора, задал вопрос:

— А каким человеком вам представляется Карачеев?

Мировой, несмотря на странность вопроса, ответил:

— Нормальный человек! Простой, отзывчивый, понимающий.

На что Иван сказал, усмехнувшись:

— Это для вас он такой. А на самом деле хитрый, жадный, мстительный...

Этот разговор заставил Мирового крепко задуматься. И первый вывод, который он сделал, заключался в следующем: «Эти люди принимают мою мягкость, доброту, а самое главное — порядочность и благородство за слабость и стараются использовать их в своих корыстных целях».

Ирония судьбы заключалась еще и в том, что компаньоны, жаждавшие власти, денег, мечтавшие оттеснить его от руля управления, были еще и трусами. Чем подтверждали эзотерическую истину, что «бодливой корове бог рогов не дает».

Мировой посмотрел-посмотрел на окружающих и понял, что его туманным мечтаньям о всеобщем братстве, равенстве и прочих вещах не сбыться никогда. Люди остаются людьми. И ему не надо пытаться переделывать их, а продолжать работать с тем материалом, что имеется в наличии.

На этом и остановился.

С тех пор у Мирового не было постоянных любимчиков и постоянных фаворитов. Однако Олег, который раньше отличался открытостью характера и готовностью поделиться с близкими и радостью и горем, стал скрытен и подозрителен.

Так и не обретя новых друзей в компаниях, он стал искать их на стороне, среди мистически настроенных знакомых.

Еще в первые годы, после возвращения в Петербург он узнал, что город, а точнее Балтийский флот, был колыбелью русского масонства. Отсюда пошли все русские ложи. Один из тех, с кем он служил в Кронштадте, и свел его с вольными каменщиками. Они стали для Олега «братьями». Несколько лет Мировой ходил в учениках. А в прошлом году случилось великое событие, которое он любит вспоминать до сих пор: он стал мастером.

* * *

Когда-то на берегу прозрачной речки, в сосновом лесу находилась элитная туристическая база. Добротный дом и несколько коттеджей. Принадлежала она крупному оборонному предприятию. Как водится, в девяностые предприятие разорили, а турбазу бросили на произвол судьбы. И она много лет простояла бесхозная, пока не приехали какие-то серьезные и важные люди. Они осмотрели то, что осталось от этого комплекса, и убыли восвояси. А летом на турбазу прибыла техника и рабочие. Началось возрождение. Но уже не туристического объекта. На этом месте появилось крупное прямоугольное здание, ориентированное строго на оси восток-запад. В самом здании выгородили три помещения. Две небольшие комнаты и большой зал, в котором можно удобно разместить хоть сотню человек.

День за днем, месяц за месяцем шли отделочные работы. И, наконец, наступило время, когда снова приехали серьезные важные люди, чтобы принять работу от строителей. Их взору предстал храм. Масонский храм! С тремя колоннами, стоящими посередине зала. Дорической, ионической и коринфской. С голубым потолком, изображающим звездное небо. Со стенами, на которых нарисованы орудия труда вольных каменщиков: молотки, уровни, циркули, угольники. Наконец, с мозаичным полом, состоящим из расположенных в шахматном порядке черно-белых плиток. В центре этого пола, между колоннами, стоял алтарь. А по сторонам от него — камни. Слева — грубый, неотесанный. Справа — совершенно гладкий, отполированный. В восточной части зала на возвышении в семь ступеней расположили кресла начальствующих. Эти места были отделены небольшой деревянной балюстрадой с калиткой посередине. Над этим символическим престолом символ — лучезарная дельта с всевидящим оком в центре. Справа от нее — изображение солнца, слева — луны. На престоле у начальствующего лежали папка с патентом на работы, конституция ложи и регламент масонских работ. А на алтаре в форме куба — три священных для каждого масона вещи: Книга Священного закона, циркуль и наугольник. Каждая вещь — символ. При этом Священная книга была открыта на первой главе Книги Бытия. Серьезные люди заглянули в нее. И один из них прочел: «И сказал Бог: да будет Свет — И стал Свет.»

Вот так и возник храм объединения вольных каменщиков под названием «Великий Восток Народов России», а точнее его ложи «Пифагор». В этом-то месте и состоялось некоторое время назад посвящение его, Олега Мирowego, в третий градус. В степень Мастера.

Тот день Олег помнит до мельчайших деталей. Он приехал в ложу в приподнятом настроении. Совсем не в том, как в первый раз. Тогда он был робким «профаном» с завязанными глазами, расстегнутой рубахой до пупа, без ремня, с закатанной штаниной. Теперь ему не нужно было объяснять, что циркуль символизирует небесный план, наугольник — символ земного бытия, уровень означает равенство всех братьев, всех людей перед Богом, отвес — праведность и духовную прямоту. А молоток — власть мастера. И посвящать его будут ритуальным мечом с волнис-

тым лезвием. Таким, каким по преданию обладал ангел, стоявший с пламенным мечом у ворот Эдема.

Олег спокойно, не как ученик, а как равный, прошедший немалый духовный путь, сидел в комнате ожидания и ждал начала обряда. Пока Великий Мастер лежи проверял, исполнены ли все условия для начала ритуалов, он прислушивался к голосам, которые раздавались в главном зале:

— Собрана ли ложа? — слышался ему голос Мастера. — Покрыта ли черепица? Освещена ли?

Вслушиваясь в вопросы и ответы, Олег понимал, что кворум есть, и охрана ложи обеспечена. Следом начиналась административная часть. Переключка членов ложи. Зачитывались протоколы прошлого собрания.

Олег знал легенду, на которой основывается ритуал посвящения. И хотя ему предстоит выслушать ее от Великого Мастера, он уже тогда в камере ожидания вспоминал ее: «Царь Соломон решил строить храм. И построить его надо было так, чтобы он своим видом, внутренним убранством, украшениями и декором мог в виде символов передать потомкам божественные знания, которыми обладал сам царь.

Соломон собрал строителей. Назначил главным из них некоего Адонирама — человека, обладавшего знанием «божественной истины». Адонирам разделил своих подчиненных строителей на три степени. Самыми многочисленными из них были ученики. На следующем месте — товарищи. И самыми привилегированными и, соответственно, самыми высокооплачиваемыми, стали мастера. Каждой группе, условно говоря, специалист Адонирам дал символическое слово. Вечером после работы все шли к казначею. И говорили свое заветное слово. И казначей, понимая, с кем имеет дело, соответственно оплачивал их труд.

Мастера получали самую высокую плату. Слова были такие — ученикам слово Иоаним. Товарищам — Вооз. А мастерам — Йегова.

Конечно, другие мастерам завидовали. Потому что они получали более высокую плату. И вот трое работников решили, что им надо выпытать у Адонирама мастерское слово, чтобы потом воспользоваться им для своих целей. Трое подмастерьев выследили Адонирама. Первый из этих негодяев подошел к нему у южных ворот. И стал, угрожая, требовать, чтобы мастер назвал ему заветное слово. Но Адонирам отказался. И тогда подмастерье ударил его молотком. Мастер бросился бежать. Но второй заговорщик уже у северных ворот нанес ему удар киркой. Адонирам, подбегая к колодцу, бросил туда священный треугольник — символ духовного всесовершенства (на нем было начертано таинственное изображение духа Йегова). Но тут его у восточных ворот настиг третий заговорщик. И нанес ему смертельный удар циркулем. Затем убийцы унесли и схоронили тело.

На следующий день царь Соломон начал поиски своего пропавшего неизвестно где мастера. И посланные нашли его, так как убийцы, закопав Адонирама, воткнули в рыхленную землю веточку акации. А эта веточка сразу же зазеленела...»

Вот эта великая легенда и легла в основу обряда посвящения дорогого «брата» в Мастера.

Из главного зала раздалась команда, и Олег Павлович, одетый в соответствующее рубище, появился у жертвенника.

В тот день храм был особенным. Вся ложа была затянута черной тканью. На стенах развешены черепа и кости. И под ними надписи: «Memento mori». На полу, скрывая «шахматную доску», лежал огромный ковер с нашитыми на нем «золотыми буквами». По сторонам стояли светильники. А возле них, словно поддерживая, скелеты.

Заходя, он еще подумал тогда: «Где же они их взяли? Неужели в магазине, где продаются пособия для медицинских вузов?» И эта мысль чуть не разрушила весь тот возвышенный строй мыслей, с которым он пришел тогда на свою инициацию.

Но, увидев, что все братья принимают «горестный вид», он спохватился и стал, как положено, по правую сторону жертвенника. Вокруг были знакомые лица. Банкиры, управленцы, депутаты, проходимцы, чиновники. Все в белых перчатках, белых фартуках. На шеях у многих цепи с символами и масонскими знаками.

Великий Мастер, человек с усами и одутловатым лицом, был одет в мантию и весь прямо-таки осыпан символами. На руке у него огромное кольцо с черепом и костями.

Начинался театрализованный обряд. Тремя «ударами» молота он, посвящаемый Олег Павлович Мировой, «повергался» в гроб. Пока он тихо лежал, его покрывали красной тканью, символизирующей кровь. На сердце клали золотой треугольник с монограммой, означающей слово «Иегова». И веточку акации.

Олег помнит, что лежать на жесткой доске ему было чертовски неудобно. Помнит, как вокруг него под траурную мелодию шествовали братья. А потом стали вдоль квадрата и, взявшись за руки, образовали так называемую братскую цепь.

Затем наступил самый главный момент. Его подняли из гроба. Подвели к алтарю. И поставили на одно колено. Досточтимый Мастер произнес над ним трехступенную фразу, которая используется всеми масонами без исключения:

— Во славу Великого Архитектора Вселенной я утверждаю тебя в третьей степени Мастера нашего цеха...

Один из стоявших рядом офицеров ложи подал Досточтимому Мастеру длинный меч, и тот, подняв его на вытянутую руку, легко коснулся сверкающим лезвием плеча и темени Олега.

Все свершилось.

— Встань, новоиспеченный Мастер! — провозгласил магистр. Затем взял Мирового за плечи и трижды облобызал, как и принято между полноправными членами ложи.

А потом была праздничная совместная трапеза, братская агапа.

Столы были составлены буквой «П». В центре стоял Досточтимый Мастер. Перед ним, в этом пространстве, образуемом столами, был поставлен небольшой походный алтарь, на котором возложены Библия, циркуль и наугольник. Вдоль стола, по его середине, была протянута голубая лента. На ленту в одну линию были поставлены бокалы всех собравшихся в ложе братьев.

Каждый тост начинался с того, что Мастер призывал виночерпия «зарядить пушки».

По старинной военной традиции настольные столовые принадлежности у масонов носят названия военные или армейские: бокал — «пушка», салфетка — «знамя», вилка — «сабля», вино — «крепкий порох», вода — «слабый порох», тост — «залп», наполнить бокалы — «зарядить пушки».

Пошли тосты. Всего тринадцать. Сначала за страну, где работает ложа. Потом за президента. За всемирное братство вольных каменщиков. За великого Мастера. За Досточтимого Мастера. И за него, Мастера Олега Мирового... Затем последний традиционный тост. Тост привратника. Поэтичное поминовение всех вольных каменщиков, рассеянных по всему лицу Земли.

После этого церемониальная часть была закончена и начались приватные разговоры между масонами. Прокурор, судья, банкиры, наместник, мэр. Здесь есть люди, облеченные властью. И тут они могут поговорить о делах.

Да, приятно вспомнить на досуге Олегу Павловичу те незабвенные мгновения... ..И вот теперь он отправился в свое путешествие вокруг Европы — выполнить важное поручение братства. Ну, а на «гарнир» у него история с этой светской дамой, которую Олег никак не может понять. Вообще, его женщины — это, можно сказать, отдельная страница. Мировой не то чтобы убежденный холостяк. Нет. Несколько лет назад он даже женился. Но, как сейчас модно говорить, «что-то

пошло не так» и ему пришлось срочно развестись. Женщины липли и старались охомутать его. Мировой никому не отказывал. Так что «фаворитки на час» иногда задерживались. А иногда и нет. Он щедро награждал своих подружек — кого квартирой, кого хорошей иномаркой. И нагулявшись, давал им отставку. У него даже сложилось определенное правило по этой части: никогда не держать женщину в любовницах больше двух лет. За два года страсть утихает, и приходит трезвый расчет.

Недавно Мировой вообще изменил систему. Он перешел на прямые товарно-денежные отношения. Познакомился с директором одного так называемого модельного агентства, тот за разумную цену предлагал ему услуги молодых, свежих моделей.

Вот такой эволюционный путь к этому кораблю прошел Олег Павлович Мировой.

* * *

«Как провозжат пароходы, совсем не так, как поезда!» — пелось когда-то в популярной советской песне. И добавлялось: «Морские медленные воды не то, что рельсы в два ряда!»

Где те времена? Где та страна? Где провозжающие на причале? Ничего этого теперь нет! Террористы так незаметно перестроили нашу жизнь, что проводов отходящих пароходов с многочисленной толпой больше нет. И ходят корабли теперь не по звездам, а по спутникам, точнее по GPS-навигаторам. Так что и штурманы в привычном понимании слова на современных судах уже не нужны. Как не нужны и суровые капитаны с трубкою в зубах. Они остались в прошлом. Но, к счастью, еще осталось море. Эта завораживающая, зыбкая, то полная неги и покоя, готовая убаюкивать человека, то суровая стихия.

В роскошном салоне, где перемешались кресла и столики, уже собралась почти вся их группа. Человек эдак тридцать. И разговор шел о правилах жизни на борту. Гид — бойкая, разбитная «питерская хабалка», чем-то похожая на Нобчак из «Дома-2» — толкует им с едва заметным малороссийским говорком:

— Сичас, через два часа будет дан сихнал! Один короткий, три длинных. Он будет слышен в каждой каюте. По этому сихналу вы должны будете взять с собой спасательные жилеты из шкафа в каюте и спуститься на третью палубу, где висят спасательные шлюпки...

Народ хмуро, но молча внимает речам гида.

А Мировой тем временем разглядывает своих попутчиков, пытаюсь понять, кто есть кто. «Вот, например», — думает он, глядя на мужчину с абсолютно неестественно гигантскими, выпирающими из-под майки бицепсами-трицепсами. — Это, — дает он ему прозвище, — «анаболический атлет.» Жрет таблетки и, как бройлер, мгновенно набирает мышечную массу. С этим все понятно. По-видимому, он компенсирует гигантскими искусственными мышцами какую-нибудь детскую обиду. Может, его били в школе, как слабака. А он мечтал. Вот вырасту, стану могучим и всем покажу!»

На самом краю зальчика, на стуле он замечает морщинистое лицо с мешками под глазами и унылый нос, знакомый всем. Это «телевизионный писатель». В понимании Олега, телевизионный писатель — это человек, который, написав когда-то что-то, а может, и не написав ничего путного, бродит по телестудиям, где участвует в бесконечных «тык-шоу». Естественно, рядом с ним «дражайшая половина». Она ревниво смотрит по сторонам: узнают ли мужа? Рядом с ними, по определению Олега, «педерастический юноша». То ли сын, то ли прихлебатель у писателя... Вот папа с одутловатым лицом. Видно, крепко пьющий. А рядом ма-

ленькая копия — сын лет двадцати... В центре зала несколько буржуазных семейств с отпрысками... А вот еще одна личность. Это, кажется, «фанерная поп-звездочка». Начинаящая певичка с тату на прелестной шейке. Из тех, что вычурно и вызывающе одеваются. Ярко-модно... Рядом с нею пожилой, молодящийся, улыбчивый дядечка, который, видимо, содержит, толкает и раскручивает молодое дарование... А вот среди незначительных лиц бросается в глаза интересное, характерное: женщина-хрюша. Жирненькая тетка — лицо с пяточком носа. Чрезвычайно довольная собою и тем, что оказалась на таком шикарном пароходе, в такой шикарной компании с «телеписателем» и «фанерной поп-звездой»...

Уже под финал переключки внимание Олега привлекают две дамы: одна, что помоложе, откликается на фамилию Бархатова. Мария. А вторая — постарше — Бобрина. Также Мария. Он и называет их про себя: «Две Б». Или «Две М».

И, довольный осмотром публики, Олег улыбается.

* * *

Вечером перед ужином возникла небольшая заминка, связанная с формой одежды. Выяснилось, что он должен быть в «смокинге и галстуке». А его спутница в «вечернем наряде». Конечно, никакого смокинга он с собою не брал. После недолгих раздумий одел просто костюм и галстук.

Ресторан «Глория» внизу на корме. Так что ему с Затейкиной приходится идти через многочисленные залы, холлы, роскошные магазины, казино. Вместе с ними в том же направлении двигаются десятки принаряженных, пахнущих дорогим парфюмом людей.

У входа в ресторан стоят, улыбаются черно-белые официанты малайцы. Рядом с ними маленькие автоматы, похожие на рукомойки. Дело в том, что на огромных лайнерах, которые похожи на целые плавающие города, большая скученность. Причем на круизы собираются люди из абсолютно разных стран и разных континентов. Соответственно, они с собою огромное количество микроорганизмов. Кроме того, на лайнерах работает служба из таких экзотических стран, как Тайланд, Малайзия, Индонезия. Они тоже привозят свои штаммы и бактерии. Поэтому на лайнерах периодически возникают мини-эпидемии кишечных инфекций. Борьба с ними, особенно в теплое время года, ведется по всем фронтам.

Мировой подставляет ладони. На них изливается пахучий спиртовой раствор. Он протирает, дезинфицирует руки. Его спутница проделывает то же самое. Смуглый метрдотель в черно-белой морской униформе ведет их в огромный, уставленный разнообразными, покрытыми белоснежными скатертями столами зал. На столах фарфоровые тарелки. Сложенные треугольниками, ослепительно белые салфетки. И начищенные до блеска приборы.

Метрдотель сажает их за столик номер шестьдесят пять. Аккуратно подвигает удобные изящные кресла и сообщает, что это их постоянные, на все время путешествия места. Столик на четверых человек. Мировой оглядывает заполняющийся нарядными людьми зал. И гадает, кого подсадят к ним. Ждать приходится недолго. Тот же улыбчивый метрдотель подводит через несколько минут двух женщин из их группы. Тех самых, на которых он обратил внимание во время их встречи с гидом. Это Мария Бархатова и Мария Бобрина. У обеих живые глаза. Бобрина с высокой седой прической, в черном, длинном закрытом платье. Этакая графиня. А Бархатова — круглолицая, глаза бусинки, коротко остриженная, в пиджачном костюме. Посидели. Помолчали некоторое время. Мировой старается быть любезным, приятным. Спрашивает пожилую соседку на всякий случай, чтобы как-то скрасить минуты ожидания:

— Вы тоже из нашей группы? Из Петербурга?

Старшая улыбається любезно:

— Да, мы тоже с Машей из Петербурга.

— Как вы устроились? Кажется, эта поездка вполне приличная?

— Чудесно устроились!

Помолчали.

— Извините! — продолжила разговор Марина Затейкина. — Ваше лицо мне кажется знакомым. А чем вы занимаетесь, если не секрет?

Молодая не обиделась на такой допрос. Отвечает просто:

— Будем знакомы! Я работаю в Музее истории религии. Доктор исторических наук Мария Бархатова.

Пришлось отвечать любезностью на любезность:

— Олег Павлович Мировой — издатель, бизнесмен!

— Марина! Тржусь в нашей городской администрации, — бормочет Затейкина.

Бобрин молчит какое-то время, словно взвешивая, говорить — не говорить. Смотрит «глазами-блюдами». И произносит:

— А я человек вольных профессий. Занимаюсь парапсихологией, экстрасенсорикой, восточными духовными практиками...

«Ясновидящая! Гадалка! — решает Мировой. — Их сейчас столько развелось! — Подумал, но промолчал. — Приятная, пожилая женщина. Даже не скажешь по ней. Только глаза, как... как блюдца. Так и сверкают энергией».

Официант приносит и подает меню ужина. На выбор из нескольких блюд можно заказать первое, второе, третье и десерт. Мирового впечатляют «Северные лангустины» и «Салат из киноа и креветок».

Подают винную карту, где в глазах рябит от обилия стран и названий.

Олег с удовлетворением отмечает, что выбор вин и напитков впечатляет. Он выбирает для себя бутылочку хорошей, судя по марке, Риохи.

А вот Марина останавливается на каком-то коктейле.

Ну, что ж, коктейль так коктейль.

Дамы заказывают воду «Эвиан».

Бутылка прибывает. Официант открывает. Дает попробовать. Мировой, пригубив бокал, с удовольствием отмечает, что вино качественное.

За стеклами ресторана меняются пейзажи. Рядом величественно проплывают зеленые берега с дачками, новодельными дворцами, лодками рыбаков. Впереди гладь такого домашнего, такого милого, общего для всех мелководного европейского болотца — Балтийского моря.

Глава III

«Все тайные общества, под каким бы наименованием они не существовали, как то — масонских лож и другими, закрыть и учреждения впредь не дозволять...», — Олег прочитал указ императора Александра I от одна тысяча восемьсот двадцать второго года и захлопнул книгу. Во время этого длинного перехода до Англии, наскучав от сидения в кафе и прогулок по палубе, он принялся изучать найденную на верхней палубе летопись. И вот дошел до реакции... Но обдумывать прочитанное ему сегодня некогда: «Нью-Амстердам» входит в порт — это старая, добрая Англия. Он только подумал об указе царя: «Надо же! Столько лет состоял в ложах. Поддерживал. А потом запретил!» И пошел собираться для высадки на британский берег.

Давно уже миновали те времена, когда Олег Мировой ездил в туристические поездки «как все». С общей для всех программой и неким набором стандартных развлечений. Если Лондон, то обязательно Вестминстерское аббатство, Гайд-парк,

Британский музей, музей Шерлока Холмса... Безудержный шопинг. И колесо обозрения над вечной Темзой.

Не нужно ему это сегодня. Пусть народ развлекается, как хочет. А у него своя программа. Его путешествие заранее расписано и подготовлено.

Туристы, разбившись на группы, начали рассаживаться в большие, похожие на слонов, экскурсионные автобусы с кондиционерами, а он со своей спутницей к автомобильной стоянке. Там их ждет «Ягуар» с европейскими номерами. Рядом с ним и водитель. Полный, приодетый в синюю униформу, улыбчивый афроамериканец.

А навстречу им уже идет сопровождающий. Юный английский масон. Худощавый молодой человек с прыщиками на лице. Белесые волосы торчком. И неизменная «европейская» улыбка на губах.

— Серж Харитонов! — представляется он Мировому. И «по-европейски» жмет протянутую лопаткой руку Марины.

Портлендский порт кажется Олегу пустынным и заброшенным. Они выезжают из него в сторону маленького городка на юге Англии под названием Бат. Пейзаж постепенно оживает. Дорога петляет среди рощ и холмов. То и дело попадаются живописные, словно игрушечные, деревеньки.

Олег поглядывает вокруг сквозь тонированные стекла. Мысли его текут уже привычной колеей. Мирового раздражает внешний вид спутницы. Ему кажется, что она не слишком соответствует его статусу. Так сказать, не гармонирует с ним. «Уже не девочка, а продолжает носить какие-то подростковые топы, юбки, обувь. А они не вяжутся с обидком взрослой, прожившей женщины... И с чего все решили, что она умная женщина? Удивительное дело. Такая вот абберация мужского сознания. Ведь по сути дела она женщина, скажем так, весьма средних умственных способностей. Но с кем ни поговоришь, все в один голос уверяют, что она очень умная. И говорят это серьезные люди! Или так женское обаяние действует на мужиков? Загадка! Да, загадка!»

Олег старается гасить раздражение и быть любезным: «Хорошо, что она не пойдет со мною в храм! Пусть развлекается шопингом!»

А в салоне тем временем идет «светский разговор».

Серж рассказывает о себе:

— Я учился здесь, в Лондоне. Немного работал. И вступил в английскую мажорскую ложу для того, чтобы обрести друзей. Расширить свои знания...

«Естественное дело! Среди братьев немало влиятельных людей. Так что вступление в ложу дает доступ в другой мир! Особенно, если ты приехал из Белоруссии», — думает Олег, уловив в речи молодого брата едва заметное жесткое «щэ»... Много сейчас народу из бывшего Союза перебирается сюда, на Запад. Особенно молодых...» При слове «Запад» Олег Павлович вспоминает оставшийся позади Таллин и усмехается про себя... Таллин. Мечта всех советских людей. «Кусочек Европы» показался ему маленьким провинциальным городком. Таксист, который подвозил их из порта в центр, «трындел», показывая как достопримечательность гостиницу, где в девяносто первом был штаб гэбистов. «Да... — думал тогда Мировой. — Небогато у них с событиями, если такую хрень выдают за достопримечательность. Таллин — это город без яркой собственной истории. Сонное захолустье Европы. У них всего два главных знаменитых места. Потемневший от времени Домский собор, который построили средневековые немцы. И рядом большой, роскошный православный собор Александра Невского, построенный русскими. Ни своей истории, ни своей культуры. Так, что-то среднее. Улицу, которую разбомбила во время Второй мировой советская авиация, они отметили памятной доской. «Твою мать! — возмущался Мировой, разглядывая эту доску. — В России тысячи деревень и городов немцы превратили в руины! Ленинград расстрелива-

ли. Петергоф разобрали... Да что говорить! А здесь десяток каменных мешков пострадал, так они вспоминают почти до лет... Судьба этого народа — вечно быть чьими-то вассалами и прихлебателями».

Затем в памяти нарисовался Стокгольм. Этот город ему очень понравился. Как и Питер, основан на островах. Красавец. Видно, что шведы — не прибалтийские чухонцы. У них все свое. И история. И культура. Больше всего его удивило надгробие Ярла Биргера. Да-да, того самого Ярла Биргера, который в тысяча двести сороковом году приплыл в устье Невы с войском. И хотел покорить Новгород. Тогда он был молодым зятем шведского короля. Горячим скандинавским парнем. И юный князь Александр дал ему урок на всю жизнь.

В последние годы либеральные историки с пеной у рта доказывали, что стычка эта была самой обычной. И не такой уж важной в нашей истории.

«Вот брехуны! — думал Олег Павлович. — Никакой он не разбойник был, этот Ярл Биргер. Он потом был регентом шведского престола. Четыре года практически правил Швецией. И, между прочим, основал в тысяча двести пятьдесят втором году прекрасный город Стокгольм. И за все это удостоился золотой могилы в центре города возле ратуши, прямо у основания главной башни. Очень сильный и достойный противник... А музей Вазы? Флагмана королевского флота. Это нечто сюрреалистическое и фантастическое...»

Мировой, когда увидел этот уникальный фантастический корабль, чем-то похожий на воспетый в легендах и былях «Летучий голландец», испытал шок и трепет...

— Если хотите, мы можем взглянуть на Стоунхендж?! — полувопросительно-полуутвердительно говорит юный масон.

Олегу не хочется тратить драгоценное время на разглядывание кучи камней, расставленных несколькими кругами в поле. Но Марина выказывает желание. И он тоже нехотя соглашается.

«Ягуар» тормозит на большой, обустроенной площадке. Их гид стремительно исчезает в покоем на склад здании музейного комплекса. Они выходят из машины. И оказываются посреди стада больших туристических автобусов. Мировой с Мариной немедля пристраиваются к группе русскоязычных туристов, которые только что вывалились из чрева большого «баса», и прислушиваются к рассказу гида. Женщина-гид в соломенной шляпке отвечает на вопрос дотошной, тощей, как седлка, русской туристки о современных религиях, проповедуемых в Британии.

— Вы знаете, у них здесь сейчас пошло то ли повертие, то ли мода на древние культы. И набирает сторонников новое интересное течение. Нечто похожее на религию друидов. То есть такое дохристианское движение. Они собираются в лесах. Повторяют и восстанавливают по книгам обряды волхвов. Поют гимны друидов. При этом они считают, что это религия творческая. То есть выбирают такие религиозные течения, которые подвигают человека к творчеству...

Дослушать этот интересный пассаж Мировому не удалось. На тропинке появился их молодой чичероне с билетами и заявлением о том, что «везде есть наши люди, и всегда они готовы помочь!»

Через пару минут к ним подкатил экскурсионный автомобильчик. Они показали по специальной дорожке туда, где торчали, словно выщербленные, съеденные ряды зубов, поднятые над зеленой травой каменные глыбы. В общем, обошли пару раз вокруг этих камней, послушали экскурсовода, как все эти глыбы-монолиты расположены по отношению к звездам, какие тут ученые обнаруживают хитрости... Ну и так далее и тому подобное.

Мировой заметил Затейкиной:

— Вот до чего же люди молодцы! Из придорожной кучи камней извлекают такую кучу денег! А мы — лапотники!

Вспомнил, что у них в Питере даже в самый пик туристического сезона музеи строго блюдут выходные дни. Не хотят работать и зарабатывать. Все по старинке. По-советски. А времена уже настали совсем-совсем другие.

Тронулись дальше.

Через пару часов езды по узким сельским дорогам на горизонте замаячили пригороды Лондона. Мировой, скучая, вглядывается в окраины столицы Англии и вспоминает Петербург. И как искал «масонские места». Как стоял перед дверями дома со знаменитой ротондой. Вспомнил и объявление на этих дверях: мол, если хотите посмотреть ротонду, упрятанную в нашем доме, то звоните некоему Мухайлу, который проводит экскурсии. Но Мухайл никак не хотел отвечать на звонки его телефона. Видно, задолбала его прудношатающаяся, любопытствующая публика.

Вспомнил и свое первое посвящение в ученики: нелепый наряд, закатанная штанина, в одном ботинке. Приставленное к обнаженной груди тонкое лезвие шпаги. Сейчас он уже понимает значение всего этого. Для того чтобы изменить сознание человека, надо для начала вывести его из привычного равновесия, удивить, возмутить, унижить, и уже после того, как он растерянный и жалкий предстанет перед собравшимися, можно лепить из него, размякшего как глина, все, что вам угодно.

Так действуют не только масоны. Все секты, в том числе и тоталитарные, все бизнес-тренинги. Изолируют человека, запугивают, а потом, подчинив его волю, вдалбливают то, что им нужно. Ведь мы живем только в нашем сознании. Здесь — в голове — происходит все. Здесь мы становимся героями и подлецами. Здесь создаются миры и великие теории. В сознании мы пишем свою историю. Горюем и радуемся. И только меняя свое сознание, меняем и всю нашу жизнь... А тело? Тело! Оно, в сущности, только исполняет функции. Оно ест. Пьет. Совокупляется. Болеет. Влияет на сознание этими своими действиями. Если отделить сознание от тела — что будет человек? Даже не животное! Животное тоже обладает сознанием. Будет просто кусок мяса.

Стремительный, с зализанным хищным силуэтом на капоте автомобиль несет Олега Мирового по узкой асфальтированной, обсаженной зелеными деревьями и кустарниками дороге. Мелькают рабочие кварталы, однообразные многоэтажные дома.

«Как у нас», — думает Мировой, стараясь взглядом проникнуть за завешенные окна.

Поближе к центру — картина повеселее. Остается справа Вестминстерское аббатство с его просто грандиозными усыпальницами. Проплывает мимо башня Биг-Бена. Машина начинает притормаживать в густом автомобильном потоке, но все равно намертво, как у нас, не останавливается. Двигается потихоньку. «Вот что значит правильная организация движения,» — думает Мировой, разглядывая внушительный фасад гостиницы «Савой».

Наконец, цель их визита достигнута. Грейт Квин Стрит, 60. Это штаб-квартира Объединенной Великой Ложи Англии — самой старой, самой знаменитой ложи в мире. Здание выглядит величественно и пугающе. Оно вздымается вверх, как огромная каменная пирамида. И Мировой понимает, что это действительно так. Оно и строилось, чтобы быть похожим на пирамиду. Ибо в масонстве все является символом. Вольные каменщики считают, что пирамида как бы представляет из себя человеческое общество. И люди в ней — кирпичики, которые должны быть обтесаны соответствующим образом.

Олег покидает машину вместе с гидом, а Марина уезжает дальше: у нее отдельная программа.

Они стоят у массивного входа с двумя кадками вечнозеленых округло остриженных деревьев по бокам. Чичероне объясняет порядок визита:

— Сэр Дэвид получил письмо из Великой Ложи России, в котором Великий мастер просит принять вас. И он готов это сделать сегодня. Но чуть позднее. Сейчас мы с вами пройдем вовнутрь. Я покажу вам нашу библиотеку и музей. А затем вы будете приняты помощником Великого Магистра.

Олег Павлович готов к экскурсии. Он готовился к ней давно. Прочитал все, что смог найти в Петербурге по интересующим его вопросам. И сердце его наполняется гордостью и радостью от того, что сегодня он будет на равных говорить с такими выдающимися представителями их движения. Он знает, что только третья степень делает вольного каменщика полноправным членом этого мирового сообщества.

— Вообще, — говорит, открывая массивную внутреннюю дверь, Серж (это «щэ» сразу напоминает Мировому батьку Лукашенко). — Вы, наверное, знаете не хуже меня, что наше движение зародилось здесь, в Лондоне. Со строительства собора Святого Павла.

Пока гид говорит, Мировой пытается в который раз определить для себя, чем является масонство сегодня:

— Братство вольных каменщиков живет по строгому уставу, — продолжает Серж. — И устав этот берет начало с восемнадцатого века...

Мировой вообще-то тоже в курсе того устава или так называемой конституции, по которой живет сегодня Великая Ложа России: «Братство Вольных Каменщиков является всемирным и традиционным посвятителем орденом. Братство является сообществом свободных людей всех рас, национальностей, сословий и вероисповеданий, чьи совместные труды имеют своей целью познание универсальных принципов бытия и раскрытие высшего духовного начала в человеке». Он помнит это, конечно. Но все-таки до конца ни это, ни другие определения так и не удовлетворяют его. Конечно, масонство не религия в полном смысле этого слова, потому что в масоны принимают людей самых разных конфессий. Масоном может быть и христианин, и мусульманин, и буддист. Да, кто угодно! Главное, чтобы он признавал существование некоей высшей силы, высшего разума или верховного существа, которое в масонстве называют Великим Архитектором Вселенной или Верховным Архитектором всех миров. Масонство не является и политической организацией. Политические взгляды масонов так же, как и их конфессиональная принадлежность, не обсуждаются, не рассматриваются в ложах. Оно не является клубом в классическом значении термина. И не является корпорацией, так как не производит прибыль или продукцию. Так чем же оно является на самом деле?..

Именно это Олегу интересно, и он надеется найти ответы здесь. Пока он точно знает одно — масоны духовно продвигают людей с помощью инициаций и ритуалов, взятых из разных систем, как религиозных, так и эзотерических. В этом их сила! А может быть, и слабость!?

Это Мировой и хочет понять. Для этого он и изучает историю масонов, чтобы через нее и философию попытаться открыть для себя новые духовные миры. Новые подходы...

Ну, да ладно! Хватит абстрактных рассуждений. Тем более что автоматические двери в музей Великой английской ложи уже распахнулись, и сопровождающий ждет, чтобы идти дальше.

— История нашего движения началась почти триста лет назад со строительства собора Святого Павла в Лондоне. В старые времена такие огромные здания строили очень долго. Например, этот собор строили с тысяча шестьсот семьдесят пятого по тысяча семьсот семнадцатый. Во время этого строительства вольные каменщики, собравшиеся со всей страны и, естественно, сдружившиеся, как говорится, спешившиеся, стали собираться в пивных и пабах, — продолжает Серж-

Сергея. — И так уж получилось, что в день праздника Иоанна Крестителя, который попадает как раз на день летнего солнцестояния — двадцать четвертое июня одна тысяча семьсот семнадцатого года, в пивной «Гусь и Вертел» они и решили создать свою ложу.

Гид вертит на пальце свой перстень с масонской символикой — циркулем, наугольником и буквой «G» в центре — и продолжает:

— Так образовалось первое братство вольных каменщиков. Братья приняли соответствующий устав, разработали символику. Масонство так понравилось всем, что в ложу стали приходить не просто каменщики, туда стали входить очень влиятельные и знатные люди... Впрочем, вы наверняка знаете то, что я вам рассказываю... Пройдемте дальше.

Необыкновенной красоты голубые витражи на окнах. Высоченные, уходящие куда-то в небо, потолок. Колонны, поддерживающие эти потолки. Ярусы скамей из дорогого дерева... Все это сделало храмовый зал похожим на театр. Посередине зала — мраморный алтарь. Золотой стол. У стены изукрашенный древними гербами и символами стоит трон Великого Мастера. На потолке, стенах — везде голубые звезды. На главной стене солнце и изображение древнегреческого мифа. Фаэтон на колеснице, устремленный к солнцу. А над всем этим — всевидящее око. И пятиконечная звезда.

В этом зале Олега не покидает ощущение гармонии, праздника и торжественности. Здесь, как он чувствует, царит какая-то необыкновенная духоподъемная аура.

Не разочаровал его и музей английского масонства. Особенно поразил молоток мастера. Потому что это был не молоток, а произведение искусства ручной работы.

Здесь же, рядом, оказался магазинчик, где каждый желающий может приобрести для себя сувениры-атрибуты масонства: замысловатые ключи, прямоугольники, циркули, перстни с «адамовой головой», а также фартуки вольных каменщиков, плащи, перчатки.

«В этом и сущность масонства, — думает, шагая от витрины к витрине, Олег Мировой. — Это не какое-то тайное общество, как у нас частенько пытаются представить его. Здесь все открыто. Все вроде бы на виду. Это общество с тайнами. То есть тайны находятся внутри него».

Ощущение чарующей гармонии, солидности и какой-то неброской роскоши не покидало его даже тогда, когда он зашел в санитарную комнату. Здесь все было настолько блестяще, вылизано, современно, что он поневоле вынужден был вспомнить старую мудрость менеджеров: «Хочешь понять, каковы дела на фирме, загляни в ее туалет». Мудрость эта была многократно проверена им на практике. И никогда его не подводила.

Гид смотрит на свои «масонские» часы и произносит торжественно:

— Нас ждет помощник Великого Магистра сэр Дэвид Уоттон.

Красивый, породистый, холеный мужчина с абсолютно круглым лицом, в дорогих очках на тоненьких дужках сэр Дэвид встретил Мирового при полном параде: в строгом синем костюме с черным галстуком.

Он сидит в комнате с хорошей, темного дерева мебелью. На гладко выбритом лице его играет самодовольная и в то же время приветливая улыбка.

Мировой и Сэр пожимают друг другу руки особым, масонским рукопожатием. Тайна его заключается в том, что большой палец руки накладывается сверху на кисть, которую пожимают. Но троекратно по масонскому обычаю лобызаться они не стали.

За спиной у Уоттона висит портрет какого-то масона при полном парадном одеянии. В фартуке синего цвета с каймой и нашитым угольником наподобие кон-

верта. На фартуке вышивка из угольного и циркуля с буквой «G». На плечи мужчины надета внушительная драгоценная цепь и орденовая лента. На цепи выгравировано по-английски «Grand England», что значит Великая Ложа Англии.

Перехватив пристальный взгляд Мирowego на портрет, хозяин кабинета поясняет:

— Наш Великий Мастер сэр Эдвард Кентский.

«Голубое масонство, — думает Олег. — Почему голубое? Может, оттого что в нем полно аристократов — людей так называемой «голубой» крови?»

Молодой служака приносит на серебряном подносе голубой (под цвет масонства) фарфоровый чайник и две чашки. Разливает. По кабинету плывет запах хорошего английского чая.

Мировой прямо купается в этой атмосфере благополучия и благопристойности. Разговор соответствующий, благородный, благолепный и благодарный. О благотворительности.

Сэр Дэвид неторопливо опускает один кусочек сахара в чашку, помешивает напиток и так нежно говорит, будто реченька журчит:

— Наш основной принцип по отношению к людям — это доброта. Обеспеченные и просто богатые люди, а их в наших ложах довольно много, дают свое время и деньги, чтобы помочь другим, будь то на местном, национальном, или, может быть, даже планетном уровне. Поэтому наша ложа является одной из самых лучших благотворительных организаций Великобритании... Мы в общем и целом тратим на эти цели более сорока миллионов фунтов в год...

В этот момент Мировой вспоминает, как в их ложе офицер-казначей со специальным мешочком проходит по рядам, и каждый ее член опускает туда свой взнос. Кстати говоря, опустив туда руку, каждый член ложи может, если у него есть нужда, взять из этого «общака» столько, сколько ему надо.

— Атрибуты и преемственность, — сэр Дэвид продолжает свой рассказ о том, как они привлекают молодежь в свою старейшую в мире ложу, — вот наши лозунги. Это ценности, которые мы несем молодежи. У нас, в принципе, очень серьезный молодежный резерв. Более того, почти двести лет назад в Оксфорде была основана первая университетская ложа «Apollo». Потом такая же ложа появилась и в Кембридже, в университете Исаака Ньютона. С тех пор много тысяч молодых людей пришли через эти ложи в масонство. А после две тысячи пятого года мы поставили цель: «Создать и улучшить механизмы и возможности для студентов и других членов университетов пользоваться масонством...»

Мировой подумал в эту минуту своим критическим умом: «Что-то среди рабочих каменщиков и дальнобойщиков вы такую работу не ведете...» Но этот огонек подозрения и сомнения тотчас угас в нем, настолько велико было обаяние речи сэра Дэвида, помощника великого магистра, так сладко убаюкивали его лившиеся, как мед в уши, тягучие слова.

Встреча удалась. Под конец визита Мировой сделал снимок вместе с сэром Дэвидом и бравым гидом, который провел его по прекрасному дворцу английских масонов.

Пора было б, как говорится, и честь знать, но то ли сам он таков, как все русские, то ли бес его попутал, Олег вдруг спрашивает:

— Скажите, а ведь в Советском Союзе наших братьев не было вообще?

Спросил и понял, что попал не в бровь, а в глаз. И куда улетучилась вальяжность его визави? Сэр Дэвид воспрянул, как взлетающий орел, и в голосе его зазвучал какой-то металлический клекот:

— Мой друг, это абсолютно ошибочное мнение. Советский Союз — интереснейшее явление, на которое масонские идеи наложили сильнейший отпечаток. Начиная с момента, как на шлемах красноармейцев появились пятиконечные звезд-

ды, древнейший знак, символизирующий Венеру, до самого распада империи, они управлялись по принципам, заложенным нашими братьями!

Мировой в недоумении произнес:

— Ведь наши структуры были полностью ликвидированы и запрещены!

— Конечно, сэр! Явных масонских лож не существовало. Но была структура, построенная по нашим принципам. И она управляла страной.

— Это какая?

— Номенклатура! Она образовалась из профессиональных революционеров. Тех, кто сделал революции своей работой. Это были соратники Ленина и Сталина. И они не должны были работать и жить «от сохи». Они должны существовать на средства от партийной деятельности. Так на заре советской власти уже появился этот слой людей, который в двадцатые годы превратился в слой управляющих. Потом Сталин уничтожил «старую гвардию», заменил ее новой. Главной задачей ее было умение и желание выполнять директивы вождей. Это была структура, идентичная нашим по своим целям, задачам и методам действия. Поразмыслите на досуге. Была открытая политическая партия — КПСС. В конце СССР в ней состояло около двадцати двух миллионов человек. И она, как и масонство, провозглашала, что строит новый мир и творит нового человека. Коммунистического человека. Опираясь, кстати говоря, на те же лозунги, что и масонство: свобода, равенство, братство. Но, как и у нас, у партии была скрытая, внутренняя идеология. И структура, которая ее продвигала. Номенклатура. Ее цель, как и у масонства, мировая революция! И через нее — мировое господство. Построение общего для всех нового мирового порядка. Создание нового человека. Так что господин Ленин, а потом и господин Сталин были по сути своей настоящими, стопроцентными масонами. По своей психологии. Оболочка была другая. Ритуалы. Но идеология, методы, дух, структура, созданные ими, ничем не уступали, а даже превосходили масонство. Что уж говорить об эффективности! Захватить власть в огромной империи и распространить ее на половину мира!

— Но ведь и масонство не дремало!

— Да! Я это признаю! Масоны тоже готовили революции. И первую буржуазную революцию в Англии. Думаю, что и Ленин, и Сталин, создавая этот аппарат, много почерпнули из масонства. Отвергнув его символику, философию, историю, обряды, они уловили его главную суть — создание тайного привилегированного класса управляющих людей, в конце концов, достигших власти над большей частью мира. Даже сам прием в партию производился по масонским правилам. Два поручителя из числа членов. Анкета. Клятва, которую страждущий подавал в заявлении, готовность строго подчиняться иерархии. Затем работа на благо партии. И, наконец, прием наиболее достойных в номенклатуру. Этот своеобразный клуб «мастеров». Далее движение по ступеням номенклатурной лестницы вверх. И чем выше человек шел, тем больше он знал. И тем больше власти имел.

— Да! Здесь что-то есть. А я как-то об этом не задумывался.

— Ведь ваш приход к нам, к масонам, разве это не подсознательное стремление к власти? Номенклатуры больше нет... И вы в силу этого неодолимого человеческого стремления пришли к нам. Чтобы быть значительным. Чтобы обрести знания, которые отделили бы вас от тьмы, от быдла.

Он помолчал с минуту, как бы раздумывая, стоит ли продолжать.

— Люди всегда гордились своей принадлежностью к номенклатуре, — не удержался англичанин. — И каждый номенклатурный работник понимал, что он принадлежит к управленческой элите, где власть — высшая ценность. Так что наслаждение от этой тайной власти превышает все другие наслаждения, доступные номенклатуре. Но власть, ее сладость, конечно же, радует только тогда, когда она обставлена соответствующими атрибутами. И такие атрибуты, конечно же, присутство-

вали в жизни. Номенклатура, упрочившая свое положение в обществе, начала воспроизводиться в детях. Пример подавали сами вожди. Все вспоминали старшего сына Сталина, попавшего в плен и погибшего там. И знаменитую фразу вождя: «Я солдата на маршала не меняю!» Но это было, так сказать, для публикации. А вот второй сын вождя, юный пропойца Василий, еще не дожив до тридцати лет, уже был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командующим авиацией Московского военного округа. Зять Хрущева Аджубей мгновенно взлетел по карьерной лестнице до главного редактора «Известий» и стал членом ЦК КПСС. Сын Громыко Анатолий... Сын Брежнева Юрий... Дети Андропова, Микояна, Косыгина... Примеров множество. Правящий класс начал воспроизводить себя в своих детях, внуках и прочей родне... Такими же аппаратными номенклатурщиками являлись и политработники. Номенклатурные работники по всей вашей стране жили особой, неведомой остальной массе населения, жизнью. Номенклатура — это как бы партия в партии. Ядро. Основа. А партийной массе предоставлялось только право получать руководящие указания. И проводить линию номенклатуры в жизнь. Так что вы могли трудиться сколь угодно добросовестно и профессионально, но если вы не попадали в список номенклатурных работников какого-либо органа партии, то шансов сделать карьеру у вас не было никаких. Вы должны были стать своим, нужным в том слое, который еще Ленин назвал советский бюрократией. В каждом ведомстве страны, на каждом предприятии, в каждой организации появился список руководящих должностей, занять которые могли не люди начальника данного ведомства, а люди вышестоящего органа. Был создан и перечень лиц, которые имеют право замещать или занимать такие должности. Как и у нас, масонов, списки номенклатурных должностей были совершенно секретными документами. Уже при Сталине номенклатура стала правящим классом общества. И класс этот создал для себя тайно от остальных граждан страны, тайно от рядовых партийцев особый мир, в который был строжайше запрещен доступ непосвященным. Номенклатура пронизывала все структуры общества без исключения. И даже избираемый Собором Русской Православной церкви Патриарх Московский и Всея Руси был номенклатурой ЦК КПСС. И жила номенклатура совсем по-другому, чем весь советский народ. У нее были свои дома, свои магазины, санатории, свой аппарат обслуживая...

Пока англичанин говорил, Олег вспоминал свою жизнь под крылом любимой бабушки. Действительно, все было так. Персональный водитель. Нянька, которая выходила их с братом. Повариха. Горничная, которая занималась домохозяйством, охрана, садовник. Ими управляла старшая сестра. Все эти люди были в полном распоряжении бабушки. Товары и продукты бабушка и ее люди покупали в специальном магазине, куда простые смертные доступа не имели. Там был полный выбор-набор всего импортного шмотья, которое простые граждане могли купить только с рук у перекупщиков. Полагалась им и так называемая государственная дача. Это был большой дом. При входе холл метров на пятьдесят с камином. Комнаты, бильярдная, солярий, кабинет бабушки, несколько спален. В городе огромная квартира в самом центре. Везде ковры, вазы, фарфор.

Олег оторвался от своих воспоминаний в тот момент, когда стоявшие в углу напольные часы неожиданно начали бить, отсчитывая время. Пора было уходить. Но Олег не был бы самим собою, если бы не задал последний вопрос:

— Но у нашего движения, — теперь уже Мировой сказал о движении, как о нашем, считая себя полностью частицей масонского движения всего мира, — есть же идеал, к которому надо стремиться?

— Да, конечно, ведь среди масонов всего мира и раньше, и сейчас полно выдающихся людей. Назвать всех невозможно. Но вот хотя бы наши американские братья — среди них были великие ученые, естествоиспытатели, художники, писатели...

— Ну, а все-таки, где квинтэссенция, в чем масонство добилось, так сказать, идеала?

— Я думаю, высшее достижение — это создание Соединенных Штатов Америки, государства, в основу которого положены масонские идеи.

Олег Павлович Мировой снова удивлен. Вот уж, как говорится, никогда не ду- мал, не гадал.

Англичанин продолжил свою мысль:

— При открытии Америки один из великих масонов Фрэнсис Бэкон увидел в этом возможность для воплощения в жизнь великой «Утопии» — создания нового государства по образцу демократий древности. Можно сказать, создание новой Атлантиды.

Принятая в одна тысяча семьсот восемьдесят девятом году конституция США была написана масонами, которые были посвящены в очень высокие степени. Самое интересное, что значительная ее часть была позаимствована из книги английского, — сэр поднял назидательно указательный палец вверх, — английского вольного каменщика сэра Джеймса Андерсона.

При строительстве столицы Соединенных Штатов города Вашингтона соблю- дались все масонские ритуалы. Учитывалось расположение созвездий, астроло- гически благоприятное время для этого.

Достаточно сказать, что Капитолий заложили три знаменитых масона — Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин и Пьер Лафран.

— Франклин — это который на долларовой купюре?

— Тот самый! — торжествующе усмехнулся масон. — А еще на этой купюре, как вы знаете, присутствуют другие масонские символы. Всевидящее око.

— Пирамида! — заметил Олег.

— Усеченная пирамида. И еще кое-что... Так что наша символика присутству- ет везде в мире. А столица штатов буквально нашпигована астрологическими сим- волами — знаками зодиака, звездными картами, краеугольными камнями.

— Кстати говоря, — не удержался, встрял в разговор Серж, — на куполе Капи- толия, изнутри, конечно, изображена картина под названием «Апофеоз Вашинг- тона». На ней показано, как первый президент США возносится на небеса. Стано- вится, можно сказать, богом. Одним из богов. Потому что возносят его и помога- ют ему боги греческого и римского пантеонов.

— Тоже, кстати говоря, все президенты США, когда вступают в должность, то присягают на масонской библии, — с легкой иронией над учеником добавил Дэ- вид.

— Президенты. А почему? — поинтересовался Олег.

— Может, потому что до Гарри Трумэна все президенты США были посвящен- ными масонами.

— Вот как?! — вскинул удивленно брови Мировой.

— Да, всего шестнадцать президентов США были масонами. В том числе такие известные, как Рузвельт, Джонсон, Форд, Трумэн... Более того, Гарри Трумэн принимал решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки в полном масонском облачении — фартуке, перчатках и с треугольником в руках... Есть даже фото.

— Что-то как-то не вяжется это с масонскими идеалами, — пробормотал Олег Мировой про себя, слегка смущенный таким открытием...

Искренне не понимающий, отчего тут смущаться, старый масон, может быть, даже слегка рисуясь и хвастаясь, продолжил:

— Да, в штатах в масонах ходят банкиры, сенаторы, директор ЦРУ. Очень мно- гие, если не все, члены палаты представителей. Губернаторы штатов... Это гор- дость нации.

— Впечатляюще, — задумчиво говорит Мировой. — Значит, можно сказать,

что США — это сбывшаяся золотая мечта. Масонское государство, в котором воплотились в жизнь сокровенные мечты многих поколений вольных каменщиков.

— Можно сказать и так! Да это и не скрывается. Масонские ложи давно уже гордятся своими достижениями. И выставляют их напоказ. В штате Вирджиния есть масонский мемориал Джорджа Вашингтона. Это грандиозное, выдающееся сооружение. Три яруса — в разных архитектурных стилях, взятых из Древней Греции — дорическом, ионическом и коринфском. Вздвигающиеся вверх, символизируют рост человеческого интеллекта. Венчает мемориал пирамида, наверху которой факел. А внутри — статуя Вашингтона с мастерком, в фартуке, при полных регалиях. И уровни — всего девять. Выше, выше, выше. Чего там только нет! Гроты, крипты, часовни. Огромная библиотека масонской литературы. Да и в самой столице США немало зданий с масонской символикой, принадлежащих ложам... Старинным ложам, которые ведут свою родословную от времен Джорджа Вашингтона. В них и сейчас проходят масонские ритуалы. Если будете в Вашингтоне, сходите в Потомакскую ложу номер пять. В ней участвовал сам первый президент США.

— То есть такая свободная страна, как Соединенные Штаты, на самом деле несет в себе идеологию масонства?

— Да, конечно!

— Ну, а на ваш взгляд, сколько в стране масонов?

— Думаю, что общая цифра неизвестна никому. А вот в Нью-Йорке, по некоторым данным, их более пятидесяти тысяч.

— Так много!? — удивляется Мировой, знающий, что есть порядок, по которому число членов ложи не должно превышать определенное число. В России оно составляет тридцать.

— Ну, что вы! Оно резко упало. Ведь доходило до трехсот тысяч.

— Триста тысяч? — недоверчиво протянул Олег.

— Вся элита Америки — масоны. Или состоит в организациях, созданных вольными каменщиками.

— Фьюить! — присвистнул Мировой.

— Масоны работают вместе с корпусом мира, ротари-клубами, сотрудничают с ЦРУ... — на этом моменте старый масон как-то неожиданно умолк, видимо поняв, что болтал лишнего.

Покидал Олег Павлович музей-ложу очень задумчивым и слегка ошеломленным. Его провожал до входа юный английский масон из Белоруссии Серж-Серезжа...

На улице Мировой позвонил Марине Затейкиной и сообщил, что освободился и готов продолжить путешествие. При этом он размышлял вслух о том, куда бы им еще пойти:

— Может, пообедать?

— Я уже поела. Давай сходим в Британский музей! — предложила она.

Он как представил... И отмел:

— Да, в музее можно бродить целый день или целую неделю. Там время не имеет значения. И скукота. Тебя же не интересуют мумии?

— Нет!

— Здесь недалеко есть музей-квартира Шерлока Холмса.

— Да?! Как интересно!

В этот момент рядом с Олегом раздается удивленное восклицание:

— О! Кого мы видим! Это же наш Олег Павлович!

На лондонской мостовой стоят «Две М», как он окрестил Марию Бархатову и ее старшую подругу Марию Степановну Бобрину.

Первая — нестареющая пионервожатая, круглолицая, как всегда свежая. Глаза

под очками — бусинки. Короткая стрижка. Похоже в своем брючном костюме на актрису, играющую мальчиков-травести — Бархатова с интересом разглядывает внушительную каменную пирамиду масонского храма.

Бобриня, круглая, слегка оплывшая, такая плавная вся. Но глаза острые — смотрит внимательно на него.

— И вы сюда?! — искренне удивляется Олег. — Вот не думал, что вас интересуют тайны масонства!

— А мы тоже не думали, что встретим вас здесь! — улыбается во весь рот Бархатова.

Бобриня — та не улыбается, а только внимательно и задумчиво смотрит на Мирового.

— Вы на экскурсию? — интересуется бойкая Мария.

— Я уже был!

— Понравилось? — спрашивает старшая.

— Да, так себе,.. — неожиданно, не зная почему, отвечает он.

В этот момент из соседнего переулка, шурша шинами, катит его нанятый автомобиль.

Мировой еще раз любезно улыбнулся и, открыв заднюю дверцу, ныряет в прохладный, пахнущий каким-то дорогим парфюмом салон.

* * *

За ужином на лайнере Бархатова заводит разговор об экскурсии:

— А вы заметили, что наш лайнер тоже черно-белый? Корпус черный, надстройки белые, как пол в масонском храме. Может, это знак какой? — фантазирует со смыслом она.

Затейкина недоумевающее глядит на Мирового: «С чего это она задает такой вопрос?»

А Олегу Павловичу приятно. Он поддерживает разговор:

— Да, конечно, заметил.

— Очень интересная была экскурсия, — вступает Бобриня. — А какие у них интересные знаки и форма?

— Лейб, а что ж ты меня не взял с собою? — устремив на него пристальный взгляд, фальшивопошлым тоном спрашивает Затейкина.

— Дорогая! — Мировой старается быть любезным в тон ей. — Ты никогда не проявляла никакого интереса к этим вопросам. Я думал, тебе абсолютно все равно, где скучать... — Он хотел было добавить, что тебе в магазинах намного лучше, но посчитал, что это будет грубостью и невежливостью по отношению к своей спутнице, которая уже начинает раздражать его.

— А что означают все эти таинственные символы? — разглядывая буклет, изданный на английском, спрашивает Затейкина. — Какая-то абракадабра.

— Это все достаточно просто! — говорит Мировой. — Циркуль — небесный план. Наугольники — символ земного плана в Боге. Уровень — равенство всех братьев, всех людей перед Богом. Отвес — праведность. Духовная прямота. Молоток — символ власти.

— Ну, а меч? Для чего каменщикам меч? — спрашивает уже Бобриня.

— Но посвящают же мечом, — отвечает Мировой.

— Но это же из другой оперы, — усмехается Бобриня. — Это из рыцарства.

— Скорее всего, дело в том, — высказывает свою версию госпожа Бархатова, — что со временем в вольные каменщики валом повалили люди благородных сословий. И им хотелось, чтобы ритуалы проходили покрасивее. Не просто с молотком. Но чтобы это было связано с рыцарством средневековым!

— Да! Интересная точка зрения, — отмечает Олег Павлович.

— Мне кажется, в масонстве чего только не намешано! — говорит снова Бобринна. — Вот для чего, скажите, все тут свалено в одну кучу? Эта каменная пирамида на долларе. Всевидящее око. Череп и кости. В общем, каждой твари по паре...

— Ну, так как масонство ведет свою родословную от каменщиков, оно и показывает, что люди — это как бы кирпичи в пирамиде. Обтесывать этих людей, строить из них новый мир, новую жизнь — вот суть этой символики, — объясняет вторая Мария.

— Ну, а причем тут Соломон? И китайские символы инь и янь?

— Символы и знаки идут от времен Египта, — замечает Бархатова, — от строителей пирамид. И культура бога солнца Атона.

— По-моему, они специально все смешали и запутали. Для того чтобы морочить людям голову своими тайнами, знаками, адамовыми головами и прочей чертовщиной, — замечает ворчливо Бобринна. — Не мне, конечно, судить. Но, похоже, это так.

На этом разговор и закончился. По крайней мере, на нынешний, быстро текущий день. Потому что завтра их ждала прекрасная Франция.

Глава IV

При переходе из Дувра в Кале поднялся дикий ветер. Гигантские черные волны, длиною от горизонта до горизонта, одна за другою накатывали на корабль. В закатном солнце, которое медленно опускалось за кормою, океан блестел, как масляный. «Нью-Амстердам», который до сих пор игнорировал волнение и всегда шел прямо «по ниточке», как паровоз по рельсам, на этот раз закачался.

Мировой ощутил качку в тот момент, когда шел в душ. Он пару раз толкнулся плечами в дверном проеме и понял, что в океане штормит. Сегодня они с Мариной для разнообразия решили позавтракать в ресторане самообслуживания, который расположен на девятой палубе. Семибальное волнение и ветер скоростью в восемнадцать метров в секунду не лишили их аппетита.

Этот ресторан похож на хорошую столовую самообслуживания. Здесь нет тех разносолов, которые подают вечером за ужином. Меню попроще и пицца привычнее. Улыбчивые малайцы в белом, с колпаками на голове быстро накладывают беспокойным пассажирам те кусочки, на которые они укажут пальцем.

Мировой берет из стопки большую нагретую тарелку и нагружает ее сосисками с картофельным пюре, а также ставит на поднос кружку с кофе из автомата. Его длинноногая спутница довольствуется овощным салатиком и фруктами. Собрав хлеб свой насущный, они отправляются вдоль длинной палубы, чтобы найти себе место у окошка.

Во время этого затруднительного путешествия у Мирового срабатывает давно забытый инстинкт моряка. Он сам не замечает, как начинает широко, «циркулем», расставлять ноги.

Все места у панорамных окон заняты, но они видят сидящую Марию Бархатову и пристраиваются к ней.

— Здравствуйте! К вам можно?

— Здравствуйте! — улыбается она. — Конечно!

— А где Мария Степановна? — интересуется Затейкина.

— Ей слегка нездоровится, — любезно поясняет Бархатова. — Ее укачивает.

Вы не знаете, где выдают таблетки от укачивания? Она просила взять...

— Наверное, на рецепции!

— Надо будет зайти, — задумчиво говорит Бархатова. — Сегодня у нас Париж! И как говорил Генрих четвертый, Париж стоит мессы.

— Да, Париж, — поддерживает разговор Мировой. — Я был там несколько раз. И скажу просто, как сформулировал для себя: «Нет в мире города красивее, чем Париж!»

— Ну, ты уж перегнул! — вступает в разговор Марина. — А Рим чем хуже?

— У нас еще будет возможность сравнить, — принимаясь за еду и аккуратно манипулируя ножом и вилкой, отвечает Мировой.

— Ой, смотрите! Смотрите! — восклицает Затейкина и кивает вниз, за окно.

А там, подпрыгивая оранжевым поплавком на волнах, рядом с лайнером движется небольшой закрытый катер и постепенно приближается к черному корпусу.

— Это, наверное, лоцманский катер подходит! — замечает Мировой. — Сейчас он должен будет высадить к нам на борт лоцмана, чтобы тот завел нас в гавань...

И точно, катерок, приплясывая, в какой-то момент легко касается борта лайнера в том месте, где уже открыта дверь и стоят наготове люди в спасательных оранжевых жилетах. Несколько секунд, и седой, сухой, бородатый, одетый в форменный костюм человек перепрыгивает с катерка на борт судна.

«Поплавок» отскакивает в сторону и, посигналив, ложится на обратный курс. Через пару минут его уже не видно за волнами.

— А откуда вы знаете, что это лоцман? — замечает Бархатова.

— В молодости я ходил в море! — нейтрально отвечает Олег Павлович, аккуратно складывая на краю стола белую салфетку.

— Да?! А я и не знала! — удивляется Марина.

Ведомый твердой рукой лоцмана, лайнер перекладывает галс и начинает приближаться к чуть виднеющемуся вдалеке пологому мрачному берегу.

Сильный боковой ветер пытается развернуть судно. Весь гигантский корпус подрагивает от напряжения, борьбы. Однако лоцман ювелирно проводит его между двумя башенками с горящими фонарями в гавань. За каменной стеной бухты волнение сразу спадает. Но северный ветер продолжает дуть крепко и быстро заводит борт корабля к причальной стенке.

— А знаете, что сегодня тринадцатое число и пятница? — замечает Мария Бархатова, рассматривая в окно, как далеко внизу, на пирсе, рабочие в оранжевых куртках и пластмассовых шлемах тянут канаты, заводят швартовы.

— И что означает эта пятница? — спрашивает Затейкина, пытаясь понять, что хочет сообщить ей эта умная и решительная дама.

— В пятницу в тысяча триста седьмом году тринадцатого числа французские власти по приказу короля начали штурмовать орден тамплиеров в Париже. С тех пор этот день называют «черной пятницей» во всем мире.

— Да, интересная история. Тамплиеры и масоны. Какая между ними связь? А ведь какая-то связь есть. Я где-то читала, — в тон ей отвечает Марина, словно пытаясь доказать: и мы, мол, не лыком шиты и не лаптем щи хлебаем.

* * *

В конечном итоге, женщины договорились до того, что решили: на экскурсию по Парижу, точнее, по местам, связанным с тамплиерами, они поедут вместе.

Вместе так вместе. Олегу все равно. И даже приятно. Перспектива таскаться по городу на пару с Мариной его мало вдохновляет. Он от нее уже устал. А так — бабы интересные. Есть хоть о чем с ними поговорить.

Гид у них сегодня из бывших беглых — то ли дворян, то ли диссидентов советской поры. Представился он как Мишель. То ли Безухов, то ли Бездухов. Олег не уловил.

Но, видно, что этот толстый и лысый, в очках потомок эмигрантов какой-то

там волны, город знает и любит. За это Олег Павлович зовет его про себя то «обрусевшим французом», то «офранцузенным русским».

Они дружно «сфоткались» на фоне собора Парижской Богоматери. Поглядели на город с высоты Эйфелевой башни. Постояли у стеклянной пирамиды во дворе Лувра. И очутились, наконец, на острове Сите.

Мишель привел их к небольшому скверу на оконечности острова и продолжил рассказ:

— Благодаря Виктору Гюго все знают о соборе с его химерами и романтической историей. Но на острове, который, собственно говоря, является сердцем Парижа, произошло немало других событий. Ведь отсюда и начался этот город. Начался еще в римские времена. До нашей эры.

Дождавшись, когда «русо туристо» проникнется значительностью момента, гид продолжает уже более конкретно и вдохновенно:

— Малое число людей помнит, что вот на этом месте произошло восемнадцатого марта одна тысяча триста четырнадцатого года.

— Здесь сожгли тамплиеров! — тихо шепчет Бархатова Затейкиной за спиной у Олега.

— Восемнадцатого марта одна тысяча триста четырнадцатого года, — торжественно продолжает Мишель, — здесь закончилась история рыцарей-тамплиеров...

«Но одновременно, — думает Олег — началась история рыцарей-масонов.»

— Семьсот лет назад на этом поле стояли в позорном рубище магистр ордена Жак де Моле и главный прецептор Нормандии Жофруа де Шарне...

Да, время стирает все. Туристы смотрят на небольшой уютный скверик, похожий на огородик, украшенный деревьями и скамейками вокруг. На цветочки. На сидящих, перекусывающих. И не могут поверить, что здесь кипели страсти, горели, как факелы, люди и раздавались проклятия и крики боли...

— Я расскажу вам немного об истории ордена. Потому что понять его конец, не зная начала, невозможно... В одна тысяча девяносто шестом году из Европы на Восток, — Мишель протяжно, с неподражаемым французским прононсом, начал свой рассказ, — двинулся первый крестовый поход. Рыцари шли, чтобы вернуть завоеванный мусульманами Иерусалим с Гробом Господним. Они взяли его. Вслед за ними на Святую Землю двинулись тысячи паломников. Путь был труден и опасен. Поэтому все летописи тех времен сообщают, что благородные рыцари-крестоносцы решили основать орден, который будет защищать паломников от нападений. Сначала их было двое. После к ним присоединилось еще семеро. Как пишет Чарльз Эддисон, «воспламененные военно-религиозным пылом и воодушевленные святостью дела, которому они посвятили свои мечи, они назвали себя «Бедными рыцарями Иисуса Христа». Они отреклись от мира и его удовольствий и принесли обеты вечного целомудрия, смирения и бедности. Дошло до того, что на печати ордена изобразили лошадь, на которой сидят два рыцаря. То есть показали, что они настолько бедны, что вынуждены ездить по двое!

Мишель перевел дух.

— А что было на самом деле? Если уж рассуждать по-современному, с точки зрения маркетинга и рынка, рыцари увидели, что существует потребность в услуге — охране паломников, их имущества и денег. И решили эту потребность удовлетворить. И заработать на этом.

Мировой и женщины с большим интересом вслушались в речь этого апологета капитализма.

— Это была чистая капиталистическая история. Они начали с пиара. Обратились к королю Болдуину. Тот дал им рекомендательные письма. И они, пользуясь ими, собрали под свой бизнес-план пожертвования от королей и многих знатных

людей. Недалеко от храма Господня, на горе Мориа им отвели под жилье храм, который называли Храмом Соломона. Отсюда и пошло их такое название — храмовники. Конечно, они сражались с неверными и разбойниками. И слава об их подвигах разлетелась по всей Европе. Но мало кто из исследователей и авторов рассказывает о том, на чем больше всего они разбогатели.

— На чем? — спросила Марина.

— Тамплиеры стали первыми европейскими банкирами и ввели в обращение векселя! — с воодушевлением ответил Мишель. — Как это работало? Да очень просто! Какой-нибудь богатый паломник собирается ехать в Иерусалим. Ехать долго. Дорога длинная. Тяжелая. Надо брать с собой много денег. А по дороге лютуют грабители, вымогатели, просто бандиты. Как сохранить средства? Храмовники предлагают: вы сдаете деньги в кассу здесь, у нас. Предположим, во Франции. И получаете вексель на эту сумму. Приезжаете на место. Сдаете вексель. И на месте получаете свой вклад. Ну, и конечно, платите за эту услугу. Поток паломников был неиссякаем. И деньги к тамплиерам текли рекой... — Мишель сделал ударение на словах — деньги и рекой. — Кроме того, в уставе ордена прописаны были отношения с женатыми братьями. Были, оказывается, и такие: «С женатыми братьями так предписываем вам себя держать, чтобы если они просят благодеяния и участия вашего братства, то пусть завещают часть своего имущества и все, что приобретут после вступления в орден, после своей смерти казне ордена...» Всем воинам, принесшим обет, было позволено иметь землю и людей. «...Итак, мы законным порядком призываем, хотя вы и называетесь воинами Христа, чтобы за выдающиеся успехи и особенную честность вы сами имели дом, землю, людей и владели крестьянами...» Правда! Вот такой интересный орден. Мало того, в соответствии с папской буллой тамплиеры имели право не платить налоги, сами могли собирать налоги с других. И не подчинялись юрисдикции местных властей. То есть они становились государством в государстве. Все эти льготы и привилегии, а также предприимчивость и деловая хватка братьев привели к тому, что орден тамплиеров, начинавший как символ бедности под покровительством королей, превратился в самого богатого и могущественного ростовщика Европы. В общем и целом, можете себе представить положение рыцарей-храмовников. Богаты, знатны, знают тайнства. И никому не подчиняются. При этом все в белом... Конечно, такое положение порождено завистью. И желание отнять его богатства. Но время шло. И сарацины постепенно начали вытеснять христиан со святой земли. После ряда неудачных попыток провести крестовые походы европейцы убралась с Ближнего Востока. В одна тысяча двести девяносто первом году пал последний оплот ордена — крепость Акнон. И резиденция главы ордена была перенесена на Кипр. То есть у тамплиеров было отнято их поле деятельности. В ордене больше никто не нуждался. Он стал предметом всеобщей недоброжелательности. Его ненавидели везде, где были подразделения ордена. А находились они почти во всех европейских государствах того времени: Франции, Англии, Германии, Португалии, Кастилии, Италии, Венгрии. На братство, наделенное привилегиями и всяческими милостями пап, ополчилась церковь. Назревал кризис...

Мишель прервал свой рассказ и предложил группе подняться на находящуюся рядом площадку. Здесь они обнаружили конный памятник. И Затейкина, ни минуты не сомневаясь, спросила в простоте душевной:

— Это памятник тамплиерам?

Все участники похода слегка потупились с улыбкой на устах. Но Мишель, видно, повидал немало современных туристов, поэтому без тени насмешки, вполне серьезно объяснил:

— Это конный памятник королю Генриху четвертому.

— Тому самому, который сказал, что «Париж стоит мессы» и перешел в католичество? Чем спас свою жизнь? — уточнил Мировой.

— Ну, да! Но это его, как и женитьба на Марии Медичи, не спасло. Его убил фанатик. А жена после его смерти поставила ему памятник.

— Так это тот самый из романа Дюма «Королева Марго»? — опять подала голос Затейкина.

— Да, да!

— А вот смотрите, на решетчатом металлическом заборе висят замки. Как у нас!

— Ну, современные влюбленные парочки облюбовали это место. Судя по всему, в память о любви Марии Медичи и ее мужа. Вот и вешают замочки.

— А где же сокровища тамплиеров? И были ли они?

— Мы дойдем до этого вопроса. В свое время! — отвечает Мишель, поправляя свои очки. Видно, что ему неприятно, что его перебивают. Но продолжает: — Все считают, что тамплиеры пали жертвой жадности папы и короля. Скорее всего, так оно и было. Им захотелось получить их сокровища, и они решили обвинить рыцарей в ереси. Следствие и суд шли долго. Очень долго. Рыцарей пытали. И, в конце концов, приговорили. Восемнадцатого марта у собора Парижской Богоматери — вот здесь был построен эшафот. При большом стечении народа прево зачитал приговор оболганному ордену, обвиняемому в богопротивных грехах и неправедных деяниях. Братьев тамплиеров обвиняли в поклонении мумифицированной голове: «У этого идола вместо глаз два карбункула, яркие, как сияние неба, и к нему тамплиеры обращали свои моления и уповали на него всем сердцем, как на Бога». Их обвиняли в сжигании тел умерших братьев и добавлении этого пепла в пищу и питье братьев-новобранцев. Это чтобы они укреплялись в идолопоклонстве. Некий Гильом Парадон, монах-историк, всерьез повторяет эти лживые обвинения: «В тайных пещерах они поклонялись истукану и приносили ему жертвы. Желающих вступить в орден призывали отречься от Иисуса Христа и попать ногами святой крест. После всего этого они устраивали оргии. Гасили все лампы в пещере, и начиналась оргия с женщинами и девушками, обманом завлеченными туда. Если у тамплиера рождался ребенок от одной из женщин, они вставали в круг и передавали этого младенца по кругу из рук в руки, пока тот не умирал. Затем они поджаривали его и умащали его жиром своего истукана...» В общем, весь этот бред они должны были подтвердить под пытками...

Пока гид переводит, что называется, дух, Олег с площадки смотрит на обтекающую остров Сену: «Да, увидеть Париж и умереть... Не зря на этот счет так серьезно высказывались наши предки. Красивый город. Но чужой. Впрочем, наш Питер не хуже. А в чем-то, может быть, и лучше... Так что же я ищу здесь? Что? Что-то важное для себя...»

Но он не успевает додумать эту ускользающую мысль, потому что Мишель продолжает рассказ:

— После того, как парижский прево огласил приговор оболганному ордену, на помост вывели четырех тамплиеров, закованных в цепи. Епископ Альба — был такой — огласил народу их признание. А после обратился к рыцарям, требуя народно покаяться в ереси и признать вину ордена. Двое покорно признали вину. И избежали казни. А вот великий магистр Жак Моле не стал. Он подошел к краю эшафота, поднял скованную руку вверх и прокричал, что ложь есть преступление против Бога и людей: «Я признаю свою вину, — воскликнул он, — которая состоит в том, что я к своему позору и бесчестию из-за страданий невыносимых пыток и страха смерти лжесвидетельствовал, приписав постыдные грехи и беззакония ордену, который самоотверженно служил христианскому делу. Я не вправе бороться за свою жалкую и презренную жизнь и продлевать свое ничтожное суще-

ствование, премуножая высказанную, но малодушную ложь». Второй рыцарь также стал клятвенно заверять всех в своей невинности. Тут прево с подручными прервали их, схватили и потащили обратно в тюрьму. Король Филипп, узнав об этом, в ярости приказал немедленно казнить обоих благородных рыцарей. Вечером их вывели на это место и сожгли на медленном огне...

Все молчали, подавленные рассказом гида.

— Но это еще не конец истории. Говорят, во время казни Великий Магистр проклял короля и папу. Он кричал, что вызывает их на Божий суд и что они скоро предстанут вместе с ним перед Господом. И участь их будет незавидна. Так и случилось. Ровно через год папа умер от дизентерии. Тело перевезли в церковь в его резиденции. В ночь перед погребением в церкви произошел пожар. Останки понтифика сгорели. Его сокровища, которые он копил всю жизнь и хранил у настоятеля церкви в Лунке, были похищены грабителями. Король Филипп, отличавшийся завидным здоровьем, тоже через год скончался на сорок седьмом году жизни от приступа непонятной болезни. Его советник Ангерран де Мареньи, который и предложил королю расправиться с тамплиерами, чтобы завладеть их сокровищами, был повешен по приказу преемника короля. Вскоре умерли один за другим великий инквизитор Франции и второй инициатор дела тамплиеров — советник короля. Французский писатель Ренуар, занимавшийся историей тамплиеров, пишет, что «...история свидетельствует, что всех тех, кто участвовал в преследовании тамплиеров, постигла несвоевременная и презренная смерть». Род короля Филиппа тоже постигла кара. Умерли все сыновья. И в тысяча триста двадцать восьмом году после преждевременной смерти третьего сына династия Капетингов прекратила свое существование. Еще хуже пришлось английскому королю Эдуарду второму, который тоже поднял руку на тамплиеров. Он был свергнут с престола заговорщиками и убит в замке Беркли. Так как он был гомосексуалистом, заговорщики убили его зверски, воткнув раскаленную металлическую кочергу в задний проход...

Все замолкли, потрясенные окончанием рассказа. С минуту они стояли, вслушиваясь в пение птиц и воркование голубей. Один из них, белый-белый, сел на голово статуи.

«Белый, как плащ тамплиеров», — подумал в этот миг Мировой.

Наконец, когда они отошли и начали двигаться к своему микроавтобусу, Марина Затейкина, видно, чтобы прервать угнетающее молчание, снова спросила:

— А что же богатства тамплиеров? Они достались Филиппу?

— Нет! Богатства так и не нашли. Какие-то крохи. И сейчас искатели приключений ищут. Но ходит легенда, что за несколько дней до ареста тамплиеры, которых, видимо, кто-то известил о планах короля и папы, снарядили целый караван судов, погрузили на него какие-то сундуки. И караван отплыл в неизвестном направлении. Земли и недвижимое имущество, а также храмовые драгоценности и доходы поделили между собой короли и владельцы тех земель, где были прецептории ордена храмовников.

— Так были они виноваты на самом деле? — выпытывала Затейкина. — В чем их вина?

— В том, что были богаты! — ответил, шагая к микроавтобусу, Мишель.

— Мне кажется, что это чисто материалистическая точка зрения, — тяжело ступая по ступеням, вступила в разговор Бобриня.

— А в чем же была, на ваш взгляд, настоящая вина тамплиеров? — теперь уже спросил Мишель.

В разговор вклинулась Маша Бархатова:

— Тамплиеры, скорее всего, так же, как и катары или альбигойцы, чистые, как их называли, были людьми широких взглядов. Кстати говоря, они — тамп-

лиеры — иногда спасали катаров, когда на них велась охота. Кроме того, судя по неким отрывочным сведениям, они были знакомы со многими древними учениями, такими, как индийские Веды, Упанишады. Изучали, возможно, еврейскую Кабалу. И судя по всему, верили в единого Бога...

— Да, милая моя! — садясь в машину и прикрывая раздвижную дверь, замечает Бобриня. — Еще Блаватская высказывалась по этому поводу, кажется, так: «Их тайной целью была свобода мысли и восстановление единой и всеобщей религии...» Кроме того: «Ошибочно будет утверждать, что этот орден только впоследствии стал антикатолическим. Он был таковым с начала, и красный крест на белом плаще, орденском одеянии, имел то же самое значение, как у каждого посвященного любой страны. Он указывал на четыре стороны света и являлся эмблемой вселенной».

— Так что тамплиеры были наказаны с точки зрения католицизма очень даже правильно!

— Но, как я понимаю, — подхватывает разговор Мария Бархатова, — на этом история не закончилась? И дело их не погибло!?

— О тамплиерах вспомнили через три века. Ходят легенды, что гонимые рыцари переродились в вольных каменщиков, — отвечает подруге Бобриня...

Японский минивэн катит по улицам Парижа. За окном картины начинают сменять одна другую. Общее внимание привлекает грозный замок с круглыми башнями, стоящий на набережной Сены. Это тюрьма Консьержери.

Разговор в салоне оживляется. Бархатова замечает:

— Общество новых рыцарей храма возникло, когда потомки рыцарей-тамплиеров отвергли обеты и начали вести светскую жизнь. Они объединились в тысяча семьсот пятом году под водительством герцога Филиппа Второго Орлеанского, который провозгласил себя магистром ордена. А уже через двадцать лет в Лионе появляется некто, кто объявил себя графом Сен-Жерменом. И этот Сен-Жермен призывает потомков рыцарей тамплиеров к мщению королям. В какой-то момент легенды «новых тамплиеров» сливаются с масонскими. У масонов появляются новые степени. И обряды, показывающие смерть Великого Магистра. В конце концов, появляется у масонов и тридцать третий градус, который называется Степенью Рыцаря Кадош. И его лозунг мести за тамплиеров: «Делай, что должно, и будь, что будет!»

— Да, это, так сказать, видимая сторона медали, — отмечает Бобриня. — Тайной стало то, что Рыцарь степени Кадош тоже придерживается не только христианских догматов. Он изучает священные книги мира — индийские Веды, египетскую Книгу Мертвых, Упанишады...

— И что они, масоны, точно наследники рыцарей? — интересуется Затейкина.

— Это вряд ли!

— А давайте заглянем в интернет. Там есть все. Ну-ка! Что пишут о связи тамплиеров и масонов сами масоны? — продолжает тему Затейкина. — Сейчас яведу запрос... Вот видите. Читайте... — И сама же начинает читать статью на экране смартфона: «Вот что пишет в письме по этому поводу некто мистер Чарльз Соверэн, американский масон самых высших ступеней, познавших, может быть, все тайны масонства: «Современные тамплиеры, на которых вы ссылаетесь в вашем письме, это только сороки в павлиньих перьях. Целью масонских тамплиеров является сектарианциция или, вернее, христианизация масонства...»

— А я нашла слова Блаватской, которая в своей книге «Разоблаченная Изида» так характеризует этот процесс, — отзывается Мария Степановна Бобриня: — «Нынешним рыцарям-тамплиерам Парижа хотелось бы оказаться непосредственными потомками древних рыцарей, и они пытаются доказать это документами, внутренним распорядком и тайными учениями. Форес говорит, что братство

франкмасонов было основано в Египте, Моисей передал тайное учение израильтянам, Иисус — апостолам, и отсюда оно перешло к рыцарям-тамплиерам. Такие выдумки необходимы... для утверждений, что парижские тамплиеры являются отпрысками древнего ордена».

В дело вновь вступает Мария Бархатова:

— Я нашла слова того самого Рамсея. Иезуита Рамсея. Это он начал вести эту линию, якобы тамплиеры и масоны — родня. Этот выкормыш иезуитов как-то произнес судьбоносную речь о происхождении масонов от рыцарей-крестоносцев. В ней он в частности говорил следующее: «...само слово «франкмасон» не следует понимать буквально... как если бы основатели нашего ордена были простыми работниками — каменотесами... Они были истинными князьями религии и воинств, намеренными всячески защищать и просвещать живые храмы Всевышнего». Это попытка ордена иезуитов возратить масонов в лоно католической церкви. Где-то она удалась, как в Шотландии. Где-то провалилась».

Мировому, который внимательно вслушивается в дискуссию с помощью айфонов, от этого не слишком приятно. Не каждому хочется знать, что к развитию масонства, как говорится, «руку приложили» эти исчадия ада — иезуиты. И он пытается как-то сгладить тот эффект, который, несомненно, чувствуют все едущие с ним. Он замечает, защищая братьев:

— Ведут масоны свою родословную от тамплиеров или нет — это вопрос! Но то, что они провозгласили и проводили в жизнь лозунги свободы, равенства, братства, — это факт. Они двигали историю мира и делали все для духовного просвещения человечества.

Неожиданно его поддерживает с переднего сиденья Мишель:

— Конечно, масоны, как бы мстя за судьбу тамплиеров, поставили цель — свержение власти королей и борьбу с папами. В музее вы увидите масонскую медаль. На ней изображен куст лилий (королевский символ), пораженный мечом. И надпись, которая гласит: «Мечь дает свой урожай!»

— Это точно! — продолжает заглохший было разговор Бобрин. — На масонских встречах проводились символические обряды — казнь манекена короля Филиппа Четвертого. А ритуалы такая вещь, что создают при частом повторении, эгрегоры — энергетическое образование, которое разрушает власть...

* * *

Луксорский обелиск, привезенный из Египта, они видят издалека. В центре площади Согласия — прекрасный темный фонтан со статуями, изображающими города Франции. Вокруг нее — величественные здания министерств с колоннами и лепниной.

— Во время Великой французской революции тут стояла гильотина, — начинает свой рассказ, потирая на ходу запотевшие круглые очки, Мишель. — Здесь лишился головы и Людовик Шестнадцатый.

— Говорят, он был слабовольный человек. И недалекий, — замечает Олег.

— Знаете... — как-то даже встрепенул Мишель. — Историю пишут победители. А король вел себя достойно. Он приехал сюда в открытой коляске. Сам поднялся на эшафот. Ему хотели связать руки. Он сопротивлялся. Тогда к нему подошел священник и сказал, что Господь Иисус Христос принял свою смерть безропотно. И король согласился. Перед самой казнью он произнес что-то в этом роде: «Пусть моя кровь послужит процветанию Франции.»

— Я читала, — замечает Бархатова, — что к смерти короля причастны масоны.

— Опять масоны?! — удивляется Затейкина. — Везде они!

— Это очень запутанная история! — говорит гид. — Мы можем только вспом-

нить факты. Так, один из исследователей масонства, бывший иезуит аббат Баррюэль пишет в своих четырехтомных мемуарах по истории якобинцев, что еще задолго до начала революции были проведены всемирные конгрессы масонов. И на этих собраниях были приняты решения об уничтожении короля. Конечно, масоны всегда скрывают свои планы, но факты вещь упрямая. А они говорят, что некоторые члены лож, участвовавшие в этих собраниях, были так поражены, ошеломлены тем, что там происходило, что навсегда покинули их. А некоторые, что могли выдать тайну, были попросту убиты. Во всяком случае, граф де Вирье, который участвовал в конгрессе от французских масонов в качестве делегата, покидает масонство и говорит: «Я не могу открыть вам того, что там происходило, скажу только, что это серьезнее, чем вы думаете. Заговор, который составляется, так хорошо обдуман, что монархии и церкви нет спасения». Такая вот история.

— Но как могло получиться, что масонство, которое работает на духовное совершенствование человека, вдруг оказалось организацией заговорщиков. Я в это не верю! — заявляет Мировой, которого задевает этот наезд на вольных каменщиков. — Скорее всего, это клевета!

На этот раз, кажется, задет был гид.

— Да, масоны провозгласили своим лозунгом: «Свобода, равенство, братство.» И этим они привлекали к себе людей. Много людей, — взволнованно проговорил Мишель. — Но это такая система, в которой все обязаны подчиняться — низшие ступени высшим беспрекословно. И зачастую низшие ступени не знают даже, кто отдаёт им приказы.

— Ну, давайте не будем спорить! — замечает Бобриня. — Ведь это все дела давно минувших дней. Так сказать, преданья старины глубокой. Хотя, что же говорить, — все-таки не выдержала она, — все якобинцы по сути своей были масонами...

— Или иллюминатами! — подсказывает Бархатова.

— А это еще кто такие? — спрашивает Марина Затейкина. Ей, по-видимому, интересно.

— Фактически братья масонов, — замечает с иронией Бархатова.

— Давайте обратимся к нашему просвещенному другу — интернету! — добавляет она.

Быстро набирает несколько слов на дисплее своего айфона. И буквально, через несколько секунд уже цитирует нужный текст.

— Вот, пожалуйста. Программа деятельности ордена. Да еще какая! «Заботиться, чтобы журналисты не возбуждали сомнений насчет наших писателей. Необходимо сделать наши принципы модными, дабы молодые писатели распространяли их в обществе и, таким образом, помимо своей воли служили нашему делу. Необходимо также приобрести приверженность пылких голов, горячо проповедовать всеобщие интересы человечества. Каждый из нас должен обязаться осведомлять наших старших о должностях, службах, выгодах и иных почестях, которыми мы можем располагать или которые мы можем получить путем рекомендаций, чтобы наши старшины получали, таким образом, возможность замещать эти должности достойными членами нашего ордена, служа им порою, дабы незаметно видоизменяя окружающий мир. Сильных мира сего необходимо окружить легионом неутомимых, направляющих всюду дела по предначертаниям ордена. Давите всех, кого вы не сумели убедить!» Эти идеи были восприняты и французскими масонами, которые стали активными участниками Великой французской революции. Сегодня ни для кого не секрет, что Дантон, Мирабо, Ларошфуко, Марат, Робеспьер, Камилл Демулен и многие другие были масонами. Да и сами масонские организации, спустя много лет, признали, что это их заслуга в том, что революция совершилась. Накануне празднования столетия революции Большой

совет Великого Востока Франции направил всем связанным с ним ломам циркуляр, где в частности говорилось: «Масонство, подготовившее революцию тысяча семьсот восемьдесят девятого года, должно продолжать свою работу».

Ловкие пальцы легкими касаниями вытаскивали на экран все новые и новые свидетельства:

— Под масонскими лозунгами «Свобода. Равенство. Братство» она и произошла.

— Вот как интересно! — восклицает Марина Затейкина, разглядывая площадь.

Олег Мировой же сосредоточенно молчит. Ему очень хочется возразить. Но он чувствует, что пока ему сказать нечего.

— Ну, это говорят и пишут сами масоны, — замечает Бобриня. — Им, очевидно, очень хочется быть значительней, чем они есть на самом деле.

— Ну, почему же только масоны говорят, — живо откликается Бархатова. — И их жертвы, которые много лет не подозревали о том, что происходило у них под носом. Они думали, что масоны играют в игрушки, что они просто развлекают публику, устраивая костюмированные вечеринки и разные мистические сборища...

Грубо, потому что смущен, вступает за своих французских собратьев Мировой:

— В конце концов, Великая французская революция продвинула Францию вперед. Так что масоны, несмотря на все, что вы о них говорите, сыграли прогрессивную роль!

— Одно слово: «Париж стоит бедни», — язвит Бархатова.

— Об истории французской революции написано множество книг, в которых все, как кажется, расписано по минутам. Однако, как ни странно, все равно остаются тайны. Смерть короля. И то, как он попал сюда на эшафот, тоже до конца не проработанный, но очень интересный вопрос, — вступает в свои права гид Мишель.

— А что же тут таинственного? Его приговорил конвент, — замечает Бархатова.

— В том то и дело, что король оказался на эшафоте против мнения конвента. Сейчас появились новые исследования, которые говорят о том, что четырнадцать голосов при голосовании были подложными. Вот так вот! И это при том, что сторонники казни получили всего на один голос больше. И подозревают в этом подлоге никого иного, как масоны, которые фальсифицировали голосование.

Пока идет этот безнадежный разговор, Олег Мировой испытывает какие-то странные, причудливые ощущения. Во-первых, ему кажется, что он уже когда-то стоял на этом месте. В каком-то другом измерении. И еще в его сознании появляется картинка: кругом стоят коленопреклоненные в каре ряды солдат в старинных, времен войны восемьсот двенадцатого года, мундирах. Он видит авмон, священников, образа. А вокруг — толпы французов.

Еще он видит странных воинов на конях — это, несомненно, казаки с пиками. И в овчинах, калмыки с плоскими лицами, маленькими глазами и бурым цветом лица. А также вооруженные луками башкиры и какие-то кавказские воины в блестящих кольчугах...

Он видит эти неясные тени. Они окружают его. И реальнее, чем сама реальность.

— А в память о жертвах революции в одна тысяча восемьсот четырнадцатом году, когда русские войска заняли Париж, здесь был отслужен грандиозный молебен, на котором присутствовал Александр Первый, — продолжает свой рассказ Мишель то ли Безухов, то ли Бездухов.

Последний пункт их экскурсии — тюрьма Консьержери. Грозный, боевой замок посреди Парижа, на набережной Сены, они посещают уже после усыпальницы Сен-Дени, где долго стоят у двух фигур: короля в короне и мантии со сложенными руками и королевы. Так что мрачные кельи-камеры Консьержери их уже

особо не удивляют. Ну что ж, тюрьма, она и есть тюрьма. Каменный пол. Дубовая кровать. Грубый стол. Стул. Коврик.

Удивила разве что низкая притолока в дверном проеме. Гид поясняет:

— Такой низкой сделали ее по приказу Робеспьера. Он специально издал по этому поводу декрет. Хотел, чтобы гордая австриячка Мария Антуанетта кланялась, выходя и входя сюда. Правда, спустя год он сам попал в эту камеру. И разбил себе лоб об эту притолоку!

— Не рой яму другому! — пошептала на ухо Олегу Марина.

Глава V

После напряженного экскурсионного дня в Париже, народ старается расслабиться. Для этого на корабле множество баров. И в каждом наливают. Да не один раз.

Раньше Олега удивляла и раздражала манера европейских спутников часами сидеть в барах, потягивать коктейли и болтать. Проходя мимо них, он всегда думал: «Ну, о чем можно часами молотить языком?» А теперь сам стал частенько задерживается в большом музыкальном салоне лайнера, чтобы посидеть, поговорить. Вот и сегодня он не торопится после ужина в каюту. А просто спускается в пестро украшенный салон с «ползающими по потолку», похожими на крылатых жуков ангелочками. И ищет себе место у окошка.

Проходя мимо закрытых, с высокими подголовниками кресел, он случайно слышит разговор на русском. Это Бобрин и Бархатова. И, судя по всему, они перемывают косточки ему.

— Машенька, — Бобрин выговаривает Бархатовой, — ты что так ожесточилась, прямо пылаешь вся? Масоны, не масоны. У меня такое ощущение, что ты прямо давишь на всех. И особенно на такого милашку Олега Павловича! С чего ты на него взъелась?

— Мне кажется, что он масон!

— Ну и что, если масон?

— Неприятные они люди! Двуличные какие-то. Взрослые дяденьки. А все играют в какие-то тайные общества, наряжаются. Пароли...

— Ну, мужчины — всегда мальчики. Почему бы не поиграть в масонов.

— Ох, Мария Степановна! Иногда такие игры заканчиваются очень плохо. И не только для окружающих, но и для тех, кто в них заигрывается.

— Наш Олег Павлович не из таких! При всех его закидонцах все равно чувствуется в нем какой-то стержень. Только он как-то не проявлен этот стержень.

— Станный он, неженатый, бездетный.

— Но он же был женат. Сам говорил.

— Может, нечем заняться по-настоящему. Вот и забавляется.

«И чего она взъелась на меня?» — думает Мировой. Но решает не уходить, не прятаться.

— Здравствуйте, девушки! К вам можно подсесть?

— Всегда пожалуйста! — улыбается Бобрин.

— Вот так всегда, — говорит Бархатова, отпивая маленькими глотками крепкий кофе. — Европейцы отблагодарили нас за освобождение от наполеоновского диктата тем, что заразили нашу молодежь масонскими идеями, которые едва не разрушили Россию.

— Это вы, милочка, о декабристах? — полувопросительно, полуутвердительно заметила Бобрин.

— А о ком же еще?!

— В первый раз такое слышу! — удивился, подхватывая разговор, Мировой.

— А что ж тут удивительного? У нас реальная версия истории каждый раз меняется с приходом новой власти. В советское время, когда превозносилось все революционное, никто и не рисковал утверждать, да и не принято это было, что события на Сенатской площади в тысяча восемьсот двадцать пятом году результат масонского заговора. Как и во Франции!

— Удивительный подход! — замечает слегка уязвленный таким заявлением Олег Павлович. — У нас, что не так пошло — во всем масоны виноваты. Но вы, наверное, все-таки знаете, что масонство в России постоянно подвергалось гонениям.

— Ну, почему же во всем? Во вступлении на престол династии Романовых они не виноваты. Их тогда еще не было. А вот к ликвидации Романовых они руку приложили.

— И в этом тоже! — Мировой сказал это резко и даже поставил свой стакан с коричневой колой со льдом так, что чуть не расплескал.

— Ну, это только потому, что ложи у нас возникли во времена Петра. Иначе и Романовых бы не было. Поговаривают, только поговаривают, что и сам Петр был посвящен в масоны. Но документов не сохранилось.

В эту минуту Мировой вспомнил Кронштадт, где он служил. Вспомнил старинное желто-белое здание, где находилось командование военно-морской базы. Дубовая дверь, возле которой с обеих сторон, как невиданные плоды, стояли две морские рогатые мины.

А самое главное, он вспомнил зал, в котором на мозаичном полу была выложена пентаграмма — знак того, что здесь действительно располагался штаб вольных каменщиков.

Да, действительно, там они и заседали. В Кронштадте.

— И соратники Петра Первого были, возможно, тоже братьями, — отвечает он. — Во всяком случае, при создании наш флот полностью был скопирован с западных образцов. А стало быть, и масонство могло прийти отсюда. И вообще, на флоте масонство, как говорят архивные данные, было очень даже развито. В разное время вольными каменщиками были шестьдесят два адмирала. Это не мешало им быть храбрыми флотоводцами и выдающимися командующими.

— Ой ли? Есть такая история, что когда эскадрой на Балтийском флоте командовал адмирал-масон Самуэл Грейг, он, воюя со шведами, повел себя предательски. Приказал во время стычки не стрелять по шведскому флоту. А когда его подчиненные нарушили приказ и дали залп, то наш адмирал направил шведскому свое письмо с извинениями. А, каково?! Вот что такое масонская солидарность. Оказывается, масонские клятвы выше воинского долга перед страной, — заканчивает Мария номер два.

Олег по-настоящему разозлился: «Да что эти тетки промывают мне мозги!? Сами-то они кто такие?»

* * *

Большая скученность в замкнутом пространстве все-таки сыграла с путешественниками злую шутку. Как ни боролись экипаж и пассажиры с бациллами и микробами, собранными со всего света, но те не сдались. И вскоре начались проблемы.

Олег Павлович в один прекрасный день чувствует, что его знобит и мутит. Немедленно вызванный корабельный доктор подтверждает, что он подхватил ротавирус, и выписывает таблетки. Мировому приходится временно «залечь» в своем роскошном сьоте. Марина остается «на попечении» двух Марий. И они, судя по всему, находят общий язык на почве любви к разного рода бутикам и вечерним

представлениям. А Мировому осталось только взяться за чтение найденной в начале круиза книжки. Из нее он узнал, что идея военных поселений, которую после Отечественной войны двенадцатого года Александр Первый начал продвигать в массы, возникла за много лет до этого в масонской среде.

«Он верил, что облагодетельствовал народ. Создал идеальные для жизни условия. Только одного не учел: люди — они люди и не могут жить, как дрессированный скот. Но никто ему не хотел перечить, сказать правду», — думал Олег, читая эту историю. — Так не раз бывало. С теми же коммунистами, которые тоже пытались воплотить в жизнь свою утопию. А какой вывод? Вывод простой! Если кто-либо когда-либо снова заявит, что он знает, как всех разом осчастливить, бейте его, бейте до смерти! И гоните! Потому что счастье у каждого человека свое! И каждый должен иметь свободу, чтобы это счастье строить так, как он считает нужным. А задача правителя проста — дать людям эту возможность. Иначе будет плохо».

Дальше он стал читать о попытке отмены крепостного права. Пока либеральный царь тешил себя тем, что пытался решить этот коренной вопрос с помощью писания проектов и создания комиссий, молодые, вольнолюбивые дворяне составили некое масонское общество «Союз благоденствия». Царю донесли, но император не хотел и не видел необходимости наказывать тех, кто думал с ним одинаково. Он сам готовил реформы.

Когда в тысяча восемьсот двадцать втором году император издал указ, запрещающий масонские общества, то в этом указе было требование, чтобы все братья дали расписку, сообщили о себе, в каком обществе они состояли, а также дали обещание отказать от этого. Эти расписки сохранились в архивах. И по ним нынешние историки судят, кто был масоном, а кто нет. Так что, изучив эти отказные листы, петербургские историки готовы однозначно сказать — да, подавляющее число декабристов были вольными каменщиками.

Кстати говоря, как и в любой масонской ложе, в «Союзе спасения» существовало несколько «степеней». Члены общества проходили строгие масонские ритуалы, давали клятвы. Обязаны были беспрекословно подчиняться «боярам» — так в уставе именовались члены руководящего ядра. Какова же была расстановка сил? Первое — существовало тайное масонское общество, которое хотело реформ в России. Далее — император Александр Первый, по прозвищу Благословенный, тоже хотел дать России конституцию и отменить крепостное право. Более того, в обществе существовало определенное, пусть и небольшое количество помещиков, которые готовы были освободить своих крестьян. По примеру литовцев они хотели обратиться к царю и попросить его о таком указе. Таким образом, к тысяча восемьсот двадцатому году имелись некоторые предпосылки для того, чтобы провести эту важнейшую в русской истории реформу. Было и общее понимание русского народа, что нынешнее положение дел далее нетерпимо...

Олег листает страницы...

Сначала царь согласился на создание общества помещиков по освобождению крестьян. А затем, когда граф Кочубей донес ему предложение богатейших помещиков о своем желании создать такое общество, отказался поддержать этих людей. Пошел на попятную. Заявил, что он не запрещает освобождать, но не видит нужды в том, чтобы это было общественным движением. Мол, пусть каждый сам по себе делает, что хочет. В таком деле без поддержки верховной власти в той атмосфере, конечно, никто не рискнул выступить по одиночке. Замысел пропал.

Точно такая же история произошла и с утверждением в тысяча восемьсот двадцатом году конституционного проекта. Царь уже был близок к утверждению конституции для России. А в двадцать первом — двадцать втором годах император отказался от своих планов. В России начиналась эпоха реакции. Страна погружалась во тьму. Тогда молодые офицеры, дворяне-братья поняли, что на императора

надежды нет. А стало быть, надо думать о дальнейшем существовании тайных, масонских обществ.

«Чем все это закончилось, знают теперь все, — думает Олег, откладывая книгу в сторону. — Закончилось восстанием декабристов... И разгромом масонства».

* * *

«И что я валяюсь? — думает Мировой. — Температура спала. Сопли не текут. Сидеть взаперти скучно. Пойду-ка я в бар. Там наверняка Давыдов». Олег оделся в спортивный костюм и по длинному корабельному коридору направился к лифту.

Действительно, в баре он Давыдова и застал.

Познакомились они неделю назад. Перед Олегом предстал грузный, с мешками под глазами, опухший от безделья и выпитого мужчина и светлый мальчишка лет двенадцати. Малец играл на автоматах, а Давыдов тянул через трубочку «коровую Мэри»: пил томатный сок с водкой. Давыдов оказался начальником полиции из южного города Таганрога. Мальчишка — его сын. Путешествуют они на пару, чтоб развеяться. Не так давно от Давыдова к другому ушла жена. Это и сблизило Олега с новым знакомым. Взгляды на женщин у них оказались похожими. Иногда они встречались в баре, от нечего делать выпивали, разговаривая про баб.

Сегодня Андрей Петрович Давыдов сидел один. Хлопчик его, как выяснилось, тоже приболел. Черно-белый улыбчивый малаец принес коктейль. Мировой потянул душистую смесь алкоголя, фруктов и еще хрен знает чего.

— С чего бы не начинались отношения, — выдал Мировому квинтэссенцию собственных размышлений на женскую тему Андрей Петрович: — со страстной платонической любви, умных разговоров или банального траха, заканчиваются они всегда одинаково...

— Постелью и пеленками... — резюмировал Олег.

— А вот и не угадал! — пьяно скривил губы Давыдов. — Кончатся они тем, что с вас потребуют деньги...

Мировой согласился с ним полностью и предложил очередной тост:

— За нас! За мужиков!

Но не успели допить, как на горизонте нарисовались Бархатова, Бобриня и Затейкина.

Бобриня была в ударе.

— Да, конечно, эксперименты с гипнозом, когда людей погружают в глубокий сон, уже много раз показывали, что люди вспоминают свои прежние жизни, — рассказывала она, величаво покачивая пепельно-седой головой и сверкая сверхровными зубами. — Одна моя подруга и ученица замужем за очень интересным человеком. Живут они в Центральной России. В городе... впрочем, какое это имеет значение? В своей отрасли он человек достаточно известный. Так вот, несколько лет назад у этого несомненно интересного мужчины стали появляться проблемы. Сны! Знаете, такие яркие! Более яркие, чем наяву. Как будто с ним что-то произошло. Какая-то непонятная жизнь. Вроде у него большая семья, в которой четверо сестер, отец, мать. И он будто проживает во сне чью-то несомненно трудную судьбу... Подруга, с которой он как муж иногда делился этими снами-воспоминаниями, как-то обратилась ко мне с вопросом, что это может быть? Мол, есть такая странная проблема... Ну, в общем и целом, как-то так получилось, что я к ним попала в гости. На несколько дней. Вот так же, как и мы сейчас, тоже сидели компанией и разговорились. И он выдал нам много чего интересного. Оказалось, что он сильно подозревает, что является реинкарнацией малолетнего царевича Алексея...

— Ну, и что это ему дало? — поинтересовалась Мировой. — Удачу? Деньги? Повысилась самооценка?

— Нет! Это дало ему понимание того, что он пришел в этот мир с определенной целью. Задачей, которую ему предстоит выполнить в своей такой непростой жизни.

— И какая же у него задача? — спросила Марина Затейкина, отпив глоток кофе и поморщившись от кофейной горечи, добавила в чашку кофе еще кусочек сахара.

— Ну, это он сам определит, — усмехнулась Бобринина. — Он очень интересный и сложный человек. И очень сильный!

— Да, любопытно вы излагаете! — усмехается Олег. — Вот вы, Мария Степановна, так легко определяете такие вещи. А сами-то вы кто? Гадалка? Ясновидящая? Ведь это же все фикция. Это ничем не подтверждается.

— Почему вы так считаете? Это целая наука. Я закончила курс Мюнхенского института парапсихологии.

— Да, бросьте вы? Это же не наука! — он хотел было добавить — лженаука, но дипломатично удержался. — Вы, может быть, и свою прошлую жизнь знаете?

— Почему может быть? Я знаю, что в прошлой жизни, а было это всего двести лет назад, я была баронессой де Крюденер. Писательницей. И ворожеей, прорицательницей. Встречалась со многими знатными и известными людьми той эпохи!

— Ну, вы даете! — машет рукой Мировой. — Может, вы и мне что-нибудь напридумываете? Возьмете или уже взяли данные в интернете? Потом с ученым видом посмотрите мою ладонь и напороचितе и дальнюю дорогу, и трефового короля? А? — Он с усмешкой обернулся к своей подруге: смотри, мол, как народ чудит!

Но Бобринина не обижается, а просто говорит:

— Хорошо! Давайте заключим пари. Я подготовлю историю вашей прежней жизни на основе тех данных, которые вы мне сообщите.

Увидев некоторое сопротивление на его лице, она торопливо добавляет:

— Я не буду спрашивать интимные подробности вашей жизни. Все будет пристойно. Идет? И вы поймете, что все это так просто.

— Идет! — пускаясь в эту авантюру, Мировой протягивает ей руку. — Спорим! Она крепко берет его ладонь в свою.

— Разбивайте!

Мария Бархатова полушутя, полусерьезно разбивает и, чтобы снять напряжение, зовет официанта:

— По такому случаю не грех и выпить!

— Ну, смотрите! — Бобринина аккуратно одевает очки, достает из объемной сумки лэп-топ и поясняет: — У меня забита программа. Поэтому в нее надо будет ввести кое-какие ваши личные данные.

Заметив удивленный взгляд Затейкиной, она добавляет:

— Нет, конечно, не компьютер будет считать! Это процесс сложный и не одного дня. Но первоначальный анализ того, кем вы были в прошлой жизни можно сделать и здесь. Итак, начнем!

Она включает лэп-топ. И на экране светятся квадратные карты, таблицы, заполненные цифрами, символами и знаками.

— Ну, так. Вводим для определения дату вашего рождения. Итак, двенадцатое декабря тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года... Читаем вниз по колонке. Находим цифру сто девяносто шесть. Затем смотрим по горизонтали. Это будет цифра семь... Теперь посмотрим, какова карта месяцев. Какой месяц. Какой его символ. Затем переходим к карте дня вашего рождения. В какой день это случилось?

Не прошло и десяти минут, как Бобринина уже принялась прикидывать, мужчиной или женщиной родился Мировой в прошлой жизни.

— А вот и ваш тип! — она набирает на компьютере таблицу номер четыре и читает описание, сделанное под знаком треугольника:

— Вы были искателем правды и мудрости. Вы могли бы предвидеть будущие жизни, ожидающие вас. Для окружающих вы идеалист... И все же вы были освещающим путь... Так, теперь ваши желания. Вы хотели путешествовать и исследовать землю.

Взглянув на полное скепсиса лицо Олега и вдохновенное лицо спутницы Мирового, она вздыхает:

— Вижу, что вы не верите. А зря! Впрочем, я хочу взглянуть еще и на то, кем вы были в прежней жизни.

Она быстро, как кошка лапками, постучала по клавиатуре и пробежала по строчкам таблицы номер пять. Над таблицей высветилась надпись: «Занятия в прежней жизни». Найдя нужную строку под кодом «С2», задумчиво произнесла:

— Как странно. Начинается с того, что вы могли быть правителем, атаманом, а заканчивается — наставник послушников в церкви. Никак не пойму смысла этого. Кто является наставником послушников — святой, что ли?

Она смотрит на Бархатову. Та пожимает плечами. Действительно, как, мол, это может совмещаться?

— Нам уже пора на ужин, — прерывает их диалог Затейкина.

— Знаете что, Олег Павлович, меня очень заинтриговал ваш гороскоп. И я обязательно сделаю его для вас. Сделаю не просто как обычно, но по всем научным методикам. Там будет ваша прошлая жизнь. И прогноз. Правда, это потребует времени. И мне понадобятся мои книги. А они у меня дома. Но я не забуду. Обязательно сделаю. И тогда, я думаю, вы убедитесь, что гадание и ясновидение — настоящие — не имеют ничего общего с мошенничеством и шарлатанством. Для меня, — Мария Степановна даже машет в воздухе пальцем, — это дело чести!.. Но это будет не быстро. И понадобится помощь одного духовного лица. Ламы!.. Так, Маша? — обратилась она к Бархатовой.

Та согласно кивает:

— Без просвещенного буддистского ламы никуда!

На том, как говорится, порешили и пошли ужинать.

Глава VI

Наутро Мировой проснулся от того, что перестал ощущать биение волны о корпус лайнера. Правда, легкая дрожь от работы двигателей чувствовалась. Марина Затейкина спит, отвернувшись к внутренней стене их съюта. Он решает посмотреть, что происходит снаружи. Соскальзывает с широченной двуспальной кровати и, отодвинув стеклянную дверь в стеклянной стене каюты, выскальзывает на просторный балкон. Усаживается в белое пластмассовое кресло и через деревянные поручни вглядывается в окрестности. Вспоминает обо всем, что происходило с ним в этом путешествии вокруг Европы.

Мысли текут, текут. О жизни. О себе.

Выезжал он окрыленный. Стал мастером. Был твердо уверен, что идет верной дорогой. А теперь на душе какая-то странная тревога и сомнения. Туда ли идет? Правильно ли поступил, давая те страшные клятвы?

«Да ну их, эти сомнения! — решает он. — Не надо ни о чем думать! Все и так прекрасно!»

Лайнер идет по реке. Встающее из-за холмов солнце ярко светит прямо на воду. Его лучи дают глубине желтовато-соломенный отблеск, это от того, что Тежу течет по глинистым местам.

Теплоход проходит под аркой гигантского моста. На левом берегу появляется

утренний город. Лиссабон. Финикийцы, римляне, вандалы, вестготы — кто только здесь не жил!

По правому борту — статуя Христа, распростершего руки в голубом небе. По левому — огромный каменный монумент в виде стилизованной каравеллы. На ее палубе те, кто осваивал новые миры. Пираты, конкистадоры, мореплаватели, географы, ученые, торговцы. А там, за памятником, площадь Империи и Дворец Правосудия. Дальше на живописных семи холмах — желтые крыши и игрушечные старинные квадраты кварталов...

Новая страна. Новый мир для наших путешественников. Это так интересно. Ты сидишь в кресле на палубе, а мир вращается вокруг тебя.

Когда-то этот город отправлял каравеллы на самый край света. Теперь дух авантюризма и предпринимательства умер. Были лиссабонцы воинами и мореходами, а стали слугами и экскурсоводами.

«Странно, — думает Олег, — но этот город напоминает старую шлюху. Понимает, что ей не стереть уже ветхости и не удержать уходящей красоты, за счет которой живет, и давно не зазывает клиентов. Они сами, зачарованные легендами, идут и едут сюда. И город принимает их абсолютно равнодушно. Плевать ему на них — приехали, уехали. Главное — чтобы заплатили...»

В этот момент стеклянная дверь отодвигается. Из нее выскальзывает закутанная в белый махровый халат фигура. Лицо ее заспано. Густые волосы растрепаны. Она оглядывает пейзаж, щурится близорукими глазами. А потом спрашивает:

— Когда мы пойдем завтракать?

— А что, уже пора? — отвечает Олег, заметив, что внизу, на набережной, которая заменяет пирс, уже суетятся рабочие. — Скоро будем высаживаться!

В Португалии у Мирового большая программа. Надо не только познакомиться с достопримечательностями, но и выполнить одно важное поручение Великого Мастера. «Эти документы нужны нам как воздух!» — говорил тот перед дорогой, шевеля черными «мулявинскими» усами, поглаживая рукой блестящие, как набриолиненные, черные волосы и заглядывая Олегу в глаз. — Они обеспечат ответственность русского масонства. Покажут всем, что мы не возникли из ниоткуда, а всегда были частью России. Даже в советские времена.»

Олег Павлович решает эту задачу для себя просто: «Сегодня покончу с тамплиерами. Разберусь, наконец, кто они нам. А завтра встречаюсь с держательницей архива!»

Пестрые толпы туристов устремляются от «Нью-Амстердама» в сторону каменной каравеллы, королевского дворца и дальше в город.

А Мировой с Мариной уже садятся в машину. У них курс на замок Томар. В нем нашли приют изгнанные из других стран тамплиеры.

Сидя на боковом сиденье, рядом с водителем, Олег Павлович зорко вглядывается в петляющую по холмам дорогу и думает о португальцах: «Вот водила. Поджарый. Смуглый, загорелый. Ястребиный профитль. Жилистые, мускулистые руки. Явный потомок морских разбойников и первооткрывателей... И что? До конца жизни будет возить туристов! Какая тошнотворная скука! Официант мечтает стать старшим официантом. Продавец — когда-нибудь открыть свой магазинчик... И это все? У нас как-то жизнь повеселее будет. Европа себя переживает...»

Ему почему-то вспоминаются десятки других городов, которые он посетил за эти годы. Потом Рим. Вечный город Рим. Теперь он не столица мира. А музей. В нем бродят ряженные под римских легионеров актеры. Яркие плащи, дутые доспехи. И декорации в виде руин Колизея, построенные за многие века до появления этих комедиантов. А все же, как приятен этот аромат угасания! Все уже свер-

внешно здесь. Все построено. В России под внешним успокоением, под сытым, нефтяным относительным благополучием еще горит огонь недовольства, еще хлюпает лава, собираются газы. А здесь зеленые лужайки...

В голове сама собою возникает цепочка ассоциаций. И слова «вулкан», «лава» автоматически вызывают у Мирowego воспоминания о посещении такого вулкана в Италии. Остров. Большой красочный остров. А на нем уходящий за белые облака черный, гигантский конус. Этна. Вокруг вулкана голубые лагуны, свежая зелень садов, красивые, словно игрушечные домики. Домашний, европейский, совсем не страшный вулкан. Тогда он побывал и в Помпеях. Была дикая жара. Он шел от публичного дома к гладиаторской школе и удивлялся тому, что только что видел. А видел он древний сортир с сохранившимися наместом, амфитеатр с каменными сиденьями, древнюю баню. Такую же, как и у нас. С полками и бассейном. Тогда он и понял, ощутил всеми фибрами души, что эти люди были ну точно такими по своей внутренней сущности, как и мы. «Если ничего не меняется, все идет по кругу?» — думал он тогда. — «Повторяется из поколения в поколение. Тогда зачем все это? Для чего?»

С того момента и начался для него мучительный процесс переосмысления, который, может быть, и привел его к вольным каменщикам. Какой-то смысл должен же быть. А иначе — родился, женился, нарожал детей, ел, пил, спал, сдох!

Жилистый португалец за рулем что-то залопотал на ломаном английском. И Олег увидел впереди какую-то серую каменную гору.

— Томар! Томар! — повторил потомок конквистадоров.

Они остановились у обочины дороги. И впереди на высоком, но пологом холме разглядели величественное сооружение — длинную, сложенную из светлого то ли гранита, то ли песчаника, стену, которая окружает сам замок.

Они оставляют машину на площадке и, обойдя высоченный бок каменной башни, идут к воротам. Расположение ворот в замок тамплиеров такое же, как и во всех подобных сооружениях, виденных им в разных местах. Укрепления все похожи. Высокие надвратные башни. Затем длинный узкий проход между стенами. Извилистые повороты. Узкие лестницы. Конечно, здесь имелся громадный Донжон — главная башня с флагом. Внутренний дворик перед ней простреливался насквозь. Но во дворе этом росли деревья. И стояли лавочки. На одной из них сидел в ожидании их, экскурсовод. Увидев туристов, он помахал рукой. Подошел. Представился:

— Пьетро!

Маленький черный человек лет тридцати пяти. С бритой головой. В джинсах и очках. На щеках трехдневная щетина. Расстегнутая рубашка, под которой поросшая курчавыми волосами грудь. На ней крест.

Затейкина, разглядев нового экскурсовода, тихонько шепчет Олегу:

— Ни черт, ни ангел!

Водитель с экскурсоводом, не обращая внимания на туристов, экспрессивно размахивая руками, о чем-то лопочут по-своему. Наконец, шофер удаляется, а экскурсовод переходит к делу. Говорит он по-русски. Быстро. Как будто строчит из пулемета. И двигается тоже быстро. Как бы рывками. Уже минут через сорок они успевают осмотреть и ротонду двенадцатого века, в которой тамплиеры проводили свои ритуалы, и узорное каменное окно с тамплиерским крестом, канатами, ракушками, водорослями. И фонтан с дельфинами. Все рассказывает о былом великолепии и мощи ордена. Вообще, замок поразил Олега контрастом. Мрачный снаружи и живой, роскошный внутри.

Оттарабанив, судя по всему, обязательную программу, Пьетро слегка «сдулся». Стал двигаться помедленней. И с ним можно было теперь поговорить. Чем Олег Павлович и воспользовался.

— Скажите, Пьетро, правда, что сюда и перебравшись тамплиеры, бежавшие из Франции?

— Да, да, сюда они и приехали!

— С пустыми руками?

— Нет, некоторые свидетельства говорят, что за три дня до того, как начались аресты тамплиеров, по Сене прошел флот, состоявший из галер. Это тамплиеры, похоже, вывозили свои сокровища. И шли они сюда. В Португалию.

— И что, их до сих пор не нашли? — спрашивает Затейкина. — Ведь тамплиеров сожгли и разогнали давным-давно.

— Есть одна очень правдоподобная версия. И она гласит, что на эти деньги были организованы экспедиции, которые совершили великие географические открытия. На эти деньги была открыта Америка...

— Ну, они загнули! — даже присвистнул Мировой. — Открытия были когда? Намного позднее...

На что Пьетро улыбнулся небритой физиономией:

— Вы что же думаете, если португальцы открыли Америку, то сразу начали всем об этом рассказывать? Чтоб туда устремились авантюристы со всего мира?! Нет, конечно! Они держали свои открытия в глубокой тайне больше ста лет. И только когда таиться стало уже невозможным — объявили о них. Так что сокровища сыграли свою роль. Впрочем, как и тамплиеры. А иначе как можно объяснить, что нищие португальские королевства нашли средства на организацию такого количества экспедиций? Ведь мы знаем только о тех, что закончились удачей. А сколько было еще и всяких других, о которых мы ничего не знаем? Видно, не зря на парусах каравелл были нашиты кресты ордена тамплиеров.

Они вышли во внутренний дворик крепости и оказались, как пояснил гид, в монастыре Иисуса Христа. Монастырь обычно потрясал туристов оригинальными очертаниями и безупречной красотой форм. Арочные каменные сооружения. Огромное количество света. Прохлада каменных залов. Высокие гулкие потолки. Внутренний двор, засаженный деревьями и цветами. И пустота.

— А вот здесь они и жили! — Пьетро выводит их в длинный, широченный каменный коридор-дортуар, в который выходят длинные ряды дверей. В этих кельях жили рыцари-тамплиеры и их оруженосцы.

— А когда тамплиеры исчезли, что здесь было?

— В последние годы двадцатого века тут была, как это определить, чтобы было понятно — духовное училище, духовная семинария, где готовили священников для португальских церквей.

— А теперь?

— А теперь поток иссяк, желающих стать священниками не стало. И семинарию благополучно закрыли. Молодежь не хочет становиться слугами божьими. Не хочет идти в монахи. Не модно это нынче.

— Из-за celibата? — спросила Марина.

— Частично! — ответил португалец. — В основном просто не верят. Не хотят ломать свою жизнь. Люди хотят развлечься, насладиться комфортом, а церковь требует служения. Вот храмы и пустеют.

— А зайти в келью можно? — спросила Марина.

— Да, мы можем зайти. Здесь все двери открыты.

Они открывают тяжелую, почерневшую и высохшую от времени дверь с кованой железной ручкой.

Небольшая комната с вымощенным камнем полом, белеными потолками и дверью в стене, ведущей в соседнюю келью.

— А это зачем? — удивляется Мировой.

— А это для того, чтобы братья могли общаться, совместно молиться.

Мировой слегка усмехается, вспоминая наставления, прочитанные им где-то в показаниях тамплиеров. В них один из старых рыцарей советовал молодому ни в коем случае не встречаться с женщинами. А если уж совсем будет невоготу, лучше лечь в кровать к другому брату, крепко прижаться к нему...

Заметив его усмешку, Пьетро добавляет:

— Совместная молитва лучше доходит к господу.

Мировой не спорит. Просто думает: «Обычные люди. Такие же, как мы. Жили. Страдали». Спрашивает:

— Тамплиеры исчезли, в конце была семинария, а до нее что здесь было?

— Монахи монастыря Иисуса Христа жили в этих кельях.

— Есть какие-то легенды, мифы и не до конца понятные организации. Вы слышали что-нибудь о Приорате Сиона? Якобы они наследники ордена.

— Ну, не только из романа такого писателя как Дэн Браун, — печально заметил Пьетро. — Пишут, что оставшиеся после разгрома рыцари-тамплиеры создали такую организацию, как Приорат Сиона. И будто бы она, эта организация, хранит великую тайну о том, что Иисус Христос был женат на Марии Магдалине. И у него были дети, которые должны были править миром. И якобы династия Мирвингов — это и есть потомки Христа.

— Но можно ли этому верить? И как это может быть? — спрашивает Затейкина. — Одни слова. Организация ведь тайная. Доказательств нет.

— Я читал где-то, что это фальсификация одного современного ловкача. Якобы он все это выдумал в пятидесятых годах прошлого века, — откликается Олег.

— А мasons? — спрашивает Марина. — Они имеют отношение к рыцарям?

В ответ Пьетро только смеется, показывая крепкие зубы. А потом переводит разговор в другое русло:

— Возможно, Приорат Сиона и выдумка. А вот Евангелия, которые были найдены в конце девятнадцатого века и в тысяча девятьсот сорок шестом году двадцатого века — это правда.

— Какие Евангелия?

— От апостола Филиппа, — добавляет гид. — И Евангелие от Марии Магдалены. Есть такие. Они не вошли в канон. Остались апокрифами. Но в них есть интересные вещи. О любви Христа к Марии.

Они еще долго любовались шедеврами португальской архитектуры, воплотившимися во всех достижениях искусства эпохи Мануэлино. Заглянули в небольшой романский храм, напоминающий о Гробе Господнем в Иерусалиме. Прошлись по крытой галерее короля Филиппа Второго Кастильского. Даже посидели в расставленных вдоль стен в храме деревянных креслах с высоченными спинками, где восседали во время торжественных богослужений рыцари-тамплиеры. «Значит, правы критики, — думал Олег Павлович, возвращаясь обратно. — Никакие мы не наследники ордена. Зачем же тогда сочинять, врать?»

Глава VII

«Черт меня дернул согласиться на эту авантюру, — недоумевал Олег, осторожно спускаясь по каменным ступенькам все ниже и ниже. — И как ловко они меня подтолкнули на это!»

А во врытой в землю башне, с каждой пройденной ступенькой становится все темнее и темнее. Когда он вышел из кондиционируемого салона машины и вдохнул воздух, ему показалось, будто две кипящие струйки осторожно прокрались в ноздри. В лицо ударило невидимое пламя. И появилось такое ощущение, будто он в фокусе гигантской линзы.

Он быстро-быстро прошел по горячим камням. И зашел в сад усадьбы. Тут было

полегче. «Не зря в этих местах летом жили португальские короли и знать, — думает он. — Понимали, что от палящего солнца можно укрыться только в одном месте. Направиться поближе к нему. В горы».

В Синтра ди Ригалейро он приехал, что называется, по звонку. Вчера созвонился с той самой правнучкой масона, которая должна передать ему архив логи. Точнее, позвонила она сама. И произнесла пароль. Слова, якобы произнесенные самим Соломоном: «Ужели не будет помощи сыну вдовы?» А затем старушечий голос поздоровался с ним:

— Здравствуйте, Олег Павлович! Вас беспокоит баронесса Розенгольд. Внучка господина Гальперна.

Мировой был тоже по-европейски вежлив.

Старушка предложила встретиться здесь, в Синтре, в усадьбе Ригалейро. Он согласился. Когда подъехал к условленному месту, снова раздался звонок. И бабушка объяснила, как ему попасть к ней на свидание — через вырытую в землю башню.

Он сегодня один. Его спутницы — все трое — отправились смотреть дворец Пена, что значит в переводе «дворец печали». Пришлось идти искать вход. Нашел его среди камней, стал спускаться вниз. Но по мере спуска ему становится все хуже и хуже. С чем это связано — он знает. Клаустрофобия. Боязнь замкнутого пространства. Стала она проявляться еще на флотской службе. По молодости лет и репортерской лихости захотел поучаствовать в учебном выходе из «затонувшей подводной лодки». Одел на голову шлем. Гидрокостюм. И смело полез в торпедный аппарат. Но, оказавшись в узкой металлической трубе, неожиданно запааниковал. А когда пустили воду, сердце заколотилось так, будто могло взорваться в груди. Он забился. Закричал. Потерял сознание. И теперь вот эта труба, уходящая все ниже и ниже под землю. Чувство животного ужаса начинает сжимать сердце и душу. Хочется немедленно прекратить спуск и бежать наружу. Но он берет себя в руки и шепчет: «Тут прошли миллионы обычных людей. Неужели я не смогу?! Что тогда подумает бабуся?»

Молча шагает по узеньким, спирально извороченным ступенькам. Главное — не дотрагиваться до поросших мхом стен. И считать: «Раз-два-три, четыре, пять...» И так пятнадцать ступеней вниз. Он знает, что таких пролетов девять. Это как у Данте. Видимо, оттуда и взято. Девять пролетов. Девять кругов ада. Ниже. Еще ниже. Чем глубже он спускается, тем тягостнее, сумрачнее становится у него на душе: «Вот еще один пролет. Кажется, седьмой. Боже, куда я попал! В какую историю? И зачем мне это надо?!»

Олег останавливается. Смотрит вверх. Где-то там, далеко-далеко вверх, светит круглый кусочек голубого неба, обрамленный серыми стенами колодца. «Старая ведьма! Устроила испытание!..» Ему становится немного легче, когда он видит на стене масонский знак — треугольник в сиянии лучей. А в нем — глаз. Это символ Великого Архитектора Вселенной... Еще несколько шагов, и он на дне. Под ногами мраморный пол колодца. А этот мраморный пол украшен крестом в небесной сфере, окруженной пятиконечными звездами. Это знак ордена Христа. Его путают с крестом ордена тамплиеров. Но Мировой знает, что когда тамплиеры укрылись в Португалии, король, чтобы не раздражать государей соседних стран, реформировал орден. Они просто стали называть себя монахами ордена Христа. И слегка изменили свой символ — тамплиерский крест. А все остальное осталось у них прежним. Жизнь, быт, обряды.

Ну вот, можно выдохнуть. Несколько входов в пещеры. Какой выбрать?

Олегу теперь уже легче. Он уже понял смысл этих хитросплетений тропинок, деревьев, кустарников, символов. Речь идет об условном, как все у масонов, поиске пути. Вот и сейчас он должен найти тот вход в пещеру, который выведет его к

воде. В некоторых пещерах имеется подсветка. А она уж точно облегчает его задачу. И выведет к нужному месту.

Олег ступает туда, где тянется такая тонкая, как шнур, световая полоска. Двигается. Но контуры пещеры сужаются. А в голове у Мирового сгущается мрак. Он снова шагает вперед. И... натывается на тупик. Пещера заканчивается каменной стеной.

Обогащенный таким опытом, Олег Павлович идет ко второму входу. На выходе оказывается где-то в лесу. Только третий заход ведет его в нужную сторону. Он оказывается под нависшим берегом у озера. Выходит и выдыхает: «Ну, слава Богу!» Как учили, левой ногой ступает на первый плоский, чуть возвышающийся сейчас над гладкой прозрачной водой камень. В озере полно водорослей и крупных разноцветных рыб. С камня на камень — и он на берегу.

Выходит на поляну. Здесь стоит огромный каменный стол, испещренный мистическими знаками. Судя по всему, он служил алтарем, жертвенником. За столом огромная, тоже каменная скамья. На скамье сидят двое. Маленькая, чистенько и прилично одетая, иссохшаяся старушка в шляпке. Рядом с нею одетый в шорты и майку худой мужчина с длинным вытянутым лицом и черными, щеткой, бровями. Увидев выходящего «из вод» Олега, они дружно встают и приветствуют его.

Мировой протягивает им руки и хочет ограничиться рукопожатием. Но и бабуля и ее спутник совершают еще и братское лобызание — троекратный перекрестный поцелуй, знак взаимного доверия и желания прийти на помощь.

Мировой представляется. Они тоже. Мужчину зовут брат Джужепе. В быстром, коротком разговоре тут же на скамеечке, наконец, выясняется, что бабушка — родственница масона.

Плавно течет рассказ на русском с небольшим акцентом:

— Видите ли, молодой человек, мой дедушка Александр Гальперн был видным масоном еще до революции семнадцатого года. Он являлся членом Петербургской ложи «Астрея». И очень активно участвовал во всех событиях. Во время гражданской войны он покинул Петербург и осел после долгих странствий в Париже, где также активно участвовал в создании русских масонских лож. Можно сказать, он был последним русским масоном до того момента, когда в начале шестидесяти годов прошлого века по причине кончины всех оставшихся в русском до-революционном масонстве братьев, была закрыта последняя ложа. Но после дедушки остались архивы. И еще какие-то документы.

Внучка известного российского масона сообщает Мировому, что имеет возможность передать российским наследникам архивы, а также различные символические предметы — оригинальный молоток мастера, фартук, перчатки, ордена.

— Давайте посмотрим, что у вас есть, — сказал Олег. — Конечно, я не могу сейчас забрать с собой весь архив. Я ведь ограничен местом и багажом. Я думаю, мы решим проблему в ближайшее время.

Вместе они направляются к месту, где хранятся архивы ложи. Небольшой красный автомобильчик катит по узким улочкам Лиссабона. Вверх. Вниз. Олег смотрит в окошко и сразу чувствует разницу в уровне жизни у европейцев. Если в Париже видно сытое благополучие, то в Лиссабоне полно нищих и разного рода, как он их называет, «музыкантов». Это когда люди побираются, делая вид, что заняты искусством. Кругом неубранный мусор. Обшарпанные фасады каменных домов. На стоянках полно старых авто.

Автомобиль притыкается на стояночку перед Французской церковью. И пока Мировой оглядывает этот вовсе не туристический район, итальянец вызывает кого-то.

Олег прячется в тени одинокого ветвистого дерева и звонит Марине.

— Ты где?

— Да мы тут зашли в один магазинчик сувенирный, — отвечает она. — Выбираем...

— И что там есть? — для приличия интересуется он.

— Да тут есть прикольные вещицы. Формочки для замораживания льда в виде фаллосов. Вроде и не секс-шоп... а вот пепельница в виде женских гениталий...

Олег Павлович все понимает. Сытая, размеренная и тоскливая европейская жизнь требует, чтобы люди хоть чем-то развлекались в этом мире, где годами ничего не происходит. Понимает он и то, что его боевая подруга свято выполняет заповеди туриста, которые он когда-то сформулировал в шутливой форме. Первая из этих заповедей гласит: турист должен постоянно покупать и потреблять всякие сувениры, еду и напитки, тем самым способствуя росту благосостояния хозяев. Вторая — турист должен постоянно восхищаться красотами и достопримечательностями. Третья, хотя, может, она и первая — турист должен быть вынослив, бодр и платежеспособен. И четвертая на прикуску: турист должен стойко переносить все тяготы и лишения поездки, не жаловаться на живот и вовремя принимать таблетки.

Наконец, в дверном проеме храма появляется какой-то человек. Он машет Джузеппе рукой. Они вдвоем заходят в притвор. Ребята обмениваются масонским рукопожатием. Невысокий, полный, как бочонок, лысый человечек проводит их через пустынный зал. Немного по ступенькам вниз, и они оказываются перед закрытой незаметной дверью. Сопровождающий погремел, позвонел ключами. Открыл. Это складик, где стоят ненужные, старые распятия, какие-то, видимо, богослужебные сосуды, упакованные вещи, подношения храму. Зажигают свет. Джузеппе указывает Мировому на несколько картонных коробок, стоящих в углу.

— Вот архив и артефакты ложи! — торжественно заявляет бабушка.

Мировой подходит. Все коробки, а их семь, плотно упакованы и перевязаны бечевкой. Елизавета Петровна аккуратно платочком смахивает пыль с одной из них. Развязывает тесьму, достает порыжевшую кожаную папку с тисненными на коже масонскими знаками — наугольником и отвесом.

— Здесь хранится самое важное, о чем говорил мой дедушка. Это завещание. Я отдаю его вам! Чтобы оно дошло до русских братьев. Обещайте мне сделать это, — возвышенно произносит старушка.

— Обязательно! — тронутый торжественностью и символичностью момента, Мировой берет тяжеленную папку в руки. На коже сверху видна тисненная надпись на латыни: «Audi. Vici. Tace.» (Услышь. Узри. Молчи.)

Отпраздновать передачу архива решили в Эшториле.

Олег пригласил своих визави на обед во дворец Пассос, превращенный в отель. Ему подсказали, что там очень даже приличная кухня. Действительно, небольшой ресторан впечатляет. В первую очередь интерьером. Высоченные потолки. Белый мрамор пола. Деревянные дорогие панели на стенах. Портреты королей. Серебряные приборы на белоснежных скатертях. Люстры, светильники. Накрахмаленные салфетки. Дорого. Солидно. А главное — комфортно.

Принесли хлеб с маслом. Легкое «Кьянти». Разговор оживился в ожидании заказа. Сначала выпили за наших братьев во всем мире. Потом конкретно за Елизавету Петровну, сохранившую архив. Торжественные, старые седые официанты принесли салат.

Олег Павлович, прежде чем говорить свой очередной тост, долго рассматривает на свет лампы прекрасное алое «Кьянти» в бокале. Наконец, поднимает бокал за тонкую ножку. И произносит:

— Все мы знаем, что при посвящении в высший градус — тридцать третью степень Рыцарь Кадош — испытываемый выпивает из черепа красное вино, которое превращается в яд для него, если он солжет в чем-то. Я, конечно, еще не достиг такого высокого посвящения, но хотел бы сегодня в такой торжественный день, когда, можно сказать, в Россию будет возвращен архив нашей старейшей ложи «Астрея», хотел бы выпить с вами это прекрасное вино и произнести лозунг этой высшей степени: «Vincere aut mori!» (Победить или умереть!) — И Олег, чокнувшись, по-русски выпивает бокал до дна.

Его собеседники отпивают по глотку. И торжественный обед идет своим чередом...

* * *

Джузеппе быстро говорит и говорит на итальянском, иногда вставляя русские слова и фразы. Слегка раскрасневшаяся Елизавета Петровна едва успевает переводить. Его страстная речь касается истории с итальянской ложей «Пропаганда-2»:

— Ложа, которая существовала до восьмидесятых годов двадцатого века, никак не может быть примером или образцом для масонов всего мира. Здесь вся проблема в личности самого Личо Джелли. Он просто был таким человеком, который плел заговоры, хотел власти. И пытался установить свою личную диктатуру. В этом причина краха ложи. В его безмерном самолюбии, жажде власти. Конечно, эта история тогда страшно отразилась на нашем движении.

Елизавета Петровна неожиданно останавливает его:

— Конечно, Личо Джелли — особая личность в истории масонства. Но другие, как они пошли на это? Вспомни, Джузеппе, в ложе у Джелли была вся элита Италии?

Возразила и остановилась взглядом на Олеге. Поняла, что он не понимает, о чем идет речь. И принялась рассказывать, разъяснять ему:

— Вы должны эту историю знать, чтобы не впасть в искушение. Дело было так, молодой человек и наш брат. Как-то в восьмидесятых итальянская полиция произвела обыск в кабинете одного крупного масона, нашего брата. Его звали Личо Джелли. Полиция не имела никаких претензий к самому Джелли. Она искала бумаги его друга — банкира. Тот был замешан в финансовых махинациях, из-за которых обанкротился принадлежавший ему банк. Документов банкира полицейские не нашли. Зато нашли какие-то списки людей с именами и фамилиями, а также с суммами денежных взносов. Полицейские забрали эти документы, не придавая им никакого значения. Передали их начальству. А начальство не будь дураками, так как в списках значились важные люди, направило их напрямую к премьер-министру. Тогда премьером, кажется, был Фарлани? — бабушка обратилась к Джузеппе на итальянском. Тот недовольно шмыгнул носом, отпил из бокала Кьянти. И утвердительно кивнул:

— Си!

— Когда Форлани с документами ознакомился, то пришел в ужас. Это были списки тайной масонской ложи «П-2». А в этих списках кого только не было! Три министра его правительства. Советник президента Италии. Десятки парламентариев. Все руководители секретных служб. Генеральный прокурор Италии. Судьи. Начальник «финансовой гвардии». Кроме того, там числились крупные банкиры, промышленники. Сотни чиновников из разных министерств. Но особенно много было военных. Начальник генерального штаба итальянских военно-морских сил, заместитель главнокомандующего военно-морскими силами НАТО в Южной Европе. Всего около двухсот человек. Только один был в чине капитана. Остальные полковники, генералы, адмиралы...

Мировой с большим интересом слушает этот рассказ о недавней итальянской истории и потихоньку потягивает аперитив. Холеные, важные официанты неторопливо с шиком подают горячее.

— Сама ложа была организована наподобие штаба для управления страной. Разбита на семнадцать секторов. Семнадцать или восемнадцать? — Елизавета Петровна переспросила Джузеппе на итальянском.

— Мама мия! — сердито воскликнул тот. — Сколько лет прошло! Как вы все помните?!

— Что ж не помнить, если мой отец был членом это ложи. И рассказал мне все Джузеппе уважительно замолк.

— В ложе были не только итальянцы. Крупные люди из Аргентины, Бразилии, Либерии. Всего она насчитывала около трех тысяч членов...

В разговор снова врывается Джузеппе:

— В общем, премьер-министр Форлани все-таки решился. И передал эти списки в прессу. Что тут началось! Оказалось, что ложа управлялась из Соединенных Штатов Америки. И вся ее деятельность планировалась ЦРУ.

— Вот как? — удивляется Олег.

— Джелли через членов ложи из спецслужб формировал отряды террористов, так называемые «красные бригады». Они получали оружие из Франции с баз НАТО.

— Их привозили французские «храмовники», масонское отделение, сформированное из членов французских секретных служб, — уточняет бабушку итальянец.

— В Италии начался террор. Убийства военных, пограничников, политиков, журналистов.

— Но зачем? — искренне недоумевает Олег Павлович. — Ведь это же грязная политика?!

— Этим Джелли и ЦРУ хотели скомпрометировать коммунистов, которые были очень сильны в стране.

— Деньги на все эти операции брали у банкиров. И в результате в банке Амброзиано у близкого к Джелли банкира Кальви образовалась огромная дыра в бюджете. Он поехал в Лондон, чтобы там договориться о кредите. Через несколько дней его нашли повешенным под лондонским мостом.

— А его секретаря выкинули из окна небоскреба в Милане...

К концу обеда официанты подали десерт — нечто невообразимое из фруктов и сладостей. А к нему такую коробочку-шкатулку со счетом. Мировой оплатил счет. И, прикинув обстановку, положил в ящичек еще одну красную бумажку номиналом в пятьдесят евро. На чай!

Глава VIII

Рейс из Барселоны прилетел в Пулково почти по расписанию. Опоздал ненадолго. Всего на пару часов. Но их все равно никто не встречает. Ни его. Ни ее. Так надо. Уезжали поодиночке, чтобы никто не засек. И вернуться по домам должны так же. Со своими спутниками и спутницами по путешествию они простились еще вчера. На корабле.

Они сидят в зале аэропортового ресторанчика. Коротают время в ожидании машин. Он вызвонил своего водителя. Она поедет со своим. А пока пьют напитки. Она — кофе. Он — чай. «Была без радости любовь — разлука будет без печали», — повторяет Олег про себя невесть откуда взявшуюся присказку. Марина все так же холодна, спокойна. И молчалива. Разговор не клеится, несмотря на все попытки Олега лгать о своих чувствах. И вдруг она неожиданно для него говорит:

— Я недавно рассталась с одним человеком. А начиналось у нас с ним все странно. Познакомились. И он привязался ко мне, как банный лист... И ходил, ходил. Достал! Взял измором. И с того раза пошло-поехало. Мы не могли оторваться друг от друга восемь лет...

«Ах, вот оно что!» — наконец, понимает Мировой. — Она извиняется передо мной, что использовала меня, как лекарство от него... Горькое же получилось лечение от депрессии. Особенно для меня».

Ему становится обидно. Жжет душу самолюбие. Ведь он приглашал ее в поездку, хотел чего-то добиться. Покорить ее. Пробудить что-то в этой самовлюбленной душе. А она, оказывается, играла с ним!

Он понимает, что поезд ушел. Но борьба самолюбий не закончена. И кидает на кон последний козырь.

— Слушай! Выходи за меня!

Но судя по всему, и эта перспектива не согревает ее холодную уставшую душу. Она, как истинная женщина, не говорит ни да, ни нет. Ускользает. Переводит разговор на другое:

— О, кажется, дочка звонила. Надо ответить! — И принимается писать что-то на экране смартфона.

А он сидит, как...

И только когда она прошептала: «Спасибо за все!», чмокнула его в щеку и пошла на выход, он понял — все закончилось.

И — странно — обрадовался этому: «Господи, хорошо, что пронесло! А то мои игры в благородного рыцаря довели бы меня до цугундера. И что бы я с ней делал, выйди она за меня?»

На пороге ресторана появился водитель — верный Андрюха.

Что ж, жизнь возвращается в прежнее привычное русло.

ЧАСТЬ II

Глава I

Прошло то время, когда отпочковавшийся от умирающего красного гиганта — третьего уицраора России, желто-голубой жругрит с завистью взирал на своего трехцветного собрата. А тот капля за каплей выпивал кровь своего отца.

Продолжалось это недолго. Потому что Стэбинг торопил его и требовал действия. И «жовто-блакитный», приподнявшись на своих, еще слабых щупальцах, медленно отполз в сторону удела, отведенного ему игвами. Там он начал оправляться от родовой травмы. Набирать силы. Напитываться ненавистью к брату.

А четвертому плохо. На него навалились со всех сторон игвы и раруги. Рвут его острыми зубами. Бьют, не давая подняться и выступить на защиту русского сверхнарода. Вяжут тяжкими путами...

Но и судьба двухцветного не усеяна розами. Его задача сложна. Ему предстоит стереть из памяти попавших под его власть людей тысячу лет истории. Лишить их своего языка. В конце концов, убедить их в том, что они не часть русского сверхнарода, а отдельная нация. И как венец деятельности — натравить русских на русских. И тогда гаввах потечет к Гаггунгру рекою. Но как сделать это? Путь длинен. Сложен. Народ консервативен. У него нет своей истории. Нет героев. С языка надо начинать. С переименования. Стереть слово Малороссия и назвать этот кусок земли по-другому. Пусть будет просто. Окраина. Или Украина.

Первый шаг сделан. За ним будут следующие. Они все еще вспоминают: «Украина — це Россия!» Надо бросить новый лозунг, чтобы отделить эту часть его

удела от прошлого: «Украина — не Россия!» И жругрит подбирает ее: «Украина — це Европа!»

Народы живут мифами. Значит, надо запустить в оборот такой миф, который будет рассказывать о былом величии, славе и свершениях. Даже если все в нем придумано от начала до конца. Только миф может сделать из предателя борца. Из убийцы — благодетеля. Из разбойника — героя.

В длинной истории народа много разных людей. Героев и подонков, великих и ничтожных, красивых и безобразных. Надо выбрать из них тех, которые нужны уцраору — Укропу. Воздвигнуть их на пьедестал. Заставить народ изучать их деяния. Поклоняться им. Для этого Укроп должен освободить, добыть из сакуал (подземных узилиц) души предателей, убийц, клятвопреступников и вывести их на свет.

Вылезают из нор и щелей еще живые, но полные ненависти и злобы убийцы и мерзавцы. Берут в руки факелы и плакаты и идут по городам и весям, вещая «новую правду» о своих отцах и дедах.

Трудно преодолевать сопротивление взрослых, поживших людей. Они знают настоящую историю. Поэтому Укроп берется за сознание тех, чей разум чист. В них надо заложить новую программу. Программу ненависти. Чтобы в нужный момент миллионы новых Каинов принялись по команде убивать своих братьев.

Мраком окутается Украина. Мраком и страхом. Наливается шаввой Укроп. Опутывает щупальцами сердца людей.

Радуетса своему успеху Стэббинг. Полон он великих надежд на Укропа. Теперь, когда обесмысленный игвами и раругами, связанный по рукам и ногам, лежит на земле уцраор великодержавия России, можно отдохнуть и спокойно потреблять гаввах.

Есть, конечно, еще на этой земле высокие, светлые души — монады. Но их участь предрешена. Они будут уничтожены и опущены в самые нижние слои Энрофа.

О, как приятно Гагтунгру пить новый гаввах, который они будут излучать! А его будет много. Столько, сколько не было даже в то время, когда Стэббинг по его приказу убил сразу миллионы людей...

Глава II

Петербург — это единственный по-настоящему европейский город России. В своей центральной части он неуловимо похож на столицы великих империй — Париж, Лондон и, конечно, Вену. Но есть и отличия. Дворцы наших богатеев — Юсуповых, Строгановых, Воронцовых — по-азиатски роскошны и по-европейски комфортны. За годы советской власти Петербург обветшал. Коммунисты все отняли и поделили так, что роскошные квартиры превратились в коммунальные клоповники. При «новых» властях город «припудрили» и слегка «намарафетили». Но он так и остался великим городом с областной судьбой. Пасынком у матери-Москвы. Снаружи парадный, а внутри запущенный и не слишком чистый.

Дом, в котором обитает Олег Мировой, в самом центре. На набережной Мойки. Дом серый. Высокий. Внизу речка. Напротив — через канал — музей-квартира Пушкина. Рядом с ней гостиница «Пушка ИНН». И ресторан «Ять».

В соседнем здании, таком же каменном и сером, расположилось японское консульство, возле которого примостилась будка полицейского.

Стоит перейти мост, нависший над каналом — площадь перед Зимним дворцом. Левее виден и желто-белый фасад здания бывшего генерального штаба русских войск. Этот серый дом точно соответствует английскому представлению о жилище — «мой дом — моя крепость». Построен он с внутренним двором, в кото-

рый ведет сквозной проезд, закрытый черными металлическими воротами. ЕСТЬ и парадная деревянная дверь с выходом на гранитную набережную. По бокам от двери — чаши с яркими, особенно на этом сером фоне, цветами. Чужие тут не ходят. Для чужих — кодовый замок. И домофон. Жизнь в доме, несмотря на то, что он в самом центре, размеренная. Буржуазная.

Пятикомнатная квартира, доставшаяся Олегу от бабушки, отделана во вновь ставшим модным дворцовом стиле. Обитые деревянными панелями стены. Хрустальные люстры. Картины. Солидные шкафы-витрины. И это не потому, что хозяину этот стиль нравится. Все эти диваны, ковры — завезены еще бабушкой. А он решил просто ничего не менять.

В квартире по-холостацки пусто и холодно. Нет безделушек, пуфиков, игрушек и прочего антуража, который выдает присутствие женщин. Все вещи строго на своих местах.

От бабушки досталась в наследство и домработница Катерина. Попала она сюда молодой. А теперь состарилась, растолстела, стала совсем бестолковой и вдобавок ко всему еще и глухой.

Мировой, однако, не стал ничего менять. Только купил ей слуховой аппарат.

Собственно, толстая, бестолковая Катерина и ведет все его нехитрое хозяйство. Убирает квартиру. Стирает его рубашки. Меняет белье. Иногда что-нибудь готовит. Но Мировой ее готовку не любит. Варит и жарит она мясо до «тряпичного состояния» и без изысков. Но он не нанимает никого больше. Нынешняя «обслуга» — слово, оставшееся с советских времен, слишком, по его мнению, «шустрая». И с нею придется вступать в какие-то отношения. А ему этого абсолютно не нужно. Так что безмолвная, простая Катерина устраивает его на все сто.

Сегодня она должна прийти часам к одиннадцати. И Мировой сам себе варит кофе. Едкий запах напитка плывет по кухне. Олег, уже одетый, сидит в кресле у окошка и ждет катер, который отвезет его на работу. Но катер запаздывает, и Мировой снова и снова выглядывает в окошко. Там, на водной глади канала, «паркуется» плоскодонный буксир. На его палубе суетятся работники в жилетах и оранжевых касках. Они натягивают поперек Мойки длинную полосатую ленту. Потом стоящий на соседней барже кран начинает ковшом соскребать со дна канала грязь и мусор. С грохотом вываливает все в причаленную к стенке грузовую посудину.

«Принесла вас нелегкая!» — думает Олег. И понимает, что сегодня ему придется добираться до работы не по просторам Невы и каналам, а через центр и бесконечные пробки на машине.

И точно. Раздается звонок. Вадик, капитан, рулевой и матрос одновременно, извиняясь, сообщает, что не может пройти: «Везде коммунальщики чистят русла!»

Мировой звонит водителю Андрею Паршунову. Через пятнадцать минут спускается вниз во двор-колодец и ныряет в белое, кожаное нутро «Ягуара».

От Андрюхи за рулем дико пахнет табачищем. В машине курить строжайше запрещено. Поэтому он старается «наркоманить» перед выездом.

Мировой спокойно относится к его слабостям. Тем более, что Андрюха работает с ним с того самого момента, как Олег Павлович впервые получил в свое распоряжение от бабушки вишневые «Жигули» с водителем в придачу.

Железные ворота с электрическим приводом послушно раскрываются. Черный тюнингованный «Ягуар» выскальзывает со двора на набережную. Проскакивает по Миллионной улице. Втыкается в пробку перед Троицким мостом. Затем они проползают по мосту, оставляя слева Заячий остров с неповторимым силуэтом Петропавловской крепости.

Андрей, увидев в навигаторе, что на Каменноостровском проспекте пробка, сворачивает направо на Петровскую набережную. Головной офис компании Ми-

рового располагается на территории бывшего завода газового оборудования. Выкупил он его, когда предприятие банкротили. Затем капитально отремонтировал. Пристроил к бывшей конторе бассейн с залом для фитнеса. И зажил, что называется, красивой жизнью...

Наконец, они въезжают в кованые ворота. Останавливаются у стеклянных дверей. На входе охранник в черном костюме. Из бывших военных. Мировой здоровается с ним за руку и проходит к себе наверх, где и располагается управляющая компания. В ней всего несколько человек. Два экономиста. Начальник службы безопасности. Юрист. Помощники. Секретарь. Вполне дееспособный коллектив, готовый реализовать его волю.

Сегодня у Олега Павловича не особенно напряженный день. Поэтому он решает посвятить его разбору архива, доставленного из Португалии.

Начальник службы безопасности — широкий мужчина с грубым громовым голосом и тяжелой походкой вносит картонные коробки. Ставит их прямо на полированный стол для совещаний. Олег Павлович развязывает почтовый шпагат с болтающейся сбоку печатью. Потом с треском отдирает липкую ленту. В голову при этом почему-то лезет глупая мысль: «Не открываю ли я очередной «ящик Пандоры»?

Первой на свет появляется та самая кожаная папка, которую ему торжественно вручили в Лиссабоне. Он открывает ее и начинает перебирать пожелтевшие от времени, сухие хрупкие листы бумаги. Перед ним предстают протоколы заседаний дореволюционной «Астреи», списки участников, суммы пожертвований, какие-то фото, на которых представительные мужчины в фартуках и белых перчатках.

«Карнавал какой-то!» — думает он, разглядывая фото разряженных старичков, исполняющих обряд посвящения в тридцать второй градус. Он впервые думает о масонах вот так — без привычного пиетета, и даже сам удивляется таким своим мыслям.

Ниже лежит большая фотография какого-то масона в полной униформе.

На обратной стороне фотографии Олег Павлович обнаруживает подпись: «Александр Леонидович Гальперн. Одна тысяча девятьсот шестнадцатый год от Рождества Христова».

Мировой берет смартфон. Набирает фамилию, имя, отчество. Через секунду появились данные на... Александра Яковлевича Гальперна.

«Может, ошибка, — думает он, читая справку. — Гальперн — активный участник масонских лож начала двадцатого века, а впоследствии, в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году, даже секретарь Верховного Совета... Нет, это не тот. И на фотографии, похоже, не он. А дай-ка я позвоню этой всезнайке Марии Бархатовой! Раз уж она пишет о масонах, то должна знать!»

Бархатова отвечает сразу, как будто ждала его звонка.

— Здравствуйте, товарищ Бархатова! — Мировому нравится такая вот форма обращения. Есть в ней что-то прочное, надежное, отличное от наших зыбких времен.

— Здравствуйте, брат! — в тон ему с тонким намеком на толстые обстоятельства отвечает Бархатова.

Они перекидываются парой фраз о впечатлениях от поездки, о вечной петербургской погоде. А потом он просто говорит:

— Вы не знаете такого деятеля, как Александр Леонидович Гальперн?

— А зачем он вам? — вопросом на вопрос отвечает Мария.

— Да случайно наткнулся на его фотографию в интернете.

— А-а, случайно! — в голосе Бархатовой прозвучала ирония. Помолчала. —

Знаете, почему о нем нет никаких упоминаний в масонской литературе и вос-

поминаниях? Он в свое время был подвержен, так называемой, «радиации»¹. Вы, конечно, знаете, что означает этот термин?

Она снова замолчала.

Он подумал секунду и твердо сказал:

— Да, знаю!

— Он был подвергнут радиации! — повторила она. — За то, что оценивал роль русского масонства как деструктивную и абсолютно антироссийскую. А потом он куда-то вообще пропал. Поговаривали, что в эмиграции в Париже, в Булонском лесу, был убит какой-то видный масон... Но это из области догадок.

— Спасибо вам за то, что развеяли мои сомнения, — холодно-вежливо попрощался с нею Олег Павлович. Походил немного по кабинету. Снова вернулся к столу. Стал разбираться дальше с содержимым рыжей папки:

— Так это значит брат. Ну, и что этот двоюродный брат нам оставил? Воспоминания. Размышления?

Мировой перебирал сложенные в папке листы, пока не наткнулся на один, остановивший его взгляд: «Завещание последнего масона». Принялся читать: «Я пишу это письмо в те дни, когда Великий архитектор Вселенной уже призывает меня для отчета о проделанной мною работе в этой долгой-долгой истории под названием жизнь. Я пишу это обращение к тем, кто сегодня на рубеже двадцать первого века снова воссоздает наше братство в России.

Братья! Я обращаюсь к вам со своей историей для того, чтобы вы не повторили тех ошибок, которые сделали мы — масоны начала двадцатого века... Уже в тысяча девятьсот девяностом году в России появился первый масон. И под эгидой Великого Востока Франции была открыта первая ложа. Прошло совсем немного времени, и я наблюдаю, как быстро масонство начало свое движение по просторам бывшей Российской империи. Прошло всего с десяток лет, и в России уже возникла собственная Великая ложа России. А под ее эгидой десятки новых лож в самых разных городах России: «Святой Грааль» в Воронеже, «Омега» в Новосибирске и далее в Мурманске, Минске, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Челябинске, Казани, Шахтах, Алма-Ате...

Такой же бурный рост наблюдали и мы в начале двадцатого века. Сразу после революции тысяча девятьсот пятого года, когда государь-император Николай II дал России свободы, началось новое возрождение масонских лож. Но вот беда — ложи эти брали пример не с английских, где больше думали о духовном росте и совершенствовании, а с французских, связанных с политической деятельностью.

Я помню, как я сам в тысяча девятьсот одиннадцатом году впервые ступил на порог масонской ложи. Сначала шли первые разговоры. Вели их со мной и одновременно моим двоюродным братом Александром Яковлевичем Гальперном господина Керенский, Барт и Лопатин. Они спрашивали о моем отношении к такой организации, которая согласовывала бы действия разных партий, борющихся против самодержавия. Когда выяснилось мое положительное отношение к такой организации, они предложили напрямую встретиться ее представителями.

Вообще, как показывает наша, я имею в виду российская, история, наша элита, а впоследствии и интеллигенция, оказались чрезвычайно восприимчивы к западному опыту и западным идеям. Казалось бы, как может приложиться к великим просторам и идеалам России французское масонство, напитанное и поднявшееся на идеях Великой французской революции. Разный строй жизни, ментальность народа, пространства России — все это требует каких-то своих собственных, незаемных идей и решений. Ан нет, русская интеллигенция так и не смогла выра-

¹ Радиация — исключение человека из масонства. С запрещением упоминать его имя где бы то ни было. Человека как бы нет и не было вообще.

ботать ко времени революции ничего своего, неземного. Мы так погрязли в чужих заимствованиях, что так и не смогли найти ничего своего и увлеклись идеями масонства. И это привело нас, в конечном итоге, к октябрьскому перевороту. Почему? Да потому, что идеи, которые проповедовали руководители Февраля, не стали подлинными идеями масс.

Я тоже был очарован этими идеями. И в одна тысяча девятьсот одиннадцатом году, когда ко мне пришли братья в лице господина Барта и еще кого-то, с готовностью заполнил предложенную мне анкету. Через некоторое время мне сообщили, что ответы мои были признаны удовлетворительными и меня привезли в зал собраний с завязанными глазами.

Надо сейчас заметить, что в тот период времени в нашем масонстве уже были отменены многие обряды, а оставшиеся упрощены. Так что ни снимания обуви, ни приставления шпак к груди уже не было. Мне просто завязали глаза и провели перекрестный допрос. Допрос этот фактически был повторением вопросов анкеты. Но все равно обстановка произвела на меня странное впечатление и даже как-то раздражила и покорила.

Как обычно, управлял этим процессом председатель, по-французски Венерабль. Он же произносил и традиционные вопросы типа: «Закрыта ли дверь?», «Чего хочет брат?» Ну и так далее. В конце церемонии с меня сняли повязку. И кого же я увидел? На собрании оказалось немало знакомых лиц: Керенский, Переверзев, Барт, Виноградов и другие государственные люди.

Так я стал «учеником». А через год «мастером». Больше всего меня, конечно, впечатлила обстановка полной конспирации, которая царил в ложах. Один только венерабль знал всех членов. Все ячейки организаций не имели права общаться между собою напрямую — только через венерабля. Никаких секретных знаков у нас не было. Вся избыточная документация уничтожалась. Степени членов ложи хранились в тайне. В ложах, несмотря на то, что их члены принадлежали к разным партиям, царили братские отношения — безусловное доверие друг к другу, стремление взаимно поддерживать друг друга и помогать во всем. То есть масонские ложи были как бы надпартийной структурой, которая координировала деятельность кадетов, октябристов, меньшевиков, эсеров и других партий.

Я начал активно работать. Мне давались специальные поручения Верховным Советом. В конечном итоге, уже в начале Первой мировой войны я понял, что российское масонство, несмотря на свою относительную, по сравнению с партиями, численность, стало серьезной политической силой. Структурно оно было оформлено следующим образом. Во главе почти всего российского масонства стоял Верховный Совет Великого Востока Народов России со своим председателем. На моей памяти Генеральным Секретарем ВВНР сначала был Н.В. Некрасов. Прямо перед Февралем им стал эсер А.Ф. Керенский. Ну, а после февральских событий в силу большой загруженности он передал свои полномочия моему двоюродному брату — меньшевику А.Я. Гальперну.

Великим Востоком Народов России управлялись так называемые Советы лож. Их было несколько. В каждый совет входило в среднем по пять лож. А советы уже напрямую координировали деятельность лож на местах. Сами ложи создавались по определенным «профессиональным интересам». Были ложи «Думские», где собирались депутаты. Ложи «Литературные» — для творческой интеллигенции. И так называемые «Военные ложи», в которых работали высшие офицеры, генералы и адмиралы.

После октябрьского переворота и в годы советской власти все масоны, попавшие в руки чекистов, и даже те, кто эмигрировал, старались особо не афишировать свою деятельность в годы Первой мировой войны и свое участие в февральских событиях. Этому способствовала как общая обстановка в мире, так и то,

что масонские ложи строго законспирированные организации, свято хранящие тайны.

Но факты остаются фактами.

Уже в одна тысяча девятьсот шестнадцатом году появились ростки заговоров против царя. Один из них зрел в Государственной Думе под председательством ее главы М.В. Родзянко. К сентябрю этого года в основных чертах он заключался в необходимости отстранить императора от власти и передать ее наследнику. Под регентством Михаила. Возглавлял это направление А.И. Гучков, масон с тысяча девятьсот тринадцатого года и председатель комитета Думы по обороне. Он налаживал контакты с военными масонами, которые находились в составе военной ложи. Гучков и привлек к заговору генералов, начальника генерального штаба Алексеева, командующего Северным фронтом Н.В. Рудского, полковника А.М. Крылова — командующего третьим кавалерийским корпусом, командира Финляндского полка В.В. Теплова. Они уже в этот период распределили роли, которые должны будут сыграть. Генералом-губернатором Петербурга должен был стать полковник Крылов. Диктатором хотели назначить генерала Алексеева. Решительный Теплов готов был ликвидировать императора. Он говорил: «Убью, если велено будет!»

В это же самое время братьями готовились и списки нового правительства России. Выступление или переворот были назначены на апрель одна тысяча девятьсот семнадцатого года. А до этого времени масоны благословили убийство «святого старца». Высокопоставленный брат В.А. Маклаков, масон и гуманист, напутствовал убийц Распутина и подарил Феликсу Юсупову «кистень».

Сегодня мы знаем, что революционный процесс никогда не возникает сам собою. Он готовится, подпитывается, финансируется. Это как зажигание костра. Надо сложить дрова, подготовить горючую жидкость. Плеснуть. Дать искру. И тогда вспыхнуть может в любой момент. Так случилось и в семнадцатом. Зимой начались задержки с поставками хлеба в Петроград. В городе случилось незапланированное скопление запасных частей, солдаты которых не хотели идти на фронт.

Двадцать второго февраля император уехал в ставку, в Могилев. Через день начались волнения. Раньше, чем планировали братья. Но мы не растерялись. Наш план был классическим. Быстро, пока народ выходит на площади, совершить переворот и создать новые органы власти в Петрограде. Затем изолировать царя в удаленном месте и заставить отречься от престола.

Зародышем нового правительства немедленно стала Государственная Дума, образовав так называемый временный комитет. В него вошли братья — Председатель Верховного Совета Великого Востока народов России А.Ф. Керенский, братья — Н.В. Некрасов, Н.С. Чхеидзе, А.И. Коновалов, М.А. Караулов, В.А. Ржевский.

На уровне столицы братья взяли под контроль Петроградский Совет народных депутатов. Председателем его исполкома стал член Верховного совета «Великого Востока народов России» меньшевик Н.С. Чхеидзе. Членами исполкома в ранге заместителей стали тоже масоны — А.Ф. Керенский, Н.Д. Соколов, М.И. Скобелев, Н.Н. Суханов. Почти одновременно, после того как власть перешла в руки членов «Великого Востока народов России», началась реализация плана по отречению Николая Второго.

Царь узнал о фактическом перевороте в Петрограде, отдал распоряжения о вводе войск в столицу и решил вернуться из Могилева в Петроград. В это время, судя по всему, по приказу Верховного Совета ВВНР, член Верховного Совета Н.В. Некрасов начал исполнять план заговорщиков. Действовал он через командированного братьями в министерство путей сообщения комиссара-масона А.А. Бубликова. Бубликов начал отдавать местному железнодорожному начальству «революционные приказы» о блокировании царского поезда. А также с помощью дезинформа-

ции направлять поезд в нужное «революционерам» уединенное место, где их ждали «военные заговорщики».

Так Бубликов телеграфировал, что станции, находящиеся на пути царского поезда в Петроград, захвачены революционными солдатами и матросами. Это была ложь. Но окружение царя поверило в нее. И поезд вместо Петрограда пошел на Псков. В тринадцать часов первого марта он оказался на станции Дно. Здесь его ждала телеграмма от председателя Государственной Думы господина Родзянко, который назначил царю встречу во Пскове. Но во Пскове его ждал еще один брат-масон и одновременно заговорщик — командующий северным фронтом генерал Рузский. Ловушка захлопнулась. Генерал Рузский встретил прибывших предложением «сдаться на милость победителя».

В ходе длинного ночного разговора брат Рузский потребовал от Николая Второго отречения от престола и отказался выполнять приказы царя о подавлении мятежа в Петербурге.

К делу отречения подключился начальник генерального штаба — брат М.В. Алексеев. Он решил помочь Рузскому и разослал командующим фронтами телеграммы с призывом высказаться за отречение императора от власти. Командующие поддержали инициативу Алексеева. От себя он добавил: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России».

К сожалению, император сломался под таким давлением и принял принципиальное решение отречься.

В это время в Петрограде братья готовили текст отречения. Они передали его в ставку, в Могилев. И оттуда он был передан генералу Рузскому. Вслед за этим во Псков по поручению и с подачи Верховного Совета ВВНР прибыл брат А.И. Гучков и монархист В.В. Шульгин. Свою задачу — получить от самодержца подписанный текст отречения — они выполнили. Николай Второй отрекся за себя и своего сына в пользу великого князя Михаила.

Говорить о том, что именно одни братья-масоны устроили Февральскую революцию, будет неправильно. Но то, что они были в первых рядах — несомненно. И что наша организация была самой эффективной с точки зрения захвата власти и ее удержания, бесспорный факт.

Дальше все было делом техники.

Члены Верховного Совета ВВНР, которые, собственно говоря, и заправляли делами и во временном комитете Государственной Думы и в Петроградском Совете, собрались на заседание в доме М.С. Путятина и приняли решение о том, что Михаил Александрович тоже должен отречься от престола. Таким образом, династия Романовых должна была свое царствование прекратить.

Были на этом заседании и споры. П.Н. Милюков и А.И. Гучков выступали за конституционную монархию. А.Ф. Керенский пригрозил, что не ручается за жизнь нового монарха.

Текст отречения от власти теперь уже и Михаила составил брат Н.В. Некрасов.

В ночь на второе марта одна тысяча девятьсот семнадцатого года было составлено Временное правительство России. Распределение портфелей много времени не заняло, так как списки готовились еще с шестнадцатого года. В тот же день Петроградский Совет выразил официальную поддержку Временному правительству.

Ленин, который прибыл в Россию только в апреле и говорил о двоевластии, ошибался. Власть и там, и там находилась в руках братьев.

В первом составе Временного правительства практически все одиннадцать министров были членами лож. Несмотря на то, что они состояли формально в разных партиях — А.И. Гучков (октябрист), Н.В. Некрасов (кадет), А.И. Коновалов

(прогрессист), М.И. Терещенко (беспартийный), А.И. Мануйлов (кадет), А.И. Шингарев (кадет), А.Ф. Керенский (трудовик), В.И. Львов (центр), И.В. Годиев (октябрист), П.Н. Милюков (беспартийный) — все они были братьями-масонами.

Многие в то время удивлялись, откуда в правительстве появились малоизвестные и странные фигуры. Этим, собственно, и объясняется дальнейший и такой неожиданный взлет и самого Александра Федоровича Керенского.

В июле, когда князь Г.Е. Львов ушел в отставку, Генеральный секретарь Верховного Совета ВВНР стал премьер-министром. Соответственно, все последующие составы Временного правительства были преимущественно масонскими...

Я мог бы долго и с подробностями рассказывать обо всем, что происходило в тот период времени, какие ошибки были допущены братьями и почему они привели к такому фатальному развитию событий. В частности, братья, работавшие в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов (а если точнее, персонально брат Н.Д. Соколов), издали приказ номер один Петроградского Совета, положивший начало развалу Русской армии.

Было ошибкой и то, что они не смогли решить проблему мира для народа, пошли на поводу у своих французских братьев-масонов, которые буквально на коленях убеждали их вести войну до победного конца. Забыв об интересах народа, они дали братскую клятву, что не выйдут из войны. А это было губельно для России.

Сегодня, когда вы читаете мою исповедь, я заклинаю вас: не берите пример с нас, не пытайтесь внедрять в России те принципы и основы, которые идут к нам от братьев с Запада. В силу своего менталитета их отношение к России не меняется из века в век. Тогда, в годы испытаний, наши временные союзники, а на самом деле извечные враги, радовались тому положению, в которое мы ввергли свою собственную страну. Британский посол в Париже Ф. Берти в то время, когда Россия корчилась в революционных судорогах, писал в своем дневнике: «Нет больше России. Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальные может убираться к черту и вариться в собственном соку».

Масонство в России не стало инструментом духовного развития народа, оно, как и во Франции, скатилось на политическое поле. Даже самые прекрасные лозунги и намерения без реальной духовной работы всегда остаются дорогой в ад.

У России свой путь. Есть своя религия — православное христианство. И желание изменить страну должно идти в русле традиционных ценностей и представлений о добре и зле русского народа. Коммунизм, коммунистическая идеология и идеология братьев-масонов только омрачают и искажают божественный замысел в отношении России и приводят к деградации и падению страны.

Братья, не берите пример с нас!

Наша миссия провалилась. Сейчас, когда масонство возрождается, не поддавайтесь соблазну употребить вашу силу и влияние на то, чтобы изменить курс такой великой страны, как наша общая Родина — Россия.

С уважением и братским приветом, брат Александр Леонидович Гальперн».

«Так вот какой неожиданный поворот приняли события! — думал про себя Олег Павлович, пока читал послание из прошлого. — Можно сказать, даже сюрреалистический».

Мировой идет к большому холодильнику, наливает бокал белого холодного «Шабли» и выпивает. Возвращается за рабочий стол, задумывается. С момента его посвящения в мастера пришлось ему немало пережить, перечувствовать. И если суммировать его наблюдения, то их можно было выразить простыми и внятными

словами: недоумение и тревога. А если еще проще, то Олег пытается понять, куда он попал и где, как говорят, его вещи. Невольно вспомнил, как вчера, во время агапы (совместная трапеза в ложе), один из старейших участников ложи, крупный партийный функционер нашей самой главной партии, хвастаясь в подпитии, рассказывал о судьбе бывшего мэра.

— Мы его травили, как волка, — в порыве откровенности хвастался тот. — Зацепились и напустили на него журналистов. А те и рады были... Причем заметь: все списали на коммунистов, на их происки. В глазах общественного мнения он погряз в коррупции и взяточничестве. Не занимался городом и его делами. Политиканствовал. На самом деле, команда его травить поступала... — старый гривастый лев с испещренным морщинами лицом поднял палец вверх. — Оттуда!..

— Откуда? — переспросил тогда Мировой, ожидая подтверждения. — От Ельцина?

Но старейший масон словно чего-то испугался и, прекратив разговор, принял орать, чтобы «снова пушки зарядили».

Олег решает не торопиться с выводами и посмотреть это старое дело. Просит секретаря выбрать для него несколько публикаций того периода. Они лежат на столе. Мировой принимается читать «Петербургский паровоз» — газету, наиболее яростно бросавшую обвинения в адрес бывшего мэра. И чем больше он вчитывается в статью под заголовком «Собачье сердце», тем больше понимает, что все обвинения в ней высосаны из пальца. И само дело о некоей квартире для сестры — а речь шла в основном об этом — не стоит выеденного яйца.

Глава III

«Конечно, если существует тайная организация, состоящая из влиятельных и обеспеченных людей, многие из которых занимают высокие посты, почему бы не воспользоваться ее возможностями? — задумывается Мировой. — Так и у нас сейчас. Появились в наших кругах люди, которым что-то надо. Венераблю захотелось им посочувствовать. Но причем здесь я?!»

— Андрей, остановись у «Авроры»! — говорит водителю

Тот проезжает еще несколько десятков метров и неуверенно притормаживает, так как знает, что здесь стоянка запрещена. Мировой понимающе:

— Ты поезжай дальше! Найди место для стоянки. А я когда подойду, позвоню тебе.

С набережной направляется к квадратным, похожим на серые контейнеры кассам. К нему по ходу движения подходит парочка одетых по моде восемнадцатого века актеров. Он — под Петра Первого, высокий, в шляпе, камзоле, ботфортах с раструбами. Она — в длинном роброне с каркасом, молоденькая, насмешливая, в белом парике с густо нарумяненным лицом.

«Хорошенькая!» — думает Мировой. И неожиданно для себя даже соглашается с нею сфотографироваться. Просит, чтобы актер дал ему треугольную шляпу. Надевает. При его росте получается очень даже ничего. Покупает билет. И по трапу, мимо билетера в униформе, поднимается на палубу.

Сколько раз он за эти годы проезжал мимо старого крейсера. И каждый раз жадно вглядывался в жизнь, кипевшую на нем. То наблюдал, как молоденькие курсанты моют палубу и, разыгравшись, принимаются обливать друг друга водой из брандспойтов. То всматривался в толпы туристов. А вот остановиться, подняться — все было недосуг. Нынче будто что-то подняло, подтолкнуло: «Надо сходить!»

С набережной крейсер кажется небольшим. Но когда он проходит на борт, то понимает, что обманывался. Небольшой он, если сравнивать с авианосцем «Адмирал Кузнецов», на котором он много лет назад уходил из Севастополя.

Мировой подход к рынде — надраенному, мачетному судовому колоколу, который висит над палубой. Он кажется ему неким атавизмом. Ведь и сто лет назад «Аврора» была современным кораблем. И можно было по-другому бить склянки, то есть отмечать время. Но колокол остался.

«Флот любит традиции! — думает он. — Даже сейчас моряки продолжают носить с парадной формой кортики. Что такое кортики в современном бою, когда бьют ракетами на тысячи километров?» И он засмеялся этому, самому ему показавшемуся глупым, вопросу. Кортик — это знак отличия. Символ. Стальное жало, кованное из дамасской стали, покрытое узором. Душа его наполняется теплым воспоминанием о молодости, о времени, когда он щеголял в «парадке» на набережной Севастополя.

Олег касается ладошкой ледяной медной юбки колокола и идет дальше мимо серых орудий, упершихся стволами в сторону Зимнего. Мимо монорельса со стальными «корзинами», подававшими диковинные плоды — снаряды из пороховых погребов. Проходит вперед и спускается через широко открытый люк по узеньким корабельным ступенькам на нижнюю палубу. Тут располагается музейная экспозиция, показывающая жизнь на корабле и историю «Авроры». Жизнь на корабле, проиллюстрированная подвесными столами и подвесными гамаками, в которых спали, как в коконах, матросы, показалась ему простой и даже примитивной.

Рядом большой толпой идет экскурсия. Молодежь всматривается в фотографии матросов, отдыхавших перед походом на войну с Японией. Но Мировой думает не об этом. Он пытается понять, почему братьям не удалось сделать то, что удалось совершить большевикам. Почему мasons, пришедшие к власти в феврале одна тысяча девятьсот семнадцатого года, так и не смогли удержать власть? И уже в октябре были выброшены на свалку истории?!

Ленин сказал о декабристах: «Страшно далеки были они от народа...»

Наверное, все это можно сказать и о братьях. Потому что они тоже не понимали Россию. Были чужды и мужику, и предпринимателю. Первая мировая была для России войной за чужие интересы. Ввязались мы в нее, заступившись за сербов. Народ целей войны не осознавал. Да и были они туманны. Поэтому к семнадцатому все хотели мира. А братья, взяв власть, дали клятву верности французам и англичанам.

Второй вопрос, понятное дело, о земле. Но они даже и слышать не хотели о переделе. Ни на каких условиях. А большевики все решали в одночасье. Мир — народам! Земля — крестьянам! Власть — Советам! Заводы и фабрики — рабочим! Все.

В апреле Ленин въехал в Россию. А в октябре «Аврора» бабахнула вот из этого орудия. И Временное правительство пало. А вместе с ним пало и русское, интеллигентское масонство. Началась новая история России. Но и она ни к чему не привела. Ни у Ленина, ни у Сталина не было никакого образа будущего. Проекта будущего. Сталин воссоздал Российскую империю. Пустил исторический процесс по второму кругу. И в конце этого круга страну опять ждали революция и катастрофа тысяча девятьсот девяносто первого года. Теперь мы идем по той же дороге в третий раз. И что будет со страной? Какое общество мы строим — не знает никто. Без руля и ветрил...

Так, размышляя на ходу, слегка пригнувшись под низким потолком палубы, Олег Мировой обходит экспозицию. Когда спустился по трапу на набережную, обнаружил, что может и опоздать на встречу в ресторане «Крокодил». Звонит шоферу. И через пару минут уже сидит в салоне своего черного «Ягуара».

Он выбрал этот далеко не помпезный ресторан, потому что там было главное — хорошая кухня. Давно минули те времена, когда в постсоветской стране главным в ресторанном деле был интерьер. Посетители клевали на роскошь отделки, наряды персонала и красоту вывески. Теперь главное — качество и вкус блюд. А Олег —

гурман. Он долго искал в Германии ресторан, где подавали «Золотой Айсбан» — огромную свиную рульку... На Крите рестораник не для туристов, а для местных. В нем подавали отварные улитки... В Китае попробовал сотни блюд дикой кухни.

«Крокодил» — такое место, куда нечасто заходят туристы, но постоянно питаются чиновники расположенных в округе заведений. Так что не зря Олег Павлович назначил встречу венереблю в нем.

«Ягуар» с большим трудом протискивается по неширокой и к тому же заставленной дорогами авто улице Галерной. Но, наконец, останавливается. Мировой вылетает из машины и заскакивает в небольшой зал. Оглядывается. Обед еще не начался. И он выбирает столик там, где людей обычно бывает поменьше. Заходит в санитарную комнату-бункер с металлической сварной дверью. Моет руки. И усаживается изучать меню, поданное улыбчивой, полненькой официанткой. Можайков опаздывает. Но не смертельно. О чем и сообщает звонком через пару минут. Через пять он оказывается в дверях. Еще через минуту уже сидит за столиком вместе с Олегом.

Мирового, который долго не видел Николая Павловича, поражает его сходство с Гальперном со старинной дореволюционной фотографии. Дореволюционная осанка или, как раньше называли, выправка. Слегка удлиненное лицо. Усы «а-ля Мулявин», спущенные к подбородку. Черные волосы, зачесанные назад и открывающие высокий лоб. Только одет не в костюм с галстуком, как его прототип, а по-нынешнему простенько. Но со вкусом. Цветной пиджачок на черную, под подбородок, водолазку и черные джинсики. Но туфли, как отмечает Мировой, дорожные. Коричневые. И наверняка из кожи какой-нибудь экзотической зверюшки. Может, даже крокодила. Ну и, соответственно, часы «Картье». Приятный такой и холеный человек со скрытым при помощи фитнеса и салонов спа возрастом. И запах дорогого парфюма.

Сам Мировой в соответствии с последними веяниями, которые гласят, что от мужика должно пахнуть естественно и чисто, от парфюма, скрепя сердце, отказался. Но в девяностых он его обожал и активно пользовался. А вот Можайков стойко держится. «Человек, можно сказать, с принципами, — отмечает для себя это обстоятельство Олег. — Роста ниже среднего. Эдакий карлик не карлик, но великий человек в мире теней. Верный слуга... Кого?»

На этот вопрос Мировой ответить пока не может. Но вопрос, кому служит этот, несомненно, незаурядный человек с острыми, внимательными глазами, уже задает. Сначала разговор идет о том, о сем, в частности, о путешествии вокруг Европы. Можайков живо интересуется встречами в Англии. Расспрашивает о французских обычаях. Но, понятно, что не для этого он назначил встречу, не дождавшись заседания ложи. А для чего? Это выяснилось только к десерту.

— Ну что, Олег Павлович, — глянув ему в глаза, заговорил о деле венеребль. — Архив ко мне доставлен. Это большое дело, что ценности наших дореволюционных братьев возвращаются на свое законное место. Туда, где им и положено быть. В Россию. Я думаю, что братья отметят это событие достойно. А вас я предложу в ближайшее время повысить в грядусе — досрочно...

Еще месяц назад такая перспектива привела бы Олега Мирового в восторг. Получить так быстро следующую степень посвящения, подняться в собственных глазах и глазах братьев по ложе... Чего еще желать новоиспеченному мастеру? Но сегодня его что-то смущает в этом разговоре. И он, вежливо улынувшись, благодарит Великого мастера. Но бдительности не утрачивает. И правильно делает. Потому что дальше Николай Павлович говорит как-то неопределенно:

— Тут есть одно дело, которое не терпит отлагательства и о котором беспокоятся в руководстве Великого Ложи России. Дело щекотливое, но важное.

Мировой весь внимание.

— Касается оно ситуации, сложившейся вокруг Исаакиевского собора. — Можайков немного молчит, словно прощупывая реакцию собеседника. А потом продолжает. — Передача собора православной церкви вызывает недоумение и непонимание в наших кругах. Это что же получается? Собор построен за государственные деньги. Никогда не принадлежал церкви. Сегодня он является объектом культурно-историческим. Там проводятся экскурсии. И доходы от этих экскурсий очень даже немаленькие. Несколько миллиардов рублей в год. По договору передачи церкви, доходы от экскурсий переводятся в епархию. А расходы на содержание Исакия будут ложиться на мэрию. То есть получается, как в той сказке: «Им вершки, а нам корешки». Такой вот неприятный процесс. И в это сегодня вовлечены люди из самого близкого окружения первого лица. Братья считают, что передача церкви из такого жирного куса чревата дальнейшим усилением амбиций и потребностей наших церковников. А это не есть хорошо!

— И что же? — переспрашивает Николая Павловича Мировой. — Какая наша роль во всей этой истории?

Он нетерпеливо проговаривает эту фразу, уже понимая, что ему наверняка предложат расхлебывать кашу, которую не он заварил.

— Мы должны этому противостоять!

— Каким образом?

— Вызвать по этому поводу крупную общественную дискуссию. Не дать церковникам заглотить такой богатый кусок.

— А что делать мне?

Можайков достает из портфеля полиэтиленовую папочку. А из нее несколько скрепленных листочков.

— Необходимо срочно опубликовать эту статью на страницах одной из ваших газет. И далее вести дискуссию на эту тему. Ах, да, сейчас нет страниц. Не на страницах, так на порталах, в сетях. Верховный совет российских лож надеется, что вы выполните это решение. И мы сможем остановить бесконечное расползание церкви во все сферы.

Уже у себя в офисе Мировой достает «пасквиль», как он называет переданную ему статью, и читает. Чтение заставляет его глубоко задуматься. Потому что это настолько грубо и примитивно составленный текст с оголтелыми сравнениями и наездами на «попов», что он понимает — публиковать его в таком виде нельзя.

Он вызвал свое «бойкое перо» — доверенного журналиста Костю Бубликова. Дал ему антиклерикальное произведение и поручил, что называется, причесать публикацию.

Бубликов ушел, унося эту «бомбу» в «клюве».

Но Олега Павловича беспокоит не текст. Он много чего повидал в этой жизни. И даже не скандал, который разразится вслед за этой публикацией. Его беспокоит другое. После путешествия вокруг Европы на душе у него, что называется, пасмурно. Его грызут, мучают мысли о той роли, которую играли братья в истории Европы и его страны. Не так уж безоблачно было их прошлое. Не так уж ясно представлялось их будущее. Сидит он, «простой русский масон», и думает: «Значит, действительно многое из того, что говорят о нас, похоже на правду? И нашим отцам-командирам неймется так же, как в семнадцатом году. И хочется лезть в политику. А духовный рост и совершенствование души — это так, для проформы? Но это уже сегодня, когда логи только-только набирают силу. А что будет завтра?

Ведь мы также, как и сто лет назад, развиваемся по принципу, когда-то определенному еще Победоносцевым: самодержавие, православие и... если раньше он называл слово «народность», то теперь мы можем твердо сказать: и... «бюрократия».

Определив, таким образом, нынешнее состояние дел, Мировой долго сидел за столом, подперев руками голову. Решал два простых, но таких русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?»

В конце концов, Олег принял решение: заметку пока не публиковать, подождать какое-то время, тем более, его можно потянуть. А с собором как-то определятся. Глядишь, может, все само собою рассосется».

Глава IV

Олег Павлович Мировой категорически не разделяет сложившегося в девяностых годах мнения, что Петербург — это криминальная столица России. Оно кажется ему несправедливым и глупым. Город, который он знает и любит, культурная столица.

И подтверждается эта истина просто. Громадным количеством музеев, выставок, фестивалей и публики, которая жаждет прекрасного. Он тоже не чужд «старого-нового» тренда. И по субботам с удовольствием посещает культурные мероприятия. Сегодня как раз такой день. В филиале Эрмитажа открылась новая выставка французских экспрессионистов.

В хорошем расположении духа Мировой отправляется пешком к филиалу, что расположен в здании бывшего генерального штаба. На площади уже тусуются толпы туристов. Олег с любопытством оглядывает этот молодой новый народ. Вот две девчонки-подростка расположились прямо на брусчатке. Пытаются найти позицию для оригинального селфи. Одна стоит с телефоном, а вторая то ложится «рыбкой» прямо на камнях мостовой, то присаживается на корточки, выстраивая кадр. Они так заняты этим процессом, что, судя по всему, им «пофиг», что о них думают прохожие.

Олег Павлович, полюбовавшись на лежбище туристов, окружающее Александровскую колонну с ангелом в высоком небе, спешит себе дальше. К красивому, желто-белому зданию.

Выстроенная в строгой последовательности экспозиция не разочаровала его. Он идет по бесчисленным залам. Долго разглядывает размытые пейзажи Ван Гога. Любуется парижским бульваром Монмартр Камиля Писсаро, впечатляется лугами Клода Моне. Но особенно нравятся ему картины Поля Гогена. Яркие краски, коричневые тела на фоне ошеломляющей юной природы.

Олег долго, как зачарованный, стоит у картины «Чудесный источник. Сладкие грезы», на которой изображены две таитянки, меланхолично сидящие у прозрачной речки. Восточные лица девушек напоминают ему что-то нежное, полузабытое, покрытое любовью и печалью.

Он так увлекается, что незаметно для себя перебирается в залы, где экспонируется форма старинных русских полков. Простая, воинственная красота мундиров привлекает его. И он бродит, любуясь шитьем гусарских доломанов, эполетами кавалергадров, уланскими конфедератками, киверами, кирасами и другими воинскими артефактами. Так, по ходу дела, он забредает в зал, посреди которого стоит уникальная вещь. Это находящаяся в стеклянном куполе, на стойке, бархатная мантия, расшитая серебром и золотом.

Мировой с волнением, непонятным ему самому, разглядывает шитые золотом лилии на бархате. Изучает зеленую серебристую накидку с такой же вышивкой. Увидев, что он проявляет к этой, такой странной среди военных мундиров и оружия вещи интерес, к нему подходит маленькая согбенная старушка смотритель.

И как-то так задорно махнув седыми бровями, замечает:

— Вам она тоже была бы в самый раз!

Олег Павлович, польщенный комплиментом, спрашивает:

— Как она здесь оказалась? Это же что-то чрезвычайно редкое. Тем более в России.

— Эта накидка — парадная одежда французских рыцарей Ордена Святого Духа. Им был награжден Российский император Александр Первый. А вот и сам орден, — бабушка указывает на лежащий на алом бархате золотой крест белой эмали с золотыми же лилиями в углах.

Смотритель идет дальше, шаркая ногами по паркету, а Мировой остается любоваться белой летящей фигуркой голубя в центре ордена — символом Святого Духа. В какой-то момент он чувствует этот тончайший, едва уловимый запах. Запах французских духов, исходящий, по-видимому, от накидки. И тут его накрывает, словно что-то всплывает изнутри. Образы, люди, обстановка... Как тогда, в Париже. Он стоит посреди большой комнаты с лепными потолками, разрисованными амурами и психеями. И любезный человек в парике и старинном камзоле произносит по-французски, обращаясь к нему: «Ваше Величество! Объявите этим господам, что на Вас не лента ордена Андрея Первозванного!» И все. Картина растворяется.

Олег движется дальше, так и не понимая, что это было. И было ли это на самом деле.

* * *

Вечером Мировой собирается на концерт органной музыки в Петербургской капелле. Подбирая в комодке носки, случайно натывается на старую фотографию, с которой улыбается юная, восточная девушка-корейка. Опять попала на глаза эта фотография из далекой военно-морской молодости! Да, что там молодости! Юности! И вроде что-то ширится, просыпается в его груди! Но ему некогда вслушиваться в этот щемящий зов. Некогда рыться в этой пыльной рухляди! Его ждет живая, молодая, длинноногая «газель». Что было, то прошло и быльем поросло. Он просто откладывает эту старинную черно-белую фотографию. А затем мимоходом думает: «Вот черт! Куда эту фотографию не засуну, не спрячу, она все равно вылезает в самый неподходящий момент!» Но Олег Павлович почему-то не выбрасывает ее совсем.

А во двор уже въезжает черный «Ягуар». Из него выпархивает его нынешняя пассия.

Давно прошли те времена, когда, попав в закулисы модельного бизнеса, Мировой, как всякий нормальный мужчина, робел, смущался и боялся дотронуться до такой красоты. Теперь-то он знает, что работают там самые обычные девчонки. Не лишённые обычных женских слабостей и желаний. Они тоже хотят денег, счастья, хорошего мужа, детей. Ну, иногда и сделать карьеру модели.

Не у всех это получается. Большинство заканчивают или продолжают в «эс-корте». Или растворяются в небытии. Но бывают и у них удачи. Это когда удастся подцепить богатого мужичка. И женить на себе.

Мировой сначала удивлялся таким бракам. Он — умный, успешный, богатый. А она — глупая кукла. А потом понял. Для того чтобы добиться успеха, мужики пашут день и ночь. И никакой другой жизни, кроме работы, не знают. И когда на них «кладут глаз» молодые красивые женщины, теряются. Попадают в сети «охотниц». Сам он благополучно избежал этой участи. Но тоже прошел большой путь, пока понял, что к чему.

Ловили его по-разному. Одна красотка, например, семь лет давила на жалость. И все хотела его женить на себе, притворяясь больной и несчастной. Только он соберется с нею расстаться, а она хоп — заболела. Он, как человек порядочный, не может объявить ей о разрыве. А она, видно, каким-то чутьем угадывала, что он готов уходить, и взаправду заболела.

Теперь он приновился. И уже не дает повода для того, чтобы его окрутили.

Отношения упростились. И стабилизировались. Правда, иногда он ощущает какую-то тоску и чувство одиночества. Ему хочется что-то изменить в жизни. Почувствовать ту страсть, нежность, которые когда-то были спутницами его любовий. В таком состоянии он ищет женщин другого склада, которых, уж если не любить, то хочется, хотя бы покорить.

Вот это чувство и толкнуло его на авантюру с Мариной путешествовать вокруг Европы. Что из этого получилось? Получилось то, что получилось. Еще большее одиночество и разочарование. «Единственное, что мы умеем делать, как следует — это детей!» — с юмором думает Олег, встречая на пороге свою пассию. Гибкая, стройная, гордая. Лицо решительное, хмурое. Черная челка над глазами. По змеиной походке от бедра видно, что идет хищница. «Истинная жрица великой матери богов — Кибелы, какими их описал Иван Ефремов в своем романе «Таис Афинская», — понимает Олег, обнимая ее сильное, твердое, как из меди, тело.

Но внешность обманчива. Сейчас она мурлычет и облизывает его, как кошка. А он продолжает сборы. В театр. Сначала хотел одеть смокинг. Такой черный, с атласными отворотами костюмчик со специальной кружевной рубашкой и широким поясом. Но, посмотрев на ее «маленькое черное платье», передумал. Счел, что оно мало подходит для концерта. Скорее, для закрытой вечеринки. И одевается чуть демократичнее. В черный парадный костюм.

* * *

Им даже ехать никуда не надо. Петербургская капелла находится недалеко. Достаточно перейти по мосту Мойку и зайти в решетчатые ворота. Его здесь знают. Знакомая гардеробщица тетя Зина уже протягивает ему программку и театральный бинокль...

Концерт удается. Особенно в части его выхода в свет, на публику. Он слушает «Времена года» и прикидывает, стоит ли оставлять ее сегодня на ночь у себя? Для него это почти гамлетовский вопрос. Женщина, появляющаяся в мужском обиталище, немедленно, шаг за шагом, начинает осваивать жизненное пространство, отвоювая себе место в жизни мужчины. Она начинает с кухни. Потом перебирается в ванную. Затем захватывает спальню. В этих важных точках он сразу обнаруживает то помаду, то расческу, то зубную щетку или духи. Так они «метят» вещами захваченные территории. И если ее не остановить, то через некоторое время можно обнаружить у себя в шкафу ее белье.

Мировой все это уже проходил. Поэтому больше всего его устраивают встречи на нейтральной территории. Где-то на дачах, в санаториях, гостиницах, съемных квартирах. Встретились. Переспали. И разъехались, довольные друг другом.

Он решает: «Отправлю ее сразу домой. Все равно скоро надо будет ее заменять. Но пусть она сослужит мне последнюю службу. Сослужит — и тогда дам ей «золотой парашют».

— Иришка! — как можно душевнее говорит он. — Тут есть небольшое дело! Один очень, — он подчеркивает слово «очень», — высокопоставленный человек хочет познакомиться с молодой, красивой, сексуальной девушкой. Нужно подобрать ему кого-либо из твоих подружек! У тебя же есть такие? И, может, на следующей неделе мы организуем вечеринку. У меня. Вдвоем. Ты и я. Ну, соответственно, он и она.

Ирина искоса глядит на него своими черными глазами. И в этом взгляде мелькает нечто тревожное, горячее, женское. Он даже опасается: «Неужто догадывается о своей отставке? Ох, эти бабы! Как будто чувствует, что я приглядел на одном из просмотров юную модель. Хрупкую, похожую на девушку-подростка. Бельную, с розовыми, как у ребенка, губками».

Мировой даже представляет себе, как она будет восторженно глядеть на него своими голубыми наивными глазами и хлопать густыми ресницами, когда он появится во всей красе на очередном просмотре. А директор агентства, деловая, можно даже сказать, суровая для девушек дама, расплывшись в улыбке, представит его ей...

Глава V

Вот неделя-другая проходит, а статья, которую ему предоставили братья, так и пылится у него в конторе. Нет у него, Мирового Олега Павловича, желания ее печатать в газете и интернете. То есть выпускать в свет божий. И мысли при этом у него тревожные. «Как это так получилось? — спрашивает он себя. — Ведь вступая в ложу, я не подписывался на то, чтобы участвовать в разборках между братьями и церковью! Думал тогда совсем о других вещах».

Пока он так размышлял, ему позванивали. И сам Великий мастер. Последний разговор вышел неприятный. Сначала тот говорил о следующем заседании, на котором они хотят заслушать доклад о символах розенкрейцера... Но Мировой отлично понимал, что Великий мастер не станет ему звонить по этому поводу. И точно. Разговор пошел о статье. Прокашлявшись, после всех этих реверансов и эквивоков, Можайков спрашивает:

— А что, брат Олег Павлович, как там наша статья? Вроде бы мы договаривались?

Мировой понимает, что в таком разговоре ссылками на занятость не отделаешься. И надо, как говорится, давать ответ по существу. Ну, по существу, так по существу. И он рубит правду-матку:

— Я думаю, публиковать данную статью вообще не следует. Нецелесообразно.

В трубке повисает недоуменное и одновременно значительное молчание. Потом раздается какой-то осевший, а может быть, даже осипший голос Великого мастера. С вопросительной интонацией. Уже достаточно простой:

— А это почему?

— Видите ли, это моя личная позиция. Мне кажется, нам совсем нет необходимости влезать в это дело! Насколько я понимаю, это дело между государством и церковью. Собор — собственность государства. Оно, как хочет, так и распоряжается ею. Какое отношение мы, братья, имеем к этой проблеме? Если бы, например, вопрос касался нашей собственности, тогда понятное дело. За наше общее дело мы должны бороться...

— Но другие общественные силы выступили против этой сделки, — заявил визави на другом конце провода.

— Мы орден, который занимается душой! Почему мы должны вступать? — упирается Олег. — Это вообще-то не наше общее дело!

Он специально упоминает одно из названий масонства «Общее дело».

Великий мастер молчит. Потом добавляет:

— Я думаю, вы пожалеете о своем отказе! Я передам ваши слова...

Олег Павлович всегда считал себя человеком выдержанным и, можно сказать, миролюбивым. Правда, он давно подозревает за собою грех гордыни. Но то, что он может так вот вспылить и вылиться...

— Вы мне угрожаете? — срывается Олег с принятого «братского» тона. — Вы мне угрожаете?! Да кто вы такой?! Жалкий адвокатишка, пробравшийся с черного хода в ложу! Вы пытаетесь мне угрожать и указывать, что мне публиковать. Знаете, где я вас видел?.. — Тут в Олеге Павловиче разыграло его флотское прошлое, та грубая мужская казарменная атмосфера, через которую он прошел в молодости. И он высказал, где он видел Можайкова... После чего тот отключился.

Через пару минут Олег Павлович, конечно, пожалел о своей горячности. Но как говорится, слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

Было еще одно обстоятельство, по которому он не хотел публиковать этот текст. Дело в том, что решение о передаче принималось на самом высоком уровне. И когда начались сложности, то ответственность, чтобы не подставлять высокое начальство, взял на себя его товарищ — наместник. И как заведено в таких высоких кругах, публикацию в его прессе наместник мог воспринять на свой счет. Так что Мировой, отказывая Великому мастеру, решает для себя: «Пусть они сами разбираются во всей этой истории».

* * *

Олег Павлович вовсе не собирался порывать с ложей. То ли в простоте души своей, то ли от легкомысленного отношения к вопросу он посчитал, что данный разговор еще до конца не завершен. И решил, что надо объясниться с братьями. И не только объясниться, но и каким-то образом повлиять на их позицию. Предупредить их. Ведь в своем путешествии вокруг Европы он обрел не только бесценные знания, но и самое главное, твердое убеждение, что российское масонство перед Февральской революцией, уклонившись от своего главного дела — духовного роста и занявшись подготовкой переворота, привело себя к гибели.

Поразмыслив на эту тему, Олег Павлович решился опубликовать завещание последнего масона, которое привез от своих европейских братьев, но не передал в ложу. И не только опубликовать, но и написать от себя, конечно, под псевдонимом, вступительное слово.

Так и сделал. Написал напутственное слово, в котором изложил свой символ веры и надежду на то, что новое русское масонство учтет ошибки своих предшественников и «пойдет другим путем».

* * *

Мировой рассчитывал, что будет реакция. Может быть, даже бурная реакция. Но, как ни странно, после публикации наступила тишина. Зловещая тишина. Прекратились звонки.

Олег старается не заморачиваться по этому поводу. Но ситуация его постепенно напрягает. И на пятый день он рискнул. Решил позвонить знакомому брату, с которым они взаимно симпатизировали. Брат Михаил ответил. Но разговор получился странно уклончивый:

— Миша, ты читал «завещание»?

— Ну, да!

— Что ты по этому поводу думаешь?

— Да это было давно. И неправда! Похоже, что ты переборщил...

— В чем я переборщил?!

— Ну, в своих выводах...

Так, словно клещами, он вытягивал из брата Михаила Сапожникова каждое слово. И только под конец этого трудного, а главное, нудного разговора Михаил вдруг разразился несколькими тирадами:

— Олег! Они тебя радировали! — зачем-то перешел на шепот Сапожников. — Твое имя вообще запрещено упоминать! Общаться с тобой тоже запрещено! Тебя никогда не позовут в ложу. Ты вообще, как сказал наш Великий мастер, не существуешь! И тебя не было никогда... Поэтому, извини, брат, но то, что я даже сейчас с тобой говорю, может мне выйти боком...

Олег Павлович еще со времен бабушки является одним из учредителей небольшого, но солидного банка «Морской». Идея его создания возникла у Екатерины Алексеевны еще в девяностые. Она была на короткой ноге с командующим флотом, и тот как-то в разговоре посетовал, что банки плохо переводят деньги морякам. Офицеры, которым и так месяцами задерживают денежное довольствие, из-за инфляции теряют почти все.

Бабушка предложила ему: «А вы организуйте свой банк для моряков. Учредителями пусть выступают ваши отставные старшие офицеры. Народ им доверяет. Могут появиться и вкладчики. А главное, решите, чтобы средства для флота шли через этот банк. Ну, а я со своей стороны поговорю кое с кем в нынешней мэрии. Может, и они подтянутся со своими финансовыми потоками».

Так родился банк «Морской». В числе его учредителей с очень крупным пакетом оказался и Олег Павлович. Впоследствии он выкупил акции тех акционеров, которые решили покинуть это дело.

Люди действительно доверяли «Морскому». Власти помогали. Банк шел в гору.

Сам Мировой тоже проявил деловую хватку. Помог банку создать суперсовременную систему инкассации наличных денег. Исходил из того, что не все компании хотят и имеют возможность заниматься этим сложным и опасным делом. А они рискнули. И выиграли. Со временем этот банк стал как бы мотором, сердцем всей его большой и разнообразной компании. Помогал в продвижении его собственно го бизнеса. Давал хорошие и недорогие кредиты под проекты.

Но несколько недель назад что-то пошло не так. Один за другим крупные, в основном государственные клиенты стали закрывать свои счета в «Морском». Оборот начал резко падать. И слухи об этом кто-то заботливо донес до акционеров. Вчера Мировому позвонил председатель правления, попросил приехать на заседание. Вот Олег Павлович и едет. Скорее, ползет по загруженным улицам Петербурга на это совещание.

«Морской» расположен в солидном респектабельном здании дворцового типа. Дверь у него тяжелая, на всякий случай укрепленная. И охрана на входе соответствующая. Через разгороженный на отсеки операционный зал Мировой идет к служебной двери. По ходу улыбается «офисному планктону», представленному в основном молодыми девушками у компьютеров.

У Олега своя электронная карточка. Он прикладывает ее к замку, поднимается по внутренней лестнице в длинный коридор, потом сворачивает к стеклянному боксу, где сидит председатель правления. Обычно улыбчивая секретарша с кудряшками сегодня почему-то тупит острые глаза и как бы нехотя здоровается:

— Здравствуйте! Вас ждут!

Он проходит в просторный кабинет Николая Федоровича и понимает, что там какой-то жаркий спор. При его появлении разговор затихает.

Председатель правления, обритый наголо (по нынешней моде), но с пробивающейся бородкой и усами, молодой мужик начинает доклад о том, что в прошлом году банк стабильно набирал обороты и давал прибыль, а нынче обстановка резко изменилась. И изменилась буквально за пару недель:

— Неожиданно для нас наши давние и самые крупные клиенты стали отказываться от обслуживания. Вот «Стройгазмонтаж», например, давал оборот в шесть миллиардов рублей в год. Сейчас он переводит свои счета к конкурентам и в Сбербанк. Или предприятие, обслуживающее портовый сервис. Они почему-то решили, что наше положение ненадежно, что у банка большая закредитованность на межбанковском рынке и не хватает ликвидности. Откуда пошла такая информа-

ция, я понять не могу?! Они уходят от разговора. Не хотят открывать, откуда дует ветер...

В этот момент все члены правления, доселе внимательно слушавшие речь управляющего, слегка напряглись.

В разговор вступает Сидор Иванович. Он бывший командующий флотом, а ныне пенсионер и акционер. Сухощавый, с коротко стриженным ежиком седых волос, адмирал уже давно щурит подслеповатые глаза и перебирает в руках справку о потерях, которую дал всем участникам собрания управляющий:

— Знаете, если в бордель перестали ходить клиенты, это значит, что надо не занавески менять, а девочек... Так вот, я навел справки по своим каналам, прежде чем идти сюда. И выяснил, откуда дует и почему дует ветер! На наш банк окрысились почему-то люди с самого верха. По какому поводу, я не знаю, но по большому секрету мне сообщили, что давление на клиентов осуществляется очень серьезное. Из администрации. И связано оно с личностью одного из владельцев крупного, — отставной адмирал голосом подчеркнул последнее слово, — крупного пакета акций. А если быть точным до конца, то речь...

Все начали переглядываться. А Сидор Иванович отчеканил:

— ...Речь идет о нашем товарище Олеге Павловиче Мировом.

Теперь все взгляды уперлись в него.

— Я, конечно, не знаю всей истории взаимоотношений Олега со структурами, близкими к властям. Да и не наше это дело выяснять, кто да что. Но я бы предположил, что дело очень серьезное. И предложил бы Олегу... — адмирал с торжественного тона перешел на более мирный, товарищеский, — подумать... — На этот раз он зафиксировал нажим на слове «подумать». — Что надо сделать, дабы вывести наше совместное предприятие, то есть банк «Морской», из-под удара...

После выступления адмирала они еще с полчаса всемером «гоняли чай». Расходились все по одному. Быстро-быстро. Пожав руки и ссылаясь на постоянную текущую занятость. Последним уходит адмирал. Он какое-то время стоял на пороге кабинета, словно переминаясь.

«Понятное дело, — размышлял Олег. — Старик надеялся на достойную старость. Вложил все свои деньги в этот банк еще в начале его зарождения. Пестовал его. Ломая гордость, договаривался с разного рода чиновниками-гнидами. Так сказать, держал «крышу» над их общим детищем. А теперь получается, что я подставил всех. С кем-то не поладил. С кем-то разругался насмерть. И теперь источник его благосостояния может в один момент иссякнуть. Но старик держится по-человечески. С достоинством. Виду не показывает, каково ему сейчас в свои семьдесят. А я? А что же я?»

Старый адмирал тем временем еще топчется на пороге. Видимо, хочет что-то сказать, но не говорит. Только рубит воздух морщинистой рукой сверху вниз. И уходит. Олег остается с лысо-бородатым управляющим наедине. Помолчали. Посидели. Наконец, Олег спрашивает:

— Ну и что же мне надо сделать в такой вот ситуации?

Управляющий вздел очки на нос и сразу из крутого мачо превратился в того, кем он и был на самом деле — в счетовода, бухгалтеря. Скромного бухгалтеря. Глянув в свой компьютер, он тихо произносит:

— Ну, в таком положении мы продержимся еще пару месяцев. Затем начнутся «технические проблемы». Еще через месяц вкладчики поймут, в чем дело. И начнется отток. Время есть, чтобы вывести кэш. Какие-то активы. И уехать за границу.

Он вопросительно смотрит поверх очков Олегу в глаза. Но тот взгляд не отводит. Выдерживает. И просто говорит:

— Я на это не пойду! Есть другой вариант?

— Можно попробовать спасти ситуацию! — оживляется управляющий. — Вы с шумом в прессе выходите из совета и акционеров банка. И тогда, может быть, удастся договориться с клиентами об их возвращении. Хотя они сильно напуганы. Боятся потерять свои деньги...

— Значит, я выйду из состава акционеров!

Олег всегда казался человеком мягким, не склонным к крутым решениям. Но когда наступали такие минуты, неизвестно откуда у него вдруг прорезался характер. Сейчас была как раз такая вот минута.

— Продам акции. Дешево! Очень дешево!

* * *

Сказать-то он сказал. Сказать было трудно. Но вот выполнить сказанное, кажется, еще труднее. Потому что на финансирование банком завязаны его многие проекты. А если он выйдет из состава акционеров, то, скорее всего, сменится руководство банка. А оно обязательно сменится при новых хозяевах.

Тогда кто даст ему новые кредиты? А не потребуют ли от него досрочно вернуть старые?..

От таких перспектив у Олега дух захватывает и кружится голова. Впереди крушение всего холдинга. Банкротство. Невыплаты зарплат. Иски трудящихся... Бесконечные судебные тяжбы... И вообще, непредсказуемый финал.

С таким вот тяжелым клубком мыслей Мировой выходит из дубовые двери банка. И бредет к автомобилю. «Хорошо, что у меня нет детей!» — машинально думает он, захлопывая дверцу «Ягуара».

Глава VII

С утра пораньше к нему в кабинет вламывается начальник службы безопасности. Огромный и неотесанный, он выглядит в модном помещении этаким инородным телом. Иван Сергеевич кладет перед Мировым компьютерную флэшку. Но не удаляется восвояси, а настойчиво просит шефа, чтобы тот подключил ее к ноутбуку и посмотрел запись, которую он прокомментировал так:

— Это я записал позавчера в бане, куда повадились ходить ваши заместители и некоторые директора предприятий.

«Ну, что ж, кино, так кино», — уже с некоторой долей фатальности думает Мировой и приступает к просмотру. Фильм, несмотря на некоторые технические погрешности, впечатляет его. Доблестные «соратники по борьбе», разгоряченные теплом и отчасти пивом, нелицеприятно высказываются о том, что происходит сегодня на вверенных им предприятиях. «И ты Брут! — меланхолично думает Олег, выслушивая своего любимца и, можно сказать, выкорыща Петра Дошукова. В бурном монологе тот предлагает «прийти всем вместе и сказать хозяину, чтобы не похерить бизнес, ему надо уйти в отставку с должности председателя наблюдательного совета».

Остальные, вместо того чтобы одернуть зарвавшегося приятеля, спорят с ним по форме. Мол, может не приходиться, а например, написать письмо. Или собрать внеочередное собрание акционеров. В общем, налицо начинает складываться некий заговор «шептунов», как называет про себя всю эту свору Олег Павлович.

Просмотрев сюжет про «кино, вино и домино», Мировой в первую минуту хочет вызвать своего верного Нарачеева и сообщить ему о шатании и брожении. Но порыв угасает, и через некоторое время Мировой мрачно задумывается: «Черт возьми! Как же я докатился до жизни такой?! Почему все так получается теперь? Почему все катит под откос? Жизнь, которая казалась такой правильной, осмысленной и нужной!»

Но потом внутренний голос, появившийся хрен знает откуда, нашептывает ему: «А была ли она такой? Не лукавлю я перед самим собою? Не строю ли сам для себя некую иллюзию? Что говорить-то? Работа эта мне давно обрыдла! Так что тяну я лямку через силу. Семьи как таковой нет. Что я нажил в своей жизни такого, за что можно держаться? С братьями тоже все пошло не так. Я думал — найду в ложе братьев по духу. И вместе с ними пойду по жизни. А кого я нашел? Интриганов, карьеристов, которые ради власти, влияния и денег готовы отринуть все законы, положенные в основу ма-сонского ордена. И преследуя свои цели, они хотят использовать других в своих, часто не совсем понятных и благовидных целях. А когда я им прямо на это указал, окрысились на меня. И подвергли «радиации» — сделали вид, что меня не существует...»

Он вернулся к себе домой. На Каменный остров. И уже тут вступил в длительную и отчаянную борьбу с «зеленым змием».

Следующее утро застало Олега лежащим на широкой кровати. Одетым. И со страшной головной болью. Но физические страдания с перепоя были ничем по сравнению с моральными. Особенно после того, как ему позвонили из офиса и сообщили, что к ним пришла внеплановая проверка. По письму одного странного субъекта...

Глава VIII

— Он избивал меня каждый день! Бил беременную! Заставлял делать аборт... Я ходила вся в синяках... А потом клялся и божился на коленях и просил прощения! Говорил, что так все осознал... Хотел, чтобы я вернулась... Насиловал извращенно...

Олег смотрит на всхлипывающее лицо своей бывшей подруги, которая несет сейчас всю эту пургу и не верит своим глазам. Не верит тому, что это она говорит о нем. Да, это действительно она — Ольга. «Драная кошка», которую он подобрал на каком-то семинаре, а потом семь лет выхаживал, лечил, содержал. Как и все, хотела замуж за него. Расстались. И вот теперь она несет весь этот бред. А он слушает. И вместе с ним миллионы пользователей социальной сети.

Помощник по юридическим делам, который обнаружил это видео, с лицемерной грустью сообщил шефу, что сюжет уже собрал несколько десятков тысяч просмотров. И в сети развернулось бурное обсуждение.

Мировой откладывает в сторону смартфон.

— И кто это выложил?

— Да, вы их знаете! Есть у нас такой сайт под названием «Абик». Там работают простым методом. Они собирают сплетни, слухи, всякую дрянь. А потом приходят к тому, кто это может купить, и предлагают — можем разместить за деньги! Или к тому, на кого они эту дрянь собрали, и говорят — купите! Платите. И мы не будем размещать. Значит, кто-то купил у них это видео. Кто-то заплатил. И теперь они его усиленно распространяют.

Мировому все ясно: семь лет Ольга надеялась захомутать его. Била на жалость. Но не вышло. А для нее это катастрофа. Рухнуло все, что выстраивала в своей голове. Ну, а народ? Народ, он не меняется. Возможность анонимно пакостить на ближнего выявила такую ущербность людей, которой, видно, не было со времен Сталина. Захлебываясь от собственной блевотины, они по-шалкальи кидаются на каждого, кто попадает им под руку. И готовы грызть, рвать на куски, упиваясь собственной безнаказанностью.

Может, не надо было Мировому заходить на форум, читать о себе такое, чего он вообразить не может в самом дурном сне. И самое главное, он понимает, что любые его попытки оправдаться, сказать, что все это ложь, ни к чему не приведут.

Они еще больше раздражают «шакалов». Дадут им новые поводы для глумления и издевательств.

Он вынужден молча наблюдать за тем, как ведомая умелой рукой кампания по его дискредитации набирает обороты... И это угнетает его. Каждый раз, появляясь на рабочем месте и проходя мимо отделов управляющей компании, он думает: «А может, вот эта милая девушка-экономист, которая краснеет и улыбается при встрече со мной в коридоре, сейчас придет к себе, сядет за компьютер и напишет обо мне очередную гадость. А вот этот пожилой журналист уже отправил на «Абик» очередную фотожабу на меня?..»

Держать удар и жить в таком состоянии становится все труднее и невыносимее. Поэтому к концу рабочего дня Олег Павлович частенько выходит из своего кабинета слегка подшофе. Он перестает посещать концерты, модные собрания, потому что и там его «гнут» те же мысли...

Мировой к концу длинного, прохладного питерского лета находится в состоянии нервного истощения и протрации. Привычный мир вокруг него рушится. Он чувствует: та жизнь, которой он жил, которую ценил с ее красотой, комфортом, приличностью во всем, куда-то безвозвратно уходит. Наступает другое время. Холодное и жестокое.

Бессонными ночами, когда становится особенно невыносимо, Мировой часами размышляет о случившемся с ним: «Я думал, что строю на века, а все разваливается, как картонный домик. А самое главное — разрушается и моя вера. В справедливость, порядочность, в духовное развитие».

Он то корит себя, то превозносит. В его воспаленном сознании возникают планы мщения: «Поддам на клеветников в суд. Пусть прищемят!» И одновременно понимает: кто стоит за всеми этими делами, только и ждут от него каких-то действий, чтобы с гиканьем развернуть новую кампанию травли. «Надо переждать это время, пересидеть, — думает он. — Все когда-то кончается. Выдохнутся и они».

Глава IX

Как-то августовской ночью, часа в три, измотанный бессонницей и постоянным возбуждением, Олег слышит, что где-то снаружи, под балконом его дома-дачи на Каменном острове, раздается жалобное мяуканье. Спускается вниз и, открыв дверь, обнаруживает на ступеньках между колоннами мокрого, продрогшего, видно по всему, голодного, похожего на шерстяной комочек, котенка.

— А-а, это ты, Чапа?! — произносит Олег первое пришедшее ему в голову имя.

Он занес котенка на кухню. Достал из холодильника молока. Тот, аккуратно орудуя розовым язычком, как ложкой, похлебал. Мировой замотал котенка в попавшее под руку полотенце и оставил в кресле на кухне. Каково же было его удивление, когда он обнаружил утром пушистого котенка у себя в ногах. Свернувшись в клубок и воткнув нос куда-то вбок, тот мирно дремал на одеяле.

Мировой не любит живности в доме. Вернее, он не любит связанных с нею неудобств в виде подранной мебели, луж на паркете, запахов и шерсти. Но на этот раз он машет на все рукой. На кухне у Чапы появляется своя железная мисочка, а в туалете пластмассовый лоток с наполнителем.

Так прошло некоторое время.

Мировой дошел в своем самоедстве до последней степени нервного истощения. И что-то в его голове перещелкнуло: «А может, все дело выеденного яйца не стоит?! — думает он. — Взять ружье. Заложить «полеву». Приложиться к голове. Вот здесь. Снизу. И-и-и!..» Тут он вспоминает смерть отца и пугается: «Вот так они убили его. Сговорились за моей спиной. И убили. Старик достал всех своими пьяными выход-

ками. Своей грубостью. Своим диким норовом заглуявшего купчика. Когда у человека впервые появились такие большие шальные деньги, он потерял человеческий облик. Границы дозволенного. Превратился в дикое хамло. В какого-то бабуина. А все молчали. И сами потихоньку договаривались. Вот так же втихаря шли разговоры... Разговоры... А может, действительно все это надо прекратить, закончить? И способ простой!» Но тут же: «Это я так. Играю. Никогда я на это не пойду! Жизнь... Жизнь прекрасна и удивительна. Правда, пока из этого ничего не получается. И жизнь — какая-то хрень! Какая-то тошниловка! А самое главное — нет никакого просвета, никаких перспектив. Я люблю раздолье, свободу, путешествия. А здесь чахну, как царь Кащей. Ради чего? Какой смысл в этом деле? Есть вопрос. Но нет ответа. Нет ответа... Живу какую-то чужую ненужную мне жизнь.

Но ведь так было не всегда! Не всегда! Так когда же это началось?..»

Олег поднимается по лестнице на третий этаж, в свой кабинет, обставленный дорогими вещами. Кабинет, в котором висят его собственные портреты в разном обличье. То он гусар, то художник с мольбертом, то джентльмен во фраке, то боярин в кафтане. У Мирowego в кабинете целая коллекция холодного оружия. Начало собранию положил штык-нож, который зачем-то подарил ему знакомый батюшка. Потом каратисты поднесли на юбилей самурайский меч — в прекрасных ножнах с рукоятью, отделанной слоновой костью. Кто-то принес на день рождения драгунский палаш. Достойное место занял и кавказский кинжал...

Но больше всего Мировой ценит кортик. Морской кортик, который остался у него со времен службы на флоте. Частенько Олег Павлович берет в руки это изящное произведение златоустовских оружейников. Ни турецкая сабля с драгоценными камнями, ни парадная офицерская шпага не вызывают у него столько эмоций. Боже! Как он гордился им когда-то! В те времена, когда в белой форме с золотым парадным ремнем пристегивал к поясу этот тяжелый, но изящный символ доблести морских офицеров. Мировой останавливается, чтобы достать узкое прямое жало из черно-золотых ножен и полюбоваться золоченым «цветочным» узором на холодно блеснувшей булатной стали.

Он идет к ружью. У него в уголке, в нише, лежит подаренное когда-то сослуживцами ружье фирмы «Бенелли». С прикладом из красного дерева. И с золотым курком. Созданное итальянскими оружейниками, это оружие — мечта любого понимающего охотника. Хранится оно в твердом, стального цвета футляре. Он открывает его и начинает собирать оружие, ощущая теплыми ладонями ледяной холод стали. Вставляет со звоном ствол в ствольную коробку. Потом надевает деревянное цевье. Закручивает, прижимая металлической шайбой...

Ружье собрано. Олег отпускает кнопочку предохранителя и взводит затвор. Затем отпускает его. Пружина работает четко и звонко. Мировой достает из шкафчика отдельно лежащие под замком патроны.

Привлеченный шумом и звоном в кабинет забегают котенок. Пушистый комочек. Чапа. И принимается катать лапой патрон, лежащий на ковре. Олег отпихивает его ногой. Но тот, думая, что с ним играют, продолжает приставать. Мировой отбирает у котенка выпавший патрон с пулей, рассчитанной на кабана или буйвола.

Ну, кажется, все. Снова лязгает затвор, загоняя патрон в ствол.

У Олега такое ощущение, что это происходит не с ним. Как будто какая-то неведомая сила овладела им и заставляет его сейчас вот так аккуратно и не спеша, как при замедленной киносъемке, снимать ружье с предохранителя. Так же медленно он снимает носок с левой ноги. Садится на стул со спинкой, вытягивает ружье, прикладом упирая в паркет. Ствол он направляет себе в грудь. Олег понимает, что делает что-то не то. Но неведомая сила заставляет его направлять круглое, холодное, стальное отверстие прямо под подбородок. Он пытается сопротивляться этой дьявольской силе. Мелькает мысль. Неприятная, холодная, как черная змея в зеленой

веселой траве: «Разорвет затылок. И мозги, и кровь заляпают обои». Он передвигает ствол ниже к левому соску, где уже рвется из груди, стучит сердце. «А отсюда я достану курок?» — механически думает Олег. И протягивает босую ногу большим пальцем к курку. Пробует. Трогает золотой курок пальцем. Да! Все в порядке.

Дурачок-котенок не понимает ничего. Трется о голую ногу. Мурлычет. Ждет ласки...

Мировой мягко отталкивает его ногой в сторону и, аккуратно наложив большой палец ноги на курок, закрывает глаза.

Ну, теперь все... Осталось нажать... И...

Идут мгновения. Палец медленно прижимает курок. Тот идет мягко-мягко.

И вдруг — острая, дерущая боль в пальце.

Он инстинктивно дергается. Ствол соскакивает в сторону.

Неожиданно грохочет выстрел.

Из ствола вихрем порох и гарь...

Котенок с душераздирающим воплем, в ужасе отлетает в сторону. Обдирает когтями обои. Несется по стене.

И забивается куда-то под шкаф.

Мировой оглядывается. С выстрелом слетает с него этот морок.

Несколько секунд, оглушенный, он не понимает, что произошло.

В последнюю секунду Чапа, которого он оттолкнул, впился зубами и когтями в большой палец ноги. От боли Олег дернулся так, что ствол отскочил в подмышку. И пуля прошла мимо, разодрав рубашку и кожу на боку. По рубашке вниз расплывается пятно. Но он жив. И даже не ранен серьезно. Так, глубокая царапина.

Сообразив, наконец, что произошло, Мировой пугается до дрожи в коленях: «Что это со мною было? Какая сила меня толкала?»

В ванной комнате ошеломленный Олег прикладывает к ране бинты. Глядит на розовую воду, текущую в воронку, и, наконец, соображает, что неведомо откуда появившийся в его доме Чапа спас ему жизнь.

В этот вечер он долго сидит у себя в кабинете и пытается понять в случившемся. Весь мысленный раздрай, который донимал его, куда-то ушел, и он ясно видит пустоту.

Пуля, пробив стекло, вошла в корешок, отщепив кусок книги, которую ему недавно принесли друзья-ценители прекрасного и тонкого. Она называется «Каноны Розы Мира». Мировой открывает эту небольшую книжицу на восемнадцатой странице и читает абзац: «Так где же ваша любовь?» А действительно, где? Где же она, любовь? Что потерял он на этом длинном пути под названием жизнь? Куда теперь идти?.. Господи! Как часто приходится врать. И кому? Себе! Оправдывать, стараться забыть, посылать к черту, проскальзывать там, где полегче. И постоянно от этого страдать... Не стал ли рабом мелких дел и делишек, корысти и гадких чувствешек? Не вянет ли разум? Не тает ли недавняя радость от ощущения силы и полезности?.. Грустно от повторения ненужных и бессмысленных забот. Будто жизнь — повторение уже кем-то прожитого. Как надоевшая потрепанная книга с известным сюжетом и пугающим концом, и ты ее очередной скучающий читатель. А вдруг когда-нибудь потом на вопрос, жил ли ты, может быть, найдутся силы ответить: «Нет!»

От таких мыслей Олегу Павловичу хотелось не только застрелиться, но вскочить, куда-то бежать, искать то, что потерял на дороге жизни.

* * *

На следующий день Мирового видели в Кронштадте. Он прошелся по городу. Зашел в отреставрированный, обновленный Никольский собор. Постоил у канала, через который когда-то входили в ремонтные доки корабли.

На гранитной стене в который раз вгляделся в памятник рыбке корюшке, что спасла горожан от голодной смерти в годы войны и лихолетий. Олег Павлович будто искал здесь что-то. Колыбель Российского флота не вызвала в его душе какого-то отклика и обновления. Почему? Ведь база была та же. У причалов на рейде стояли корабли, окрашенные в стальные серые цвета. Торчала черной трубой рубка какой-то подводной лодки. Торопливой походкой проходили по улице и исчезали за калиткой контрольно-пропускного пункта моряки в черных куртках — наследниках легендарных бушлатов. Все было на месте. Даже здание старинной голландской кухни на берегу. Здесь варили обеды для всех моряков, стоявших в гавани деревянных кораблей. Летний сад с чугунной решеткой. Часовня в русском стиле. Собор с романской мозаикой. Не было только главного. Того мира. Тех людей, с которыми он жил когда-то. Он, этот мир, исчез безвозвратно, как Атлантида. Утонул в реке времени.

Олег посидел в баре под названием «Большая черепаха». Выпил кофе и стал куда-то звонить.

Глава X

Сегодня первое сентября 2013 года. В ночном Петербурге накрапывает дождь. Над Невой бело-молочный туман.

Мировой уезжает. Ему грустно.

Перед дорогой Олегу Павловичу вдруг захотелось заехать куда-нибудь в церковь, чтобы попрощаться с городом. Зачем? Почему? Да он и сам не знает. Может быть, потому, что он его частица. И вся его жизнь связана с ним.

Мировой садится в «Мерседес» и неожиданно даже для самого себя командует верному Андрюхе:

— Давай заедем в Александро-Невскую лавру!

Демурин задумывается. Видимо, он удивлен и как-то неуверенно спрашивает: — Сейчас?

«Действительно, четыре часа утра, а я собрался в Лавру, — думает Олег. — Конечно, для него это странновато. А вот для меня — нет. Потому что я уезжаю в неизвестное, а он просто везет меня в очередное путешествие».

Демурин захлопывает дверцу, «Мерседес», мягко шурша шинами, выкатывается за ворота дома на Мойке.

Город пуст. Только на улицах бесконечными рядами стоят припаркованные автомобили.

— Поезжай по набережной! — говорит водителю Олег Павлович.

Машина черной тенью скользит по мостовой. Мировой вглядывается в темноту, пытаясь разглядеть шпиль спящей Петропавловской крепости. Затем они едут по Смольной мимо величественного собора Воскресения, чьи затейливые купола в стиле русского барокко словно бело-голубой мираж всплывают перед глазами Олега Павловича. Затем они петляют еще какое-то время, и, наконец, перед Мировым открывается главный купол Свято-Троицкого собора. Это твердыня православия, которую Петр Первый велел поставить на отвоеванной у шведов земле три века и три года тому назад.

Олег Павлович выходит из машины. Направляется к главному входу в собор. Но в этот ранний час ажурные металлические ворота закрыты. И Мировой просто долго, сам не зная почему, стоит у них. Потом резко разворачивается и идет обратно.

Проходит еще с полчаса. Черный «Мерседес» уже находится на выезде из города. Трасса выводит его в сторону Москвы. Впереди семьсот верст. А после?.. После...

Только мрачный, сидящий рядом с Демуриным, пассажир знает, куда на самом деле они направляются в это осеннее туманное утро...

Съехав с трассы километров за сто до Ростова-на-Дону, они бодро перемещаются в пространстве в сторону небольшого провинциального города, что расположен на берегу Азовского моря. Теперь дорога ведет их мимо распаханного поля, на котором строится новый аэропорт. Он будет называться «Платов». По имени знаменитого казачьего атамана, прославившегося в войну тысяча восемьсот двенадцатого года. Потом, как всегда бывает в России, показуха кончается, и они «скачут» по асфальту, в котором фуры выдавили гигантские колеи.

Демурин сбавляет скорость до минимума. Он опасается, что нежные диски, сделанные на германских заводах, не выдержат.

Мелькают южные названия одноэтажной России.

Мировой все время удивляется. Почти в каждом населенном пункте попадают придорожные кафе, шашлычные, банкетные залы.

— Они что, тут только и заняты, что гуляют с утра до вечера? — бормочет он.

На что Демурин резонно разъясняет:

— Обилие придорожных харчевен объясняется большим потоком отдыхающих, едущих к морю.

И добавляет:

— Если народу не мешать, то он сам поднимется. И себя и других прокормит.

Но вот, наконец, приближается точка, к которой они так стремятся.

Олег Павлович набирает номер начальника полиции, с которым они частенько бранились в путешествии вокруг континента.

— Андрей Петрович! Здравствуйте! Вот, как и договаривались, я и приехал! Куда мне двигаться?

В трубке гудит с южным приговором и хэканьем:

— Здравствуй, дорогой товарищ! Жду тебя с большим нетерпением. В хостиницу не заезжай. Я обо всем договорился. Тебе надо проехать через весь хород, найти медико-санитарную часть УМВД, она находится прямо на берегу, у залива. Там скажешь, кто ты, и тебя поселят, не спрашивая никаких документов и не заполняя анкет. Я предупредил их, что ты человек из центра. Со спецзаданием. И прибыл инкогнито.

— Ага, понял!

— Они тебя устроят по-царски. Поселишься — позвони! Я подъеду!

— Давай забей в навигатор: улица Шмидта или медико-санитарная часть полиции, — обращается к водителю Олег.

— Может, есть какие-то особые приметы у этого места? — уточняет Демурин.

— Змея в чашке! — вспоминает Мировой. — Там еще рядом, как мне объясняли, общественный совет при УМВД по Таганрогу.

— Угу! Хороший ориентир, шеф... Вы бы еще сказали, что там растут ореховые деревья. Они тут везде растут.

— Ладно, хватит умствовать. Поехали!

И «Мерседес» осторожно движется по пути, который им указывает женский голос из навигатора.

— Ну-ну! — замечает Демурин, когда они въезжают на перекрестке на трамвайные пути. — Тут и без колес останешься... в этой дыре...

Мировой, находящийся после звонка полицейскому чину в приподнятом настроении, декламирует, невесть откуда взявшиеся советские стихи:

— Есть на свете две дыры — это Кушка и Мары...

А Демурин подхватывает:

— Но и третья есть дыра — называется Чара!

— А теперь и четвертая — Таганрог.

— Да нет, это, кажется, вполне приличный город, — признает верный Андрей. — Смотрите, какие старинные тут есть здания! Во-он, слева...

Мировой читает вслух:

— Краеведческий музей!

Так, перекидываясь короткими фразами и обмениваясь впечатлениями, они медленно, но неуклонно двигаются по зеленым южным улицам этого города к намеченной цели.

В медико-санитарной части персонал встречает их избыточно радушно. И приветливо. «Мерседес» загнали в ворота и поставили в уголке на стоянку. Демурина разместили в однокомнатной палате. А господин хороший Олег Павлович Мировой уже через полчаса, приняв душ, ждет Андрея Петровича в парламентах. Но тот приезжает почему-то не на персональной машине с мигалкой, а скромно. На старенькой «Волге» с частными номерами. И сам за рулем.

Проговорили они около двух часов. Уточняли детали. Выпили по меркам юга России почти ничего. Всего бутылку хорошего коньяка, которую привез с собой начальник. А когда Олег Павлович достал из сумки вторую, полковник отказался, резонно заявив:

— Плесни мне грамм сто! А больше ни-ни! Мне еще за руль...

Потянулись дни спокойные и однообразные. Каждое утро, отзавтракав, Олег Павлович чаще всего отправляется на пешую прогулку по славному городу Таганрогу.

Сегодня он решил сходить в краеведческий музей. Одевшись поспокойнее, он выходит за ворота и движется, держа в руке карту. В музее градостроительства и быта на улице Фрунзе Мировой рассказывает, позевывая, по залам, пока не наткнется на мебельный уголок. Здесь экспонируются овальный столик на выгнутых ножках, кресло с резными подлокотниками, секретер, голубая ваза и какие-то безделушки. А рядом столик для рукоделия и коврик с надписью: «То свято место, где ты молилась».

— Это вещи, принадлежавшие императору Александру Первому и его жене — императрице Елизавете Алексеевне, — говорит высокая седенькая тетенька, стараясь удивить редкого неместного гостя.

У Мирового просыпается любопытство: «Как это так? В захудалом провинциальном музее такие вещи? Как они сюда попали? Вот воистину неисповедимы пути Господни!»

И он интересуется:

— Настоящие? Откуда?

Манерный экскурсовод встрепенулась, как застоявшаяся лошадь. Видимо, поняла, что нашла человека, который ничего не знает о случившейся здесь истории, полной загадок и драмы.

— А вы разве не знаете, что у нас в Таганроге прожил последние месяцы своей жизни и скончался государь-император Александр Павлович, то есть Александр Первый?! И как его прозвали в народе — Благословенный.

Мировой читал во время путешествия вокруг Европы случайно попавшую к нему книгу. Но до конца не дочитал, оставил в каюте. А в советской истории, которую он изучал, не было частной жизни царей и императоров. Воевал с Наполеоном! Но победу приписывали Кутузову и, естественно, русскому народу. Император — это как бы так, ретроград и «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда». Что-то еще такое он слышал о нем. И об этом городе. Тоже вроде от Пушкина: «Всю жизнь провел в дороге, а умер в Таганроге...» Частная жизнь царя, а тем более легенды о нем — это не его интерес.

А меж тем седая, манерная красавица экскурсовод уже разворачивает свои таланты, спеша блеснуть перед приезжим интеллигентным человеком:

— Царь приехал в наш город глубоко разочарованным человеком, — дает она свою интерпретацию событий. — В начале своего царствования он был полон надежд и гуманных порывов. А к концу разочаровался, судя по всему, во всем. И не только разочаровался, но еще и смертельно устал от всего, что случилось в его не очень-то долгой сорокасемилетней жизни. Обмануты надежды его юности. Ведь он хотел всю свою жизнь посвятить мирной и полезной деятельности. Реформировать страну. Дать России конституцию. Смягчить нравы. Отменить крепостное право. А вместо мирной и гуманной миссии он все молодые годы должен был воевать с могущественным противником. Но и слава Победителя Наполеона не помогла ему в переустройстве жизни ни в России, ни в Европе. Он создал Священный союз, который, по его идее, должен был стать источником стабильности и процветания Европы. Но сущность этого союза была так извращена, что он стал восприниматься как символ реакции и средневекового маразма. Император хотел облагодетельствовать народ и одновременно помочь государству. По образцу тех социальных утопий, которые он когда-то принял за реальные проекты, он создал в России так называемые «военные поселения». В них одетые в мундиры крестьяне должны были хозяйствовать и жить по команде. Но эти благие намерения превратились в кошмар русской жизни. Все его попытки отменить крепостное право — фактическое рабство — привели только к тому, что ярмо затянулось еще туже и произвол господ над рабами стал беспредельным. Веротерпимый и высокогуманный по своей природе Александр во второй половине своей жизни стал гонителем и недоброжелателем для всех, кто думал иначе, чем он. Вот в таком состоянии — законченным мистиком, уставшим душою человеком — прибыл он в начале сентября в Таганрог. Следом за ним приехала императрица. Все действующие лица драмы были в сборе. Государь готовился жить в Таганроге очень долго. Не менее восьми месяцев...

Мировой переспросил:

— Здесь, в Таганроге, он скончался! А где жил?

Но экскурсовод, видимо, не хочет портить свою тщательно выверенную и патетически выстроенную речь и продолжает в прежнем духе:

— Покидая столицу, государь долго и пристально смотрел на шпиль Петропавловского собора. А когда камердинер спросил его, когда тот вернется, то, указав на икону Спасителя, ответил: «Ему одному известно это...»

Мировой опять нарушил стройный ход ее плавного повествования простым вопросом:

— А что он мог здесь делать столько времени?

Тут уж, видимо, экскурсовод потеряла нить своего рассказа, и они перешли на человеческий язык.

— Царь приехал и поселился во дворце. Он, кстати говоря, до сих пор цел. Адрес его: улица Греческая, дом сорок.

«Господи! — думает Олег. — Так это же рядом с тем местом, где я живу. Надо будет посмотреть, что это за Чудо-юдо Рыба-кит».

— Что он здесь делал... — будто не слыша Мирового, продолжает экскурсовод, — ...или собирался делать у нас, вдали от столицы, зафиксировано до мельчайших подробностей. Он старался жить. Просто жить в нашей глуши. Он, в частности, лично занимался меблировкой комнат, которые занял сам и в которых жила императрица. Город предложил ему бал. Император танцевал на этом балу с местными дамами. Сначала с женою наместника Кавказа Воронцова. Потом с женою градоначальника. Ну, а затем с соседкой, которая жила напротив. Ее звали Улиана Андреевна Мартос. Как-то так получилось, что императрица с этой Улианой Андреевной подружилась. Казалось бы, что может быть у них общего? Однако нашлось. Это любовь к цветам. У этой Мартос был большой и красивый сад. И на почве этого об-

чего интереса они сошлись. Улиана Андреевна принесила императрице свои цветы. Та частенько гуляла у нее в саду, пока царь занимался казенными делами.

— Сплошная идиллия, — бормочет Олег Павлович, которому этот бесхитрый рассказ западает в душу.

А речь Веры Павловны, экскурсовода, продолжает литься рекой:

— Ну, а дальше вы, наверное, знаете, что случилось. Император поехал в Крым. Побывал в нескольких городах. Подхватил горячку и скоропостижно скончался здесь, в Таганроге, при странных и необычных обстоятельствах...

— Да?! — удивился Олег Павлович. — Что же было странного?

И тут на него посыпались подробности. О том, как император заболел. И все его близкие люди стали вести дневник болезни с подробностями, будто боялись, что им просто так не поверят. И что гроб, в котором везли тело, не открывали для прощания. Что император давно намекал на свой уход.

— У нас много чего говорили по этому поводу. Что он вовсе не умер, а ушел. И стал странником и старцем. Что в гробу был не император, а один из его фореиторов...

«Все в этом мире повторяется, — думает Мировой. — Как странно. Но почему?»

— История эта наделала много шума. И вот уже два века люди бьются над загадкой. Приводятся доводы про и контра.

— И какие же доводы? — любопытствует гость.

— Их огромное множество. Сразу все и не вспомнишь. Ну, первое — то, что через десять лет в Сибири объявился старец, как две капли воды похожий на Александра Первого. И звали его Федор Кузьмич. Вы это, конечно, знаете?! — обратилась она к Мировому.

Тот в ответ пожал плечами.

— А императрица Елизавета Алексеевна тоже умерла не в Петербурге, а в Белеве. И что о ней тоже ходили слухи. Не умерла, а поселилась в монастыре инокиней под именем Веры Молчальницы. И что когда большевики вскрыли гроб Александра, то тела там не обнаружили.

— А почему он подался в старцы? — поинтересовался Олег Павлович.

— Есть разные мнения исследователей. Но в основном они поддерживают две версии произошедшего. По одной — его замучила совесть. Ведь он был как бы заодно вместе с заговорщиками, которые убили его отца Павла Первого. И вот его заела эта вина, пока он не решил, что надо этот грех замолить.

«Экий грех! — думает Мировой. — По нынешним временам и не такое бывает. И никто на самом деле по такому делу и не печалится. Да что по нынешним. В истории сколько было случаев, когда сыновья свергали и убивали отцов, чтобы сесть на престол?!»

— Ну, а другая версия? — любопытствует он осторожно.

— Вторая группа историков считает, что проблема в другом. Неудачи на поприще реформ, невозможность совместить идеалы с реальной жизнью и стали причиной того, что император решил все бросить и удалиться в странники.

— А как такой видный человек в принципе мог уйти из дома-дворца незамеченным? Его ведь знали в лицо?

— У нас в городе ходит легенда, и она подтверждается некоторыми рассказами, что из этого дома-дворца, хотя это не такой уж дворец, был сделан подземный ход в другое здание, стоящее прямо на берегу Азовского моря. Кто-то даже в недавние времена видел этот ход. Когда сносили бывший дом князей Ширинских-Шихматовых, построенный на берегу Таганрогского залива, его и обнаружили. Об этом подземном ходе была даже публикация в журнале «Имперский вестник» за тысяча девятьсот девяностый год. В номере одиннадцатом. Этот журнал издается в Нью-Йорке Российским императорским союзом-орденом.

— И куда он мог пойти, выйдя из подземного хода?

— Есть разные версии. Вплоть до самых фантастических. Что его забрала на борт английская яхта, стоявшая на рейде. Что он уехал в Тибет, дабы там приобщиться к древней восточной мудрости. Некоторые, в частности Даниил Андреев, считают, что он удалился в монастырь и стал послушником у Серафима Саровского и только после смерти Серафима пошел странствовать по Руси. И странствовал, пока не попал в переделку, после которой на его личность обратили внимание.

— Переделку? Какую переделку?

— Его арестовали за бродяжничество. Кузнец, у которого Федор Кузьмич хотел подковать лошадь, обратил на него внимание. Очень уж не похож на простого крестьянина. Донес начальству. Его арестовали. Он сказал, что является бродягой. Родных не знает. Откуда сам — тоже. Суд приговорил его к наказанию за бродяжничество двадцатью плетями. И ссылке в Сибирь. Так «император» пошел по этапу. И стал известен под именем старца Федора Кузьмича...

Впечатленный рассказом, услышанным в музее, Олег Павлович Мировой возвращается в апартаменты, чтобы ждать от полковника Данилова решения своих проблем. По пути заглядывает на ту самую улицу Греческую, дом сорок.

И действительно, на засаженной деревьями длинной улице он обнаруживает одноэтажное, выполненное в классическом стиле, солидное прямоугольное здание. Рядом есть и калитка в заборе. И ворота. На стене мраморная доска. Но не об Александре. А о том, что в здании останавливался Пушкин. Однако попасть туда ни под каким видом любопытствующим посетителям не удастся. Другая табличка у входа гласит, что здесь расположен детский фуберкулезный санаторий. В общем, походил, походил Мировой вдоль длинного фасада здания, даже пытался заглянуть в окна санатория, но ничего интересного не увидел.

«В Таганроге случилась история почище той, — размышлял Мировой по дороге, — что описал Дюма в своем романе «Граф Монте-Кристо». Из этой истории можно сделать просто сказочный туристический маршрут. Народ бы валом валил, чтобы увидеть этот дворец, посмотреть на сады, которые разбил император Александр Благословенный. А мы сидим на богатстве, как собака на сене... Странно все это получается. Какими-то неведомыми путями я оказался здесь же, в Таганроге. А еще более удивительно то, что приехал я почти с теми же самыми мыслями: начать новую жизнь!»

Через две недели невольно пришло время серьезных решений. Готовясь к ним, Олег Павлович успел съездить в столицу Донского казачьего войска — Новочеркасск. Постоять у тамошнего собора. Погулять на прогулочном катере по Дону. При этом отобедать на верхней палубе знаменитыми раками и черной икрой. И послушать цыганский ансамбль. Кроме того, вчера он отпустил с миром водителя вместе с автомобилем. Строго-настрога приказал Андрухе «держат рот на замке» и ждать от него дальнейших указаний, не принимая на веру никакие известия, которые могут прийти в Петербург.

На следующий день к нему снова явился полковник Данилов. На этот раз разговор был более предметным.

— Ну, что, Олег Павлович! — говорит, усаживаясь в кресло у стола, полковник. — Могу теперь кратко обрисовать ситуацию. Есть у нас в стране такая программа — защита свидетелей. По ней мы можем поменять человеку внешность, документы, биографию. Так, чтобы он исчез из поля зрения преступников. Вот по этой программе мы вас и проведем, немного видоизменив ее.

Полковник достал из черного кожаного портфеля несколько фото:

— Позавчера на трассе Дон случилась страшная авария! Такси столкнулось лоб в лоб с рейсовым автобусом «Нальчик-Москва». Все трое пассажиров и водитель, находившиеся в иномарке «Рено-Логан», погибли на месте. Извольте полюбоваться! Вот фото аварии. На нем видно, что «Рено-Логан» с шашечками на борту плотно влип в

переднюю часть автобуса... А вот фото погибших, — замечает полковник, выкладывая вторую фотографию, на которой запечатлены страшно изуродованные тела трех человек. — Вот это вы! — Полковник указывает на высокорослого мужчину с полностью разбитым, окровавленным лицом. — В кармане у этого человека найдены документы на имя Мирowego Олега Павловича. А также его записная книжка. И смартфон с телефонными номерами. Смерть зафиксирована. Тела находятся в морге города Миллерово. Уведомления направлены на место работы и родным. Так закончил свое земное существование Олег Павлович Мировой, сорока семи лет отроду, не женатый, проживающий в городе Петербурге по адресу: улица Мойка, дом четырнадцать.

— И что теперь? — спрашивает Олег.

Данилов, пытаясь сыграть под фокусника, достает из другого отделения своего портфеля пачку новеньких документов:

— О-па! Теперь приедут ваши соратники, заберут ваше тело из морга в западном цинковом гробу и, не открывая, похоронят вас на каком-нибудь петербургском кладбище. Ну, а дальше появятся наследники... А вы теперь другой человек. Мы решили, что нет особого смысла менять имя-отчество, излишне создавая вам трудности. Изменили две буквы в фамилии и год рождения. Этого достаточно. Теперь вы совсем другая личность.

— И кто я?

— Вы теперь Миров Олег Павлович. Тысяча девятьсот шестьдесят девятого года рождения, уроженец станицы Нагутской Ставропольского края. Женат. Отец двоих детей. По профессии — водитель.

Мировой берет в руки свои документы. Долго и внимательно разглядывает реквизиты новенького гражданского, а затем и заграничного паспорта.

Документы подлинные, настоящие. И пахнут типографской краской.

— А водительское удостоверение?

— Как просили, открыли на все категории, — отвечает полковник. — Да вы не переживайте, Олег Павлович! Ни одна компьютерная прохрамма, ни одна проверка вас не выявит. Наши спецы дело знают. Все законно и абсолютно легально. Вы теперь совсем другой человек. И никто никогда об этом не узнает. Аллес!

— Виза?

— Виза хреческая на три года. Как просили.

— Значит, я теперь свободен!?

— Конечно! Если... — намекнул полковник любезно.

Олег Павлович понял, достал из своего портфеля пять пачек зеленых банкнот, стянутых белыми поясками.

— Здесь по десять тысяч долларов. Всего пятьдесят!

Полковник неторопливо свалил пачки в свой «Петек»:

— Ну что, может быть, отметим окончание нашего дела?

Миров (теперь уже Миров) не хочет никуда идти, поэтому просто достает из буфета большую бутылку «КВ», разливает по казенным стаканам, достает из холодильника лимон.

— Успехов вам!

Полковник выпивает до дна.

Миров только чуть пригубливает. Закусывает лимончиком.

— Может, вас куда-нибудь подвезти? — спрашивает Данилов.

— Спасибо! Теперь я сам, — отвечает Миров.

— Тохда я пошел!

— Счастливо вам!

— И вам тоже!

(Окончание следует)